

СЕРГЕЙ МИРОНОВИЧ КИРОВ

1886—1934

БОРЬБА

КЛАССОВ

№ 12 декабрь
1934

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

4-й год издания

СЕРГЕЙ МИРОНОВИЧ КИРОВ

30 лет— всю сознательную жизнь свою— товарищ Киров отдал без остатка рабочему классу и партии.

Сергей Миронович (партийные клички: Сергей, Серж) родился в 1886 году в маленьком уездном городке Уржуме, бывшей Вятской губернии. Здесь протекли первые годы его жизни. Детство было тяжелое и безрадостное. В раннем детстве он лишился родителей. Вместе с двумя сестренками его взяла на попечение бабушка. Вся семья жила на три рубля в месяц. Нужда тех лет надолго запомнилась Сергею Мироновичу. Жили впроголодь, «растягивая» каждую копейку. Но кормить внучат бабушка все же оказалась не в состоянии. И семи лет внук был отдан в детский приют. Здесь маленький Киров провел год. Уже в приюте он обнаружил удивительные способности и острый ум. Успешно окончил начальную школу, а затем городское училище. Учился хорошо, и по окончании смог поступить в Казанское механико-техническое училище.

Казань. Университет. Революционное студенчество. Здесь начинается первый этап самостоятельной жизни. И здесь же завязываются первые нити, которые впоследствии прочно связали всю жизнь товарища Кирова с революционной борьбой.

Городок Уржум был одним из многочисленных пунктов Вятской губернии, куда царское правительство ссылало революционеров. Это были первые подлинные учителя товарища Кирова. Со многими из них он был лично знаком еще в ранней молодости. И впоследствии, приезжая на каникулы из Казани, Сергей Миронович постепенно расширял свои связи с политическими ссыльными, доставал у них нелегальную литературу, подолгу с ними беседовал. Это была политическая школа, подготовившая Кирова, учащегося Казанского технического училища, к дальнейшей политической деятельности в кружках казанских студентов-революционеров. Товарищу Кирову было тогда неполных 18 лет. Но уже определенно складывались его революционные взгляды социал-демократа.

Осень 1904 года. Томск. Товарищ Киров приезжает сюда, намереваясь поступить в Технологический институт. Здесь на томских общеобразовательных курсах устанавливаются связи с местной социал-демократической организацией. Это— крупная веха в жизни товарища Кирова. В нем уже говорит будущий профессиональный революционер.

В Томске товарищ Киров очень скоро оказался в самом центре партийной работы. Он принимает горячее участие в организации январского во-

С. М. Киров в бытность членом Реввоенсовета XI армии.

оруженного выступления в 1905 году в ответ на «кровавое воскресенье» в Петербурге. Его выслеживают царские охранники. 2 февраля 1905 года его арестовывают на нелегальном партийном собрании и в «административном порядке» держат несколько месяцев в тюрьме. Это — боевое крещение, с которого начинается, как любил выражаться Сергей Миронович, настоящая революционная работа.

Уже в это время товарищ Киров примыкал к немногочисленной тогда в Томске группе большевиков. Изодня в день неустанно работал для партии. Распространял нелегальную литературу, работал агитатором в небольших кружках, выступал среди рабочих. В революционных кругах Томска хорошо знали товарища Кирова, ставшего вскоре членом томского комитета российской социал-демократической рабочей партии. Партийный комитет поручает ему одно из самых ответственных дел — руководить нелегальной партийной типографией.

Весь 1905 год товарищ Киров провел в Томске и на станции Тайга. Здесь он организует забастовку железнодорожников, прошедшую с большим успехом. В начале 1906 года партийный комитет дает товарищу Кирову срочное поручение: достать в Москве или Петербурге хорошую типографскую машину для местной партийной типографии. Но выполнить это поручение не удалось, так как в день отъезда товарищ Киров, выслеженный охранниками, вновь оказывается в тюрьме. Ему предъявляют «знаменитую» 126 статью царского уголовного кодекса. Тюрьма отняла год жизни и работы. Но лишь только за молодым пролетарским бойцом закры-

лись тюремные ворота, он немедленно принимается за осуществление поручения партии. Вместе с группой товарищей Сергей Миронович организует в Томске в подполье замечательно законспирированную типографию. Арест снова прерывает почти законченное дело. Потянулись долгие месяцы следствия. Улик у охранки не было никаких, но она уже чуяла в Сергее «опасного государственного преступника» и продолжала держать его в тюрьме. Наконец состоялся суд (по первому «делу»). Товарищ Киров приговаривается к трем годам крепости.

Одиночка в томской загородной тюрьме—таков был революционный университет товарища Кирова. Он переступил порог своей камеры, твердо уверенный в том, что рано или поздно он ее покинет. А пока необходимо было использовать время для самообразования. Трудные это были годы. Кругом свирепствовали карательные экспедиции и высились виселицы. Одиночный корпус томской тюрьмы стал для многих революционеров последней ступенью к эшафоту. Ночную тишину часто нарушали прощальные возгласы «смертников». Это трехлетие закалило нервы и волю. Таким товарищ Киров оказался в Иркутске после отбытия срока заключения. В столице Восточной Сибири свирепствовала реакция. Организация была разгромлена. К тому же охранка благодаря случайности (провал томской типографии) получила в свои руки новые улики. Пришлось оставить Сибирь.

И вот товарищ Киров во Владикавказе. Организации здесь не было. Были только отдельные товарищи. Здесь товарищ Киров в качестве нелегального работника прожил несколько лет. Началась война. В 1915 году—четвертый арест. По этапу отправлен в Томск. Снова год тюрьмы. Предстояла высылка в Нарымский край, но помешала Февральская революция.

Товарищ Киров принимает в ней самое непосредственное участие в качестве члена Владикавказского комитета социал-демократической организации. Во Владикавказе он работает весь 1917 год, и когда над Кавказом запылало пламя Октября, товарищ Киров — один из организаторов советской власти и руководителей вооруженной борьбы против белоказачьих банд. Его командирует большевистская организация в Москву за оружием и снаряжением для нарождающегося красного кавказского фронта.

С большим транспортом военных припасов возвращался товарищ Киров в 1918 году на Кавказ через Царицын. Но пробраться уже было нельзя. Золотопогонные банды успели оттеснить разрозненные партизанские отряды Кавказской Красной Армии. Партия знает товарища Кирова—закаленного и стойкого бойца, его светлый ум, его спокойную решимость и жертвенную преданность пролетарской революции. Ему поручают ответственный участок борьбы с контрреволюцией — о б о р о н у А с т р а х а н и. Киров вписывает ярчайшую страницу в историю гражданской войны. Здесь, у низовьев Волги, товарищ Киров руководит собиранием и приведением в порядок XI армии. Астрахань осталась в руках советов, ибо в Революционном Военном Совете XI армии, оборонявшей волжскую советскую твердыню, кипела неисчерпаемая энергия Сергея Мироновича.

Вместе с XI армией, во главе ее, товарищ Киров участвует в разгроме Деникина, в восстановлении советской власти на Северном Кавказе и в Баку.

Начинается полоса напряженных отношений между советским Азербайджаном и меньшевистской Грузией. Советское правительство назначает товарища Кирова полномочным представителем РСФСР в Тифлис. Через некоторое время Сергей Миронович получает новое ответственное поручение—участвовать в качестве члена советской делегации в переговорах с Польшей о мире. Затем—снова партийная работа на Северном Кавказе, потом в Азербайджане. Здесь товарищ Киров работает в качестве секретаря Центрального Комитета Азербайджанской коммунистической партии и члена Закавказского Краевого Комитета ВКП(б). Товарищу Кирову—выдающемуся партийному руководителю—принадлежит немало заслуг в создании и укреплении советской власти на Северном Кавказе и в Закавказье. Бакинский пролетариат знал, ценил и любил своего руководителя, друга, товарища Кирова.

Партия хорошо знала товарища Кирова. На X партийном съезде он избирается кандидатом в члены Центрального Комитета, а на XI съезде—членом Центрального Комитета партии.

Страстный революционер, непримиримый враг малейших отклонений от большевизма, от ленинизма, товарищ Киров был выдающимся бойцом за партию, за Центральный Комитет, за победу социализма в нашей стране. Киров был одним из первых там, где партия вела под руководством товарища Сталина борьбу с контрреволюционным троцкизмом, зиновьевской оппозицией, правыми оппортунистами. Киров — ближайший соратник, ученик и друг великого Сталина.

В 1926 году, после разгрома зиновьевской оппозиции, товарищ Киров— секретарь Ленинградского губкома ВКП(б) и Северозападного бюро Центрального Комитета ВКП(б) и кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). С 1928 года — секретарь Ленинградского областного комитета ВКП(б). С 1930 г.—член Политбюро ЦК ВКП(б), а с 1934 года — член Политбюро, секретарь ЦК ВКП(б) и секретарь Ленинградского областного и городского комитетов партии. Товарищ Киров — член президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР многих созывов.

Товарищ Киров был любимым руководителем ленинградских рабочих, среди которых он пользовался огромным авторитетом. Это был подлинный трибун, вся жизнь которого—ярчайшая страница в летописи героических лет пролетарской революции и ее огромных завоеваний. Товарищ Киров боролся 30 лет за дело рабочего класса, как подлинный большевик. И таким смерть застигла его на боевом посту.

* * *

1 декабря 1934 г. представителем подлых подонков бывшей зиновьевской антипартийной группы т. Киров был вырван из наших рядов. Тяжелый удар нанесен нашей партии и трудящимся всей нашей страны. Но ничто и никто не в состоянии остановить нашего победного шествия.

В ответ на убийство вождя партия усиливает классовую бдительность, укрепляет дисциплину и закаляет свои ряды.

Пролетарская диктатура беспощадно раздавила контрреволюционные подонки бывших зиновьевцев. Под руководством ленинского ЦК, возглавляемого великим Сталиным, Советский союз пойдет к новым победам на пути построения бесклассового, социалистического общества.

НА БЕРЕГАХ ТЕРЕКА*

(К СОБЫТИЯМ НА КАВКАЗЕ)

За последнее время буржуазная и лубочная печать проявляет исключительное внимание к тому, что делается на Кавказе вообще и на Северном Кавказе в особенности. Изо дня в день в газетах мы находим заметки, телеграммы «собственных корреспондентов» и интервью со «сведущими лицами» о событиях на северокавказском оазисе советской власти.

Этот особенный интерес к Северному Кавказу вполне понятен. Буржуазные публицисты отлично понимают, что значит для советской России такая житница, как Северный Кавказ, на гранях которого стоят германские полчища, вдохновляющие Краснова и Бочча, и турецкие войска, так окрылившие «пламенного» «патриота» Чхенкели и компанию.

До последних дней Северный Кавказ твердо отстаивает советскую власть и революцию, и, конечно, это причиняет писателям из буржуазных газет очень много огорчений, тем более, что со стороны Бочча и компании сделано все к тому, чтобы набросить мертвую петлю на шею Северного Кавказа. Наднях мифическое войсковое правительство Кубани, члены которого долго бродили за бандами корниловцев, заключило весьма «решительный» союзный договор с Красновым в целях борьбы с большевиками и советской властью на Северном Кавказе. Но, увы, договор подписан, а Северный Кавказ для договорившихся недосыгаем.

И вот здесь выступает обычный прием буржуазных газет — клевета. В центре России почти нет сведений о положении на Северном Кавказе, и на сцену выступают «собственные корреспонденты», клеветнические сообщения которых немало буржуазных дам повергли в ужас. «Собственные корреспонденты» сообщают:

«В Терской области снова началась война между казаками и туземцами».

«На Тереке вновь восстали горцы, которые режут и изгоняют всех «гяуров».

В помощь «собственным корреспондентам» буржуазных газет выступают «сведущие лица», которые в интервью с писателями, например «Нашего слова», рассказывая о бывшем начальнике северокавказских революционных войск Автономове, с апломбом заявляют:

«Автономов высказал, поддержанную всей краевой советской властью, с терским народным советом во главе, мысль о необходимости прекращения гражданской войны на донском и кубанском фронтах.

Решено было, — продолжает измышлять «авторитетное» лицо, — обратиться к правительству Краснова, к ген. Деникину и к корниловским отрядам, оперирующим под Таганрогом, с призывом окончить распри и объединить все силы для отпора германо-турецкому нашествию на Кавказ»

Можно подумать — какие чудачки эти представители советской власти на Тереке, они мечтают объединить свой фронт с бандами Краснова! А здесь думают, что Краснов — враг народа, и не знают, что советские власти на Северном Кавказе думают установить с красновцами альянс. По

* Настоящая статья была напечатана в «Правде» 2/VII 1918 г. и перепечатана в «Правде» от 3 декабря 1934 г. № 332.

смыслу приведенного сообщения «Нашего слова», большевики Северного Кавказа ничего не имеют против того, что Краснов расстреливает без суда и следствия не только всех большевиков, но даже лиц, в квартирах коих окажется укрывшийся большевик.

Планы авторов этих сообщений совершенно очевидны: они хотят показать, что на Северном Кавказе растет анархия, что власть советов там не видит иного исхода, как подать соглашательскую руку Краснову, Боччу и компании.

Лучшим разоблачением всей этой гнусной лжи и клеветы явилась бы исповедь правых эсеров и меньшевиков, работающих на Северном Кавказе. Они очень хорошо знают, что там представляет собой советская власть. На-днях в Терской области состоялся народный съезд, посвященный, главным образом, текущему политическому моменту. Съезд с негодованием заклеял всю гнусность политики закавказских «социалистов» и решил твердо защищать революцию на Тереке, призывая всех объединиться вокруг областного советского органа. Тогда правые эсеры и меньшевики, с болью в сердце переносившие советскую власть, решили не входить ни в какие ответственные органы, а те из меньшевиков, которые не исполнили этого постановления, были исключены из партии.

Таким образом на Тереке советская власть не только не претерпевает колебаний, а, наоборот, она находит с каждым днем все более и более широкое признание среди многоплеменного населения Терского края.

Правда, на Терскую область, как и вообще на Северный Кавказ, производится совершенно определенный натиск и с востока и с юга, но до сего времени это вызывало только новый приток революционных сил и полное дискредитирование всех партий, зовущих через Учредительное собрание к режиму Краснова, Скоропадского и Чхенкели. И если украинское крестьянство ведет вооруженную борьбу с насильниками, если на Дону растет оппозиция против Краснова и в Грузии поднялось против Чхенкели все крестьянство, то и трудовое население Терской области, несмотря на свою отсталость в культурном и политическом отношении, все яснее и определеннее сознает, где его друзья и где враги.

В этом отношении особенного внимания заслуживает туземное население, о котором уличная печать знает ровно столько, сколько в памяти ее писателей осталось от колыбельного возраста, когда простодушные няни напевали им: «Злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал». Поэтому для них совершенно неизвестно и непонятно, что в Терской области и даже в Дагестане — центре горского населения — идет усиленная работа по организации народных масс и утверждению на горской территории советских органов власти. И нужно сказать, что работа эта идет весьма успешно, несмотря на то, что отовсюду эта работа встречает много противодействий, вплоть до турецких агентов, рассеянных по Северному Кавказу.

Туземное население в большинстве своем прекрасно поняло, что только объединение трудовых масс может утвердить завоевания революции, и поэтому князья, шейхи (святые) и беки находят себе все меньше и меньше работы. Часть из них бежит в Турцию, часть просто скрывается.

Необходимо отметить также, что лозунги социализма встречают в некоторых горских племенах весьма благоприятную почву. Дело в том, что, например, чеченцы и ингуши во всей своей истории совершенно не знали, что такое сословие, и только в самые последние десятилетия они познакомились со своей буржуазией. Поэтому идея равенства среди них прививается очень легко.

С другой стороны, и там, где современность успела провести глубокие социальные борозды, идея рабоче-крестьянской революции пускает все более и более глубокие корни. В этом отношении особенно характерно положение в Осетии.

Осетины давно знают, что такое капитализм, не только отечественный, но и заокеанский. Многие и многие из них годами жилали в Америке, Канаде и пр. и там подлинно испытали капиталистическую эксплуатацию. Глубокая дифференциация в деревне Осетии широко содействует классовой борьбе и усвоению деревенской беднотой лозунгов революции. Оба эти главных условия привели к тому, что почти в начале революции в Осетии возникла политическая партия «Кермен», названием которой послужило имя легендарного осетинского героя, всю жизнь боровшегося со своими помещиками. Программа этой партии в общем ни в чем не расходится с программой большевиков. Влияние партии «Кермен» огромно. Едва ли можно найти селение, где бы не было членов ее. В последнее время партия «Кермен» решительно выступила на борьбу с помещиками и кулаками, которые прогонялись керменистами со своих земель вооруженной силой.

Интересно отметить уровень дисциплины этой партии. В конце апреля сего года между осетинами и казаками, руководимыми контрреволюционными элементами и ингушами, разыгралось вооруженное столкновение, грозившее вылиться в форму настоящей войны. Партия «Кермен» повела усиленную агитацию против этого, и центральный комитет ее издал приказ, в силу которого никто из членов партии не должен был принимать участия в этом столкновении, и приказ был выполнен.

Само собой понятно, что дело организации населения вокруг революционных органов местами претерпевает заметные шероховатости, но в общем, с момента утверждения советской власти на Тереке, почти прекратились анархические выступления темных туземных масс, которые еще так недавно, во время правительства помещиков, князей и офицерства, творили страшный террор.

Значительную эволюцию пережило и терское казачество. Всем известны отношения, существовавшие между казаками и горцами. Февральская революция только на очень короткое время сгладила традиционную вражду, воспитанную агентами самодержавия, а затем антагонизм стал быстро развиваться, и дело дошло до того, что в феврале сего года Терский край оказался накануне страшной войны между казаками и горцами. Но как раз именно в этот момент родилась новая власть в крае, провозгласившая лозунги Октябрьской революции. Это сразу вырвало почву из-под ног контрреволюционных элементов, и трудовое казачество живо откликнулось на призыв к объединению вокруг советов.

В настоящее время в богатых станицах еще заметна оппозиция советской власти, но малоимущее казачество идет за ней и не может, конечно, не идти.

К сожалению, место не позволяет остановиться подробнее на ходе революции на Тереке, но и приведенных фактов достаточно, чтобы развеять ту ложь и клевету, которыми враги революции стараются окружить советский Кавказ и Терскую область особенно.

В настоящее время на Тереке идет усиленная мобилизация сил для отпора планам закавказских контрреволюционеров, возглавляемых прославленными грузинскими меньшевиками. Они думают, очевидно, повести кампанию не только против Баку, но и непосредственно против Северного Кавказа, по Военно-Грузинской дороге, в надежде на то, что путем вмешательства турецких войск им удастся привлечь на свою сторону мусульманские массы Северного Кавказа и Дагестана. Но они, видимо, не знают, что в горских слоях уже посеяна мысль о том, что угнетение одинаково тягостно для населения, откуда бы это угнетение ни исходило: от русской власти, германской или турецкой. И на последнем народном съезде Терской области представитель чеченцев и ингушей прекрасно выразил эту мысль. Он сказал:

«Что такое русское самодержавие, мы знаем. Знаем и «просвещенную» германскую власть на Украине. А о гнете турецкого режима мы не-

мало слышали от наших многочисленных эмигрантов в Турцию. Только рабоче-крестьянская власть, — говорит представитель горцев, — может найти поддержку в горах, которые в скором времени все придут к этому сознанию».

Кавказ дал много неожиданного. Кавказ страдает в тисках измены революции. Но Кавказ еще не сказал своего последнего слова, хотя оно на устах у всей демократии. И близок тот час, когда грузин Чхенкели в Берлине и чеченец-нефтепромышленник Чермоев в Константинополе будут говорить только от своего имени. Население уже поняло, что не на штыках немцев и турок свобода, равенство и братство, порядок Кавказа, а в его собственных руках, поднимающих знамя советской России.

К горцам Северного Кавказа. Братья горцы!

От имени победоносной Красной Армии и Центральной Советской Власти приветствую вас, горцы, ныне все живущие в пределах Северного Кавказа, вновь увидели себя Огнями Великой Рабоче-Крестьянской Советской России. Добровольческая армия уничтожена и жалкие остатки ее ищут спасения, где где может.

Умолкли звуки добровольческих напевов, но слышно больше в ваших ущельях и долинах варварских расправ врагов трудящихся и угнетенных племен, истерзанные народы Северного Кавказа освободились от жестоких палачей.

Советская власть ни одну минуту не забывала ваших нечеловеческих страданий. Долго была она от вас, но знала весь ужас, которым окружила вас Деникин. Правда, Красная Армия встречала в рядах своих врагов отряды горцев, но мы знаем, что массы горского народа, беднота, укрывшаяся в холодных ущельях, ждет нас, нашу Красную Армию.

И мы не ошибемся. Везде, где проедет Красная Армия, с восторгом встречает ее население гор. В ней население видит избавление от страшных мучений, видит надежду начать новую жизнь в семье многонациональной Советской России.

Как ни старались обмануть вас враги народа, но вы знаете, что Советская Россия стала могущественным Рабоче-Крестьянским государством. Она сумела победить себя от всех врагов и сейчас неизменная власть трудящихся простирается от Балтийского моря до Байкала, от Белого до Черного морей.

Много бедствий, ужасов и разорений принесла вам царские палачи — Деникин, Колчак, Юденич и др. Десятки и сотни тысяч людей остались или без хлеба и хлеба, много сел, городов сам сравнялись с землей и землям секрсно наших братьев, матерей и детей. Не погуляло еще пепелище и ваши аулы.

Первая задача Советской Власти — помочь вам восстановить ваши жилища и хозяйства.

Необходимо каждому честному другу Советской Власти дать возможность работать на благо трудящихся классов. И Красная Армия обеспечит им это. Она сумеет обеспечить и дальнейшее спокойствие.

Советская Власть хорошо помнит и то, что все нуждающиеся, вся беднота народная, давно устали голодать в безлюдных ущельях и мертвых степях. Земля должна стать достоянием народа, а не помещиков, князей и привилегированных групп.

Освобождая занятая временно добровольцами территории, Советская Власть устанавливает твердый революционный порядок и поддерживает его всеми авторитетами Красной Армии. Этот порядок должен быть немедленно установлен и на Северном Кавказе.

Итак, освобожденные горцы идите под Знамя Великой Социалистической Революции.

Горе всем, кто еще раз осмелится сделать попытку воспрепятствовать устройству мирной жизни. А всем честным горцам, глубоко запечатленным в сердцах своих ненависть к угнетателям и с открытой душой встречающим нашу Красную Армию и Советскую Власть, мы шлем наш горячий привет.

Мы приветствуем непоколебимую Красную Армию, несущую освобождение угнетенным народам!

Мы приветствуем Советскую Власть!

Мы приветствуем свободных горцев!

Командующий Фронтом Тухачевский.

Член Революционного Военного Совета Орджоникидзе.

Члены Северо-Кавказского Совета С. Кирова и П. Редьковского.

Воззвание командования Красной армии к горцам Северного Кавказа, подписанное Тухачевским, Орджоникидзе и Кировым.

К ВОЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ НА ЮГЕ*

I. Неудавшиеся планы Антанты

Весной 1919 года против Советской России был задуман комбинированный поход Колчака—Деникина—Юденича. Главный удар должен был нанести Колчак, с которым Деникин надеялся соединиться в Саратове для совместного наступления на Москву с востока. Юденичу был предоставлен вспомогательный удар по Петрограду.

Цель похода была формулирована в докладе Гучкова Деникину: «Задуть большевизм одним ударом, лишив его основных жизненных центров — Москвы и Петрограда».

Самый же план похода был набросан в письме Деникина Колчаку, перехваченном нами со штабом Гришина-Алмазова весной 1919 года. «Главное — не останавливаться на Волге, — писал Деникин Колчаку, — а бить дальше, на сердце большевизма, на Москву. Я надеюсь встретиться с вами в Саратове... Поляки будут делать свое дело, что же касается Юденича, он готов и не замедлит ударить на Петроград...»

Так писал Деникин весной, когда наступление Колчака на Волгу шло в полном разгаре.

Однако план этот не удался: Колчак был отброшен за Урал; Деникин был остановлен на линии: река Сейм—Лиски—Балашов; Юденич оттеснен за Ямбург.

Советская Россия осталась цела и невредима.

Но людоеды Антанты не унывали. К осени 19 года был задуман новый план сокрушительного похода. Колчак, естественно, был снят со счета. Центр тяжести был перенесен с востока на юг, откуда Деникин должен был нанести главный удар. Юденичу был предоставлен, как весной, вспомогательный удар — новый поход на Петроград. Бывший командующий добровольческой армии ген. Май-Маевский в своей речи на другой день по взятии Орла говорил, что он имеет быть в Москве со своими войсками «не позже конца декабря, к Рождеству 19 года».

Самоуверенность деникинцев дошла до того, что донецкие капиталисты объявили еще в октябре миллионный приз (николаевскими деньгами) тому из полков добровольческой армии, который первый вступит в Москву...

Но судьбе было угодно, чтобы и этот план провалился. Войска Деникина отброшены за Полтаву—Купянск—Чертково; Юденич разгромлен и выброшен за Нарву. Что же касается Колчака, то после разгрома под Ново-Николаевском от его армии осталось одно лишь воспоминание.

Россия и на этот раз осталась цела и невредима.

Провал контрреволюции на этот раз был до того неожидан и внезапен, что победители империалистической Германии, старые волки Антанты, вынуждены были объявить во всеуслышание: «Большевизм нельзя победить силой оружия». А растерянность факиров империализма дошла до того, что они, потеряв способность открыть действительные причины поражения контрреволюции, стали сравнивать Россию то с «сыпучими песками», куда неминуемо должен провалиться «самый лучший полководец», то с «необъятной пустыней», где обязательно уготована смерть любым «лучшим войскам».

---

* Настоящая статья была напечатана в «Правде» № 293 от 28/ХІІ 1919 г., а с добавлением постскриптума — в журнале «Революционный фронт» № 1 от 15/ІІ 1920 г. Перепечатана из «Правды» от 19 ноября 1934 г.

II. О причинах поражения контрреволюции

Каковы причины поражения контрреволюции и прежде всего Деникина?

А) Непрочность тыла контрреволюционных войск. Ни одна армия в мире не может победить без устойчивого тыла, ну, а тыл Деникина (а также Колчака) совершенно неустойчив. Этот факт непрочности тыла контрреволюционных войск объясняется социальным характером правительства Деникина—Колчака, создавшего эти войска. Деникин и Колчак несут с собой не только ярмо помещика и капиталиста, но и ярмо англо-французского капитала, победа Деникина—Колчака есть потеря самостоятельности России, превращение России в дойную корову англо-французских денежных мешков. В этом смысле правительство Деникина—Колчака есть самое антинародное, самое антинациональное правительство. В этом смысле советское правительство есть единственно народное и единственно национальное в лучшем смысле этого слова правительство — ибо оно несет с собой не только освобождение трудящихся от капитала, но и освобождение всей России от ига мирового империализма, превращение России из колонии в самостоятельную свободную страну.

Разве не ясно, что правительство Деникина—Колчака и его войска не могут пользоваться ни уважением, ни поддержкой широких слоев русского населения?

Разве не ясно, что в войсках Деникина—Колчака не может быть того страстного желания победить и того одушевления, без коих вообще невозможна победа?

Тыл Деникина—Колчака трещит, подрывая устои фронта, потому что правительство Деникина—Колчака есть правительство кабалы русского народа, правительство, вызывающее максимальное недоверие широких слоев населения.

Тыл советских войск крепнет, питая своими соками красный фронт потому, что советское правительство есть правительство освобождения русского народа, правительство, пользующееся максимальным доверием широких слоев населения.

Б) О к р а и н н о е п о л о ж е н и е контрреволюции. Еще в начале Октябрьского переворота наметилось некоторое географическое размежевание между революцией и контрреволюцией. В ходе дальнейшего развития гражданской войны районы революции и контрреволюции определились окончательно. Внутренняя Россия с ее промышленными и культурно-политическими центрами — Москва и Петроград, с однородным в национальном отношении населением, по преимуществу русским, — превратилась в базу революции. Окраины же России, главным образом, южная и восточная окраины, без важных промышленных и культурно-политических центров, с населением, в высокой степени разнообразным в национальном отношении, состоящим из привилегированных казаков-колонизаторов, с одной стороны, и неполноправных татар, башкир, киргиз (на востоке), украинцев, чеченцев, ингушей и других мусульманских народов, с другой стороны, — превратились в базу контрреволюции.

Нетрудно понять, что в таком географическом распределении борющихся сил России нет ничего неестественного. В самом деле: кому же еще быть базой советского правительства, как не петроградско-московскому пролетариату? Кто же другой мог быть оплотом деникинско-колчаковской контрреволюции, как не исконное орудие русского империализма, пользующееся привилегиями и организованное в военное сословие — казачество, издавна эксплуатирующее нерусские народы на окраинах?

Разве не ясно, что никакого другого «географического распределения» и не могло быть?

Но это обстоятельство имело (и продолжает иметь) своим последствием целый ряд роковых неизбежных минусов для контрреволюции и столько же неизбежных плюсов для революции.

Для успеха войск, действующих в эпоху ожесточенной гражданской войны, абсолютно необходимо единство, спаянность той живой людской среды, элементами которой питаются и соками которой поддерживают себя эти войска, причем единство это может быть национальным (особенно в начале гражданской войны) или классовым (особенно при развитой гражданской войне). Без такого единства немыслимы длительные военные успехи. Но в том-то и дело, что окраины России (восточная и южная) не представляют и не могут представлять для войск Деникина и Колчака ни в национальном, ни в классовом отношении даже того минимума единства живой среды, без которого (как я говорил выше) невозможна серьезная победа.

В самом деле, какое национальное единство может быть между национальными стремлениями татар, башкир, киргиз (на востоке), калмыков, чеченцев, ингушей, украинцев (на юге), с одной стороны, и истинно русскими самодержавными управлениями Колчака—Деникина, с другой стороны?

Или еще: какое классовое единство может быть между привилегированным казачеством Урала, Оренбурга, Дона, Кубани, с одной стороны, и всем остальным населением окраин, не исключая русских «иногородних», искони угнетаемых и эксплуатируемых соседними казаками?

Разве не ясно, что войска, составленные из таких разнородных элементов, неминуемо должны распасться при первом серьезном ударе со стороны советских армий, что каждый такой удар неминуемо должен усиливать тягу неказачьих элементов окраин России к советскому правительству, в корне отрицающему великодержавные вождедения и охотно идущему на встречу их национальным стремлениям.

В противоположность окраинам внутренняя Россия открывает совершенно иную картину. Во-первых, в национальном отношении она едина и спаяна, ибо девять десятых ее населения состоит из великороссов. Во-вторых, достижение классового единства живой среды, питающей фронт и непосредственный тыл советских войск, облегчается наличием в ней популярного среди крестьянства петроградско-московского пролетариата, тесно сплачивающего его вокруг советского правительства.

Этим, между прочим, и объясняется тот поразительный контакт между тылом и фронтом Советской России, которым никогда не блистало правительство Колчака—Деникина: достаточно советскому правительству кликнуть клич о помощи фронту, чтобы Россия мигом выставила целый хор новобранцев.

В этом же нужно искать источник той поразительной силы и беспримерной упругости, которую обычно проявляет Советская Россия в критические минуты.

Здесь же следует искать объяснения того, непонятного для просвещенных шаманов Антанты, факта, что «контрреволюционные войска, дойдя до известных пределов (до пределов внутренней России!), неминуемо терпят катастрофу...»

Но кроме указанных выше глубоких причин поражения контрреволюции и, прежде всего, Деникина, существуют еще другие ближайшие причины (мы имеем в виду главным образом южный фронт).

Таковы:

1) Улучшение дела резервов и пополнений на советском южном фронте.

2) Улучшение дела снабжения.

3) Наплыв на фронт коммунистов-рабочих из Питера, Москвы, Твери, Иваново-Вознесенска, вошедших в наши южные полки и совершенно преобразивших последние.

4) Налаживание аппаратов управления, совершенно расстроенных раньше набегами Мамонтова.

5) Умелое применение командованием южфронта системы фланговых ударов при наступлении.

6) Методичность самого наступления.

III. Настоящее положение на Южном фронте

Из всех частей Деникина наиболее серьезной силой следует считать добровольческую армию (пехота), как наиболее квалифицированную, с большим резервом кадровых офицеров при полках, и кавалерийские корпуса Шкуро—Мамонтова (конница). Добровольческая армия имела своей задачей взятие Москвы, конница же Шкуро и Мамонтова — прорывы и разрушение тылов наших южных армий.

Первые решительные успехи нашей пехоты обозначились в боях под Орлом, в районе Кром—Дмитровска. Здесь нашей пехотой был разбит первый корпус (лучший корпус) добровольческой армии, корпус генерала Кутепова с корниловской, дроздовской, марковской и алексеевской дивизиями.

Первые же решительные успехи нашей конницы обозначались в боях под Воронежем, в районе рек Икорец, Усмань, Воронеж и Дон. Здесь наша конная группа т. Буденного впервые встретилась грудь с грудью с соединенными корпусами Шкуро—Мамонтова и, встретившись с ней, опрокинула ее.

Нашими успехами под Орлом и Воронежем был заложен фундамент всему дальнейшему продвижению наших армий на юг. Успехи под Киевом, Харьковом, Купянском и Лисками являются лишь следствием и развитием основных успехов под Орлом и Воронежем.

Ныне добровольческая армия беспорядочно отступает перед нашими частями, потеряв связь и управление, потеряв убитыми, ранеными и пленными не менее половины своего старого состава. Можно с уверенностью сказать, что без отвода в тыл и серьезного ремонта она вскоре потеряет всякую боеспособность.

Что касается конной группы Шкуро—Мамонтова, то, несмотря на ее усиление двумя новыми кубанскими корпусами (корпуса генералов Улагая—Науменко) и сводной уланской дивизией ген. Чеснокова, она все же не может представлять серьезную угрозу для нашей конницы. Доказательством служат недавние бои под Лисичанском, где усиленная группа Шкуро—Мамонтова была наголову разбита нашей конницей, оставив на месте семнадцать орудий, восемьдесят пулеметов и более тысячи зарубленных.

Конечно, нельзя сказать, что армии Деникина уже разгромлены. Разложение армий Деникина еще не дошло до степени разложения армий Колчака. Деникин пока еще способен на некоторые тактические, а может быть, и стратегические каверзы. Не следует также забывать, что за десять недель мы успели у Деникина отобрать всего лишь около 150 орудий, 600 пулеметов, 14 бронепоездов, 150 паровозов, 10 000 вагонов, тысяч 16 пленных. Но одно все же несомненно: армии Деникина не удержимо катятся под уклон по стопам армий Колчака, между тем, как наши армии изо дня в день усиливаются качественно и количественно.

В этом порука окончательного разгрома Деникина.

Серпухов, 26 дек. 1919 г.

P. S. Статья эта была написана до прорыва нашими войсками деникинского фронта под Таганрогом. Этим собственно и объясняется ее осторожный характер. Но теперь, после прорыва фронта Деникина, когда добровольческие армии отрезаны от донской и кавказской армий Деникина, когда за два дня боев на подступах Таганрога (1—2 января) наши войска отобрали у противника свыше двухсот орудий, семь бронепоездов, четыре танка и массу других трофеев, когда наши войска, освободив Таганрог, осаждают очаги контрреволюции — Новочеркасск и Ростов, — теперь можно с уверенностью сказать, что разгром деникинских армий идет на всех парах.

Еще удар—и полная победа будет обеспечена.

Курск, 7 января 1920 г.

Д. Кин

РАЗГРОМ ДЕНИКИНА (К 15-ЛЕТИЮ РАЗГРОМА)

«Товарищи! Наступил один из самых критических, по всей вероятности даже самый критический момент социалистической революции. Защитники эксплуататоров, помещиков и капиталистов, русские и иностранные (в первую очередь английские и французские) делают отчаянную попытку восстановить власть грабителей народного труда, помещиков и эксплуататоров в России, чтобы укрепить падающую их власть во всем мире. ...Советская республика есть осажденная всемирным капиталом крепость. Право пользоваться ею, как убежищем от Колчака, и вообще право жительства в ней мы можем признать только за тем, кто активно участвует в войне и всемерно помогает нам. Отсюда вытекает наше право и наша обязанность поголовно мобилизовать население для войны, кого на военную работу в прямом смысле, кого на всякого рода подсобную для войны деятельность», — так писал в июле 1919 г. главный организатор и вдохновитель побед в гражданской войне Ленин в письме ЦК РКП(б) к организациям партии¹.

Лето 1919 г. Ленин неоднократно признавал одним из самых тяжелых и критических моментов существования Республики советов. 3 июля 1919 г. главнокомандующий вооруженными силами юга России Деникин издает знаменитую «московскую директиву» о концентрическом наступлении на Москву.

¹ Письмо ЦК РКП(б) к организациям партии — «Все на борьбу с Деникиным!» написано Лениным в июле 1919 г., напечатано в № 4 «Известий ЦК РКП(б)» от 9 июля 1919 г. и перепечатано в «Правде» № 21 от 21/1 1933 г. Письмо печатается по тексту «Правды».

«...Имея конечной целью захватить сердце России, Москву, приказываю, — писал Деникин:

1. Генералу Врангелю выйти на фронт Саратов — Ртищев — Балашев, сменить на этих направлениях донские части и продолжать наступление на Пензу — Рузаевку — Арзамас и, далее, Нижний Новгород — Владимир — Москву. Теперь же направить отряды для связи уральской армии и для очищения нижнего плеса Волги.

2. Генералу Сидорину правым крылом, до выхода войск генерала Врангеля, продолжать выполнение прежней задачи по выходу на фронт Камышин — Балашев. Остальным частям развивать удар на Москву в направлении: а) Воронеж — Козлов — Рязань и б) Нижний Оскол — Елец — Кашира.

3. Генералу Май-Маевскому наступать на Москву в направлении Курск — Орел — Тула».

В 1926 г. ген. Деникин в «Очерках русской смуты» писал: «Все мечтали идти на Москву, и всем давалась эта надежда». Белогвардейцам и капиталистам чудился звон московских сорока сороков. Поход на Москву казался белым легкой, увеселительной прогулкой. Но внутреннее противоречие буржуазно-помещичьей контрреволюции заключалось в том, что высший момент ее расцвета таил в себе начало близкой гибели.

Добровольческая армия белых начала формироваться еще в 1917 г., когда будущие вожди белой гвардии: Корнилов, Деникин, Краснов, Каледин — сначала на фронте, а затем на Дону начали спланировать вокруг себя контрреволюционное офицерство.

Победа Октябрьской революции неминуемо должна была вызвать бешеный отпор со стороны мирового империализма и свергнутых пролетарской революцией классов. Чехословаки на востоке, десанты союзников в различных пунктах страны, офицерско-добровольческие отряды на юге, буржуазно-казачьи правительства и формирования на Урале, Дону и Кубани являлись центрами собирания вооруженных сил буржуазно-помещичьей и кулацкой контрреволюции. Австро-германская оккупация Украины, Дона и Кавказа своей широкой спиной прикрывала организационную работу контрреволюции. Генерал Краснов на Дону, петлюровская рада и гетман Скоропадский на Украине помогли формированию офицерских

В. И. Ленин pronзносит речь перед частями Красной армии, отправляющимися на Польский фронт. Москва. 1920 г.

частей. Русская контрреволюция выступала под флагом верности союзникам, Антанте, но в борьбе против рабочего класса буржуазия «интернациональна», и не удивительно, что кичившаяся верностью союзникам русская контрреволюция не брезгала поддержкой вчерашних врагов, германцев. Генерал Краснов в своих воспоминаниях с горечью рассказывает как Корнилов и Деникин, получая от него немецкие снаряды «чистенькими, омытыми в волнах тихого Дона», в то же время обвиняли генерала Краснова в якшании с немцами.

Ноябрьская революция в Германии и разложение австро-германских войск в России привели к уходу австро-германских интервентов из страны. Но на смену австро-германскому империализму выступил союзнический империализм. В ноябре 1918 г. в ряде пунктов бывшей России были высажены новые союзнические десанты. Союзнический империализм пытался путем непосредственного и открытого вооруженного вмешательства добиться упразднения советской власти.

Весной 1919 г. империалисты Антанты начинают первый поход против Советской

России. Вооруженные силы этого похода должны были сложиться из сил Колчака, Деникина, Юденича, Польши и прибалтийских государств и английских отрядов в Архангельске и Туркестане. В эту пору победоносная Антанта берет на себя смелость открытой вооруженной интервенции против Республики советов.

Однако расчеты руководителей Антанты оказались построенными на песке.

Союзнические войска: американцы и англичане на севере, чехословаки в Сибири, французы на юге—подверглись разложению, точно так же, как и войска потерпевших поражение в войне Германии и Австро-Венгрии. «Поход 14 государств» против Республики советов, возвещенный английским министром Черчиллем, оказался грандиозным блефом. Правда, Черчилль впоследствии публично пытался откреститься от этого плана, но это было лишь неуклюжей уловкой с его стороны. Эстония, Латвия, Польша, Финляндия и другие государства менее всего были склонны участвовать в походе во имя торжества российского великодержавного империализма. Они отлично понимали, что победа контрреволюции в России означает конец их самостоятельного существования. Вот почему несмотря на огромное давление со стороны Антанты эти государства не приняли участия в объединенном походе против пролетарской диктатуры.

Державы Антанты вскоре вынуждены были с большой поспешностью убрать свои войска из страны пролетарской революции. Войска Антанты, которые были посланы западноевропейскими ростовщиками, чтобы взыскать долги с рабочих и крестьян Республики советов, не только не выполнили этого поручения, но прозили стать истцами по отношению к своей буржуазии после возвращения из страны революции. Утомление солдатских масс в результате империалистской войны, умелая большевистская пропаганда в войсках сделали свое дело: и первый поход Антанты против советской России закончился позорным крахом. Весной 1919 г. англо-французский империализм делает главную ставку на адмирала Колчака. Весенние успехи Колчака на Восточном фронте окрыляют империалистов, но не надолго. В тылу Колчака широкой волной разливаются крестьянские восстания. Красная армия наносит ему решительный удар. На первый план начинает выдвигаться генерал Деникин, который до того времени играл подчиненную роль во всей борь-

бе против Республики советов. В течение января — февраля 1919 г. Добровольческая армия получила от союзников, главным образом от англичан, 250 тыс. комплектов обмундирования, 100 тыс. пар сапог, оружие и продовольствие.

Каковы же причины того, что Южный фронт стал, по выражению Ленина, главным фронтом союзнического империализма против Страны советов?

Главной и решающей причиной деникинских успехов явилась помощь союзнического империализма. Без поддержки Антанты генерал Деникин не пошел бы дальше авантюры местного порядка. Антанта вспоила и вскормила генерала Деникина после того, как колчаковская авантюра на Востоке потерпела жестокое поражение.

Второй причиной успеха Деникина было контрреволюционное движение кулаков, буржуазной верхушки казачества против советской власти. Именно зажиточное казачество, примкнувшее к контрреволюции, придало белому движению «массовый» характер.

Третьей причиной успеха Деникина было временное колебание части середняцкого крестьянства на Украине.

«На Украине господство Деникина было таким же тяжелым испытанием, как господство Колчака в Сибири. Нет сомнения, что уроки этого тяжелого испытания приведут украинских рабочих и крестьян — так же как уральских и сибирских — к более ясному пониманию задач советской власти и к более твердой защите ее»,¹ — писал Ленин в «Письме к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным».

В колебаниях среднего крестьянства немалую роль сыграли ошибки донских и украинских коммунистов, в частности в отношении недооценки роли национального вопроса на Украине. Украинские коммунисты нередко также слишком прямолинейно, без учета особенностей украинской деревни, проводили продовольственную политику и насаждение крупных хозяйств: совхозов и коммун, — и это не могло не привести к отрицательным результатам.

«Мы тысячу раз украинских товарищей предупреждали о том, что, когда дело доходит до движения миллионных народных масс, то здесь мало слов, а нужен их собственный житейский опыт, чтобы люди сами проверили указания, чтобы они поверили своему собственному опыту»².

¹ Ленин. Т. XXIV, стр. 655.

² Там же, стр. 355.

Товарищ Сталин — член РВС Республики и председатель РВС Южного фронта. 1919 г.

Восстание Григорьева в мае 1919 г., обнажение фронта махновскими частями открывали дорогу Деникину.

Троцкий и его сторонники проводили сугубо ошибочный план борьбы с Деникиным.

Ошибочный стратегический план Троцкого заключался в том, чтобы главный удар направлялся против южной контрреволюции через Донские степи и гущу донского казачества, при недооценке направления на Донецкий бассейн.

К началу июля в руках Деникина были Екатеринослав, Полтава, Харьков, Новохоперск. На Восточном фронте наши войска били Колчака и действовали уже под Уфой. На заседании Центрального комитета Троцкий предложил задержать наступление наших войск по линии реки Белой, оставив Урал в руках Колчака, оголить Восточный фронт, перебросив часть войск на Южный фронт. Центральный комитет партии отверг план Троцкого, находя, что «нельзя оставлять в руках Колчака Урал с его заводами, с его железнодорожной сетью, где он легко может оправиться, собрать кулак и вновь очутиться у Волги, — нужно сначала прогнать Колчака за Уральский

хребет, в сибирские степи, и только после этого заняться переброской сил на юг. Центральный комитет отклоняет план Троцкого... Главком Вацетис, сторонник плана Троцкого, уходит в отставку. Его место занимает новый главком, тов. Каменев»¹.

Летом 1919 г. военные штабы Антанты выносят решение о преимущественной поддержке Деникина. По словам Черчилля (в его книге «Мировой кризис»), в согласии с решением генерального штаба главную помощь с июня британские империалисты оказывали Деникину: 20 тыс. ружей, 2 тыс. пушек, 30 танков, огромное количество амуниции и военных припасов были посланы через Дарданеллы и Черное море в Новороссийский порт, кроме того, в армию Деникина прибыло несколько сот английских офицеров в качестве советчиков, инструкторов, снабженцев и летчиков. В момент приближения Деникина к Москве кадетский «национальный центр» Петрограда и Москвы, анархисты, меньшевики и эсеры подготов-

¹ Сталин «Троцкизм или ленинизм». Сборник статей «Об Октябрьской революции», стр. 61. Партиздат. 1932 г.

Агитационный плакат. 1919 г.

ляли выступления и террористические акты, организовывали стачки.

К осени 1919 г. империалисты Антанты предприняли новый поход против советов, но уже без прямого вооруженного вмешательства Антанты. Главная ставка делается на Деникина и Юденича.

В начале августа Деникин бросает белую конницу генерала Мамонтова в рейд по тылам красных войск, непосредственно оборонявшим путь на Москву. Пользуясь отсутствием конницы у красного командования в районе прорыва белых, слабой организованностью фронта, Мамонтов захватил на короткий срок Тамбов, Козлов, Елец, Усмань. Больше месяца Мамонтов орудовал по тылам Красной армии, покрывая свой путь виселицами, вешая коммунистов, рабочих, советских работников, так отягощая свой обоз награбленным, что ему стало трудно двигаться дальше.

В течение сентября и в начале октября Деникин продолжал успешное наступление. В начале октября белые заняли Воронеж, а в середине октября—Орел. В октябре же начал Юденич свое наступление на Петроград при поддержке английского флота и некоторых белых эстонских частей. Западноевропейская буржуазная пресса с торжеством писала о занятии белыми Петрограда. Белофинский генерал Маннергейм предложил бросить из Финляндии 4 дивизиона и одним ударом взять Петроград.

Наступление Деникина не только отрезало от нас хлебные районы Северного Кавказа, Дона, Украины и Волги, но и срывало возможность повсеместной уборки нового урожая. Продовольственное положение страны сделалось сверхнапряженным. Завоеваниям пролетарской революции грозила небывалая опасность.

Товарищ Сталин, показавший себя блестящим пролетарским стратегом и первоклассным военным организатором в Царицыне в борьбе против Краснова и в Петрограде во время первого наступления Юденича по постановлению Центрального комитета едет на Южный фронт.

«Надо спасать положение. И на Южный фронт ЦК посылает в качестве члена РВС товарища Сталина»,—пишет тов. Ворошилов в своем великолепном историческом очерке «Сталин и Красная армия». «Теперь уже нет надобности скрывать, что перед своим назначением товарищ Сталин поставил условием невмешательства Троцкого в дела на Южном фронте». С приездом товарища Сталина на Южном фронте начинает-

ся решительный перелом. Командующим южным фронтом был назначен А. И. Егоров. Ознакомившись с положением, товарищ Сталин категорически отвергает старый план нанесения главного удара Деникину от Царицына—Новороссийска через Донские степи. Товарищ Сталин «выдвигает новые предложения и предлагает их Ленину в следующей записке,—рассказывает тов. Ворошилов,—которая говорит сама за себя»:

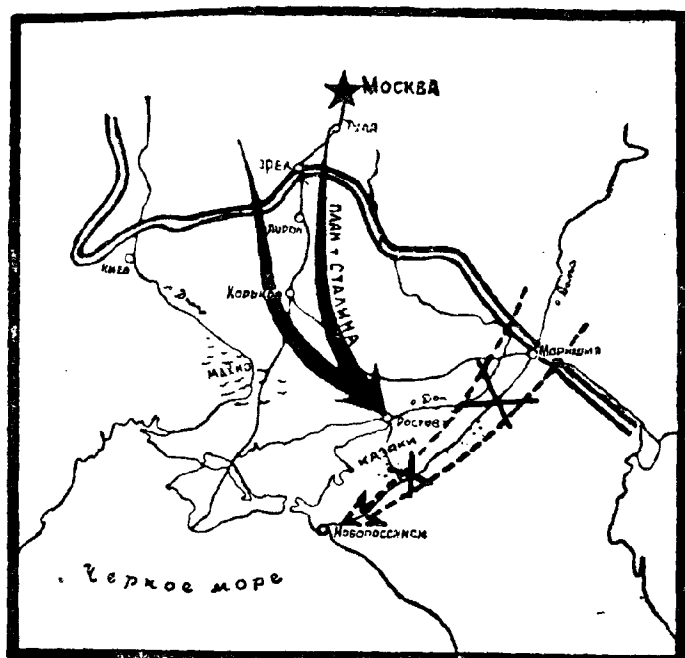
«...Месяца два назад главком принципиально не возражал против удара с запада на восток через Донецкий бассейн, как основного,—писал товарищ Сталин в записке Центральному комитету.—Если он все же не пошел на такой удар, то потому, что ссылаясь на «наследство», полученное в результате отступления южных войск летом... Но теперь обстановка и связанная с ней группировка сил изменились в основе: VIII армия (основная на бывшем Южном фронте) передвинулась в районе Южного фронта и смотрит прямо на Донецкий бассейн, конкорпус Буденного (другая основная сила) передвинулся тоже в район Южного фронта, прибавилась новая сила—латышская дивизия, которая через месяц, обновившись, вновь представит грозную для Деникина силу... Что же заставляет Главкома (ставку) отстаивать старый план? Очевидно, одно лишь упорство, если угодно—фракционность, самая тупая и самая опасная для республики... На-днях Главком дал... директиву о наступлении на Новороссийск через Донские степи, по линии, по которой, может быть, и удобно летать нашим авиаторам, но уже совершенно невозможно будет бродить нашей пехоте и артиллерии. Нечего и доказывать, что этот сумасбродный (предполагаемый) поход в среде, вражеской нам, в условиях абсолютного бездорожья, грозит нам полным крахом. Нетрудно понять, что этот поход на казачьи станицы, как это показала недавняя практика, может лишь сплотить казаков против нас вокруг Деникина для защиты своих станиц, может лишь выставить Деникина спасителем Дона, может лишь создать армию казаков для Деникина, то есть может лишь усилить Деникина. Именно поэтому необходимо теперь же, не теряя времени, изменить уже отмененный практикой старый план, заменив его планом основного удара через Харьков—Донецкий бассейн на Ростов: во-первых, здесь мы будем иметь среду не враждебную, наоборот, симпатизирующую нам, что облегчит наше продвижение; во-

Организаторы и руководители I конной армии
тт. Ворошилов и Буденный.

вторых, мы получаем важнейшую железнодорожную сеть (Донецкую) и основную артерию, питающую армию Деникина,—линию Воронеж—Ростов; в-третьих, этим продвижением мы рассекаем армию Деникина на две части, из коих Добровольческую оставляем на с'едение Махно, а казачьи армии ставим под угрозу захода им в тыл; в-четвертых, мы получаем возможность поссорить казаков с Деникиным, который (Деникин), в случае нашего успешного продвижения постарается передвинуть казачьи части на запад, на что большинство казаков не пойдет; в-пятых, мы получаем уголь, а Деникин остается без угля. С принятием этого плана нельзя медлить...»

«...План Сталина был принят Центральным комитетом. Сам Ленин собственной рукой написал приказание полевому штабу о немедленном изменении изжившей себя директивы. Главный удар был нанесен на Южном фронте в направлении на Харьков—Донбасс—Ростов. Результаты известны: перелом в гражданской войне был достигнут. Деникинские полчища были опрокинуты в Черное море, Украина и Северный Кавказ освобождены от белогвардейцев. Товарищу

План разгрома Деникина. Пунктиром показан старый план.

Сталину во всем этом принадлежит громадная заслуга»¹.

Огромнейшая заслуга товарища Сталина заключается также и в создании Красной конницы—Первой конной армии во главе с гг. Ворошиловым и Буденным. Неверие в возможность создания Красной конницы, насаждавшееся Троцким, было преодолено.

Главное командование дало указание конному корпусу Буденного в начале октября

¹ Ворошилов «Сталин и Красная армия», стр. 31—34. 1933.

Боевой путь, проделанный XI армией под руководством Кирова, от Астрахани до Баку.

пойти на правый берег Дона во исполнение старого плана нанесения удара белым на Дону. В это время начался второй конный рейд по красным тылам конницы генералов Мамонтова и Шкуро. Тов. Буденный идет на север, ставя перед собой задачу—разбить белую конницу. Это было целиком в соответствии со стратегическим планом Ленина и Сталина—отделить Добровольческую армию от Донецкой и оторвать казачество от деникинщины.

До середины октября Деникин продолжает наступление. 6 октября он занимает Воронеж, 13 октября—Орел, Юденич в петроградском направлении занимает Лугу.

На другой день после взятия Орла генерал Май-Маевский говорил о том, что не позже рождества 1919 г. он войдет в Москву. Донецкие капиталисты в октябре объявили миллионный приз царскими деньгами тому из полков Добровольческой армии, который первым вступит в Москву. Среди белых генералов завязалась отчаянная склока вокруг того, кому войти первым в Москву. Юденич на Северозападном фронте, подошедший вплотную к Петрограду, собирался завтракать в Петрограде.

Но Май-Маевскому не удалось праздновать рождества в Москве, а Юденичу завтракать в Петрограде. «Деникия» (выражение Ленина), раздувшись в огромный пузырь, была рассечена ударом Красной кавалерии и пехоты. Республика советов под руководством Ленина и Сталина организовала героическое сопротивление Деникину. Партийные организации Питера, Москвы, Иванова мобилизовали рабочих и коммунистов на Южный фронт.

Фронт против Деникина получил миллионное пополнение. Дезертиры из Красной армии массами возвращались на фронт.

Насильно мобилизованные Деникиным крестьяне оказались зыбучим песком, в котором Деникин провалился, так же, как провалился и Колчак. Крестьянские массы сплотились вокруг партии и Красной армии. Союз рабочего класса и крестьянства в борьбе против контрреволюции был несокрушим.

19 октября начался общий перелом на Южном фронте. Ударная группа красных—Латышская дивизия, бригада тов. Павлова и бригада червонных казаков тов. Примакова нанесли белым под Орлом жестокий удар. Конный корпус Буденного нанес поражение белой коннице Мамонтова и Шкуро под Воронежем.

I конная перед выступлением.

Красный Воронеж под руководством Л. М. Кагановича, посланного Центральным комитетом партии на пост председателя Военнореволюционного комитета, сыграл крупную роль в успешной борьбе против белых.

Украина и Северный Кавказ полыхали огнем крестьянских восстаний и восстаний горцев против Деникина. Организацией восстания на Кавказе руководил тов. С. Киров, который был тогда членом Реввоенсовета XI армии, защитившей Астрахань от белоказаков. Украинцы, народы Северного Кавказа сумели на своем опыте сравнить советскую власть, уничтожившую все виды национального гнета с великодержавной погромной политикой Деникина.

Разложение деникинского тыла, ускоренное разгромом живой силы Добровольческой армии на фронте, проходило с невероятной быстротой. Деникин и кадеты кричали о своем демократизме, об Учредительном собрании, но эта демагогия не могла никого обмануть. Власть Деникина при помощи беспощадного белого террора восстанавливала право собственности капиталистов на национализированные советами предприятия; рабочие организации, не говоря уже о подпольных коммунистических ячейках и комитетах, подвергались бешеному террору. Добровольческая армия отмечала свой путь виселицами для рабочих и крестьян и неслышанными еврейскими погромами. Белогвардеец-инженер Кирста пытался сформировать из рабочих белофашистские отряды, насадить новую зубатовщину в рабочем классе. Но его попытки окончились полной неудачей.

Деникинское правительство при помощи карательных экспедиций в деревне восстанавливало право собственности помещиков на крупное «культурное» хозяйство. Оно объявляло, что крестьяне, пользующиеся землей помещиков и кулаков, обязаны были платить «третий сноп» старому землевладельцу.

Деникин восстановил в лице главноначальствующих, губернаторов и начальников уездов старый полицейский режим. Добровольческая армия получила крепкую кличку «грабьармии». Разложение, взяточничество, своекорыстие и крепостнический произвол со стороны чиновничества и офицерства достигали такой степени, что ими начали ужасаться и сами руководители Добровольческой армии. В этом разложении деникинского режима сказалась историческая обреченность правящих классов.

Лозунг «единой и неделимой России» оттолкнул от Деникина, Юденича и Колчака Польшу, прибалтийские государства, Финляндию и т. д. В лагере английского и французского империализма начались резкие разногласия. Если лозунг восстановления «единой и неделимой России», старого должника французского империализма, устраивал французских империалистов, то английский империализм стремился к иному. Английские империалисты в первую очередь добивались распада и расчленения страны, уничтожения русского гиганта на Востоке, как выражались они. Английское правительство уменьшило поддержку Деникину.

Во Франции, Англии, Италии, США поднимался революционный рабочий движение достиг высокого уровня. Интервенция в Рос-

сии вызвала ненависть и недовольство не только среди рабочих, но и среди мелкобуржуазных масс. Генерал Щербачев, представлявший правительство Деникина в Париже, так писал в ноябре Деникину о положении во Франции:

«Большевистская партия уже открыто и всенародно вербует адептов в Красную гвардию, пока не вооруженную, но организующуюся по русскому образцу... с тем же хорошо знакомым нам лозунгом защиты интересов пролетариата. ...Расчеты и вся надежда Клемансо именно и зиждется на быстром проведении выборов, пока большевистская пропаганда не коснулась составляющих большинство солдатских демобилизованных масс».

Разумеется, Красная гвардия в Париже померещилась испуганному воображению белого генерала. Однако верно то, что восстание французских матросов на Черном море и возвращение матросов и солдат с юга Украины и из Крыма при возбужденном настроении революционирующихся рабочих масс грозили французскому правительству крупными осложнениями. Весьма серьезным было и положение в Англии.

Еще в июне 1919 г. съезд Рабочей партии принял под давлением рабочих резолюцию против продолжения интервенции и блокады. В конце сентября началась всеобщая забастовка железнодорожников, преданная

вождями тредюнионов. В Англии повсеместно создавались организации «Руки прочь от России». Английский премьер Ллойд-Джордж послал в советскую Россию своих лазутчиков, нащупывавших возможность восстановления экономических связей Англии с Советской республикой. В Прибалтике действия немецких белогвардейцев фон-дер-Гольца и Бермонта-Авалова вызвали тревогу у английских и французских империалистов. Все это вместе взятое привело к тому, что англо-французские империалисты перестали ориентироваться на Деникина. С Францией Деникин вошел в острое столкновение еще в период французской оккупации Одессы и Крыма.

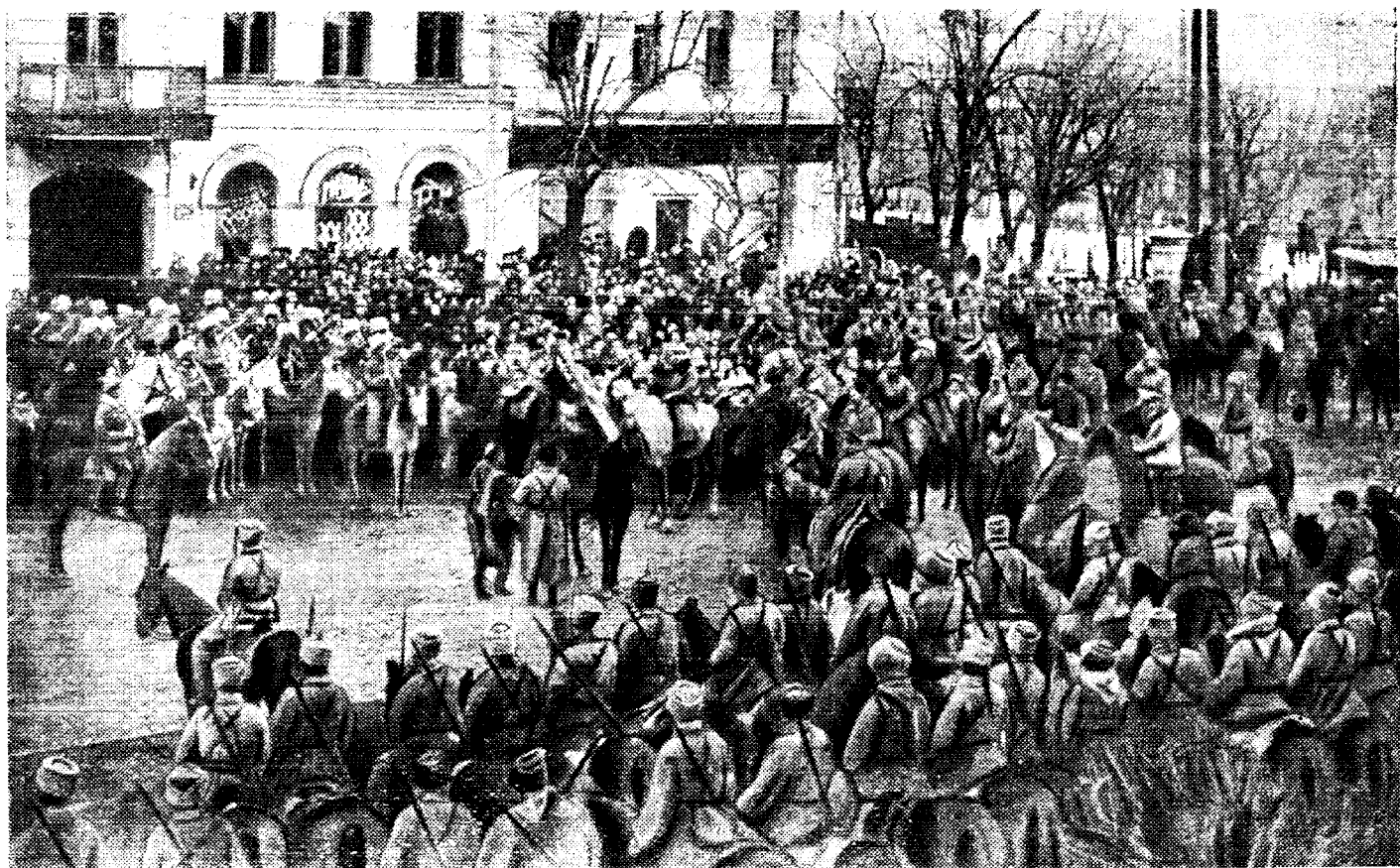
Первые решительные успехи Красной армии вернули Орел, Воронеж и затем Киев, Харьков и т. д. Белая конница Шкуро—Мамонтова была разбита наголову. Живая сила Добровольческой армии подверглась разгрому. Деникинщина доживала свои последние позорные дни.

27 декабря в Нижнеудинске (Восточная Сибирь) были арестованы Колчак и его министр Пепеляев. Колчак был расстрелян в Иркутске по приговору Военно-революционного комитета.

19 февраля в Архангельске произошло восстание рабочих, и власть перешла к советам.

Вступление красных в Бердичев. 1919 г.

Член РВС Кавказского фронта тов. Орджоникидзе вручает красное знамя 14-й дивизии I конной армии перед отправкой ее на фронт против Деникина. Ростов на Дону. 1920 г.

17 марта 1920 г. красные войска заняли столицу Деникина Екатеринодар. Осенний, второй по счету, поход Антанты кончился поражением, точно так же, как и первый. Только в Крыму засели остатки Добровольческой армии под руководством генерала Врангеля, которые вместе с белой Польшей впоследствии стали основой для третьего похода Антанты против Советской республики, окончившегося таким же крахом, как и первый и второй походы.

Товарищ Сталин в статье «К военному положению на юге» в газете «Революционный фронт» от 7 января 1920 г. указывал на следующие причины поражения Деникина:

«а) Непрочность тыла контрреволюционных войск.

Правительство Деникина—Колчака самое антинародное, самое антинациональное правительство. ...Советское правительство есть единственно народное и единственно национальное, в лучшем смысле этого слова, правительство, ибо оно несет с собой не только освобождение трудящихся от капитала, но и освобождение всей России от ига мирового империализма, превращая Россию из колонии в самостоятельную свободную страну.

б) Окраинное положение контрреволюции.

Внутренняя Россия с ее промышленными и культурно-политическими центрами Москвой и Петроградом, с однородным в национальном отношении населением, по преимуществу русским, превратилась в базу революции. Окраинная же Россия, главным образом южные и восточные окраины, без важных промышленных и культурно-политических центров, с населением в высокой степени разнообразным в национальном отношении, состоящим из привилегированных казаков-колонизаторов, с одной стороны, и неполноправных татар, башкир, киргизов (на Востоке), украинцев, чеченцев, ингушей и других мусульманских народов—с другой, превратилась в базу контрреволюции. Но это обстоятельство имело своим последствием целый ряд роковых, неизбежных минусов для контрреволюции и столько же неизбежных плюсов для революции».

Против контрреволюции стояла диктатура пролетариата, советская власть со своим крепким тылом, построенным на классовом и национальном единстве.

«В этом нужно искать источник той разительной силы и беспримерной упругости, которую обычно проявляет Советская

Россия в критические минуты» (Сталин, там же).

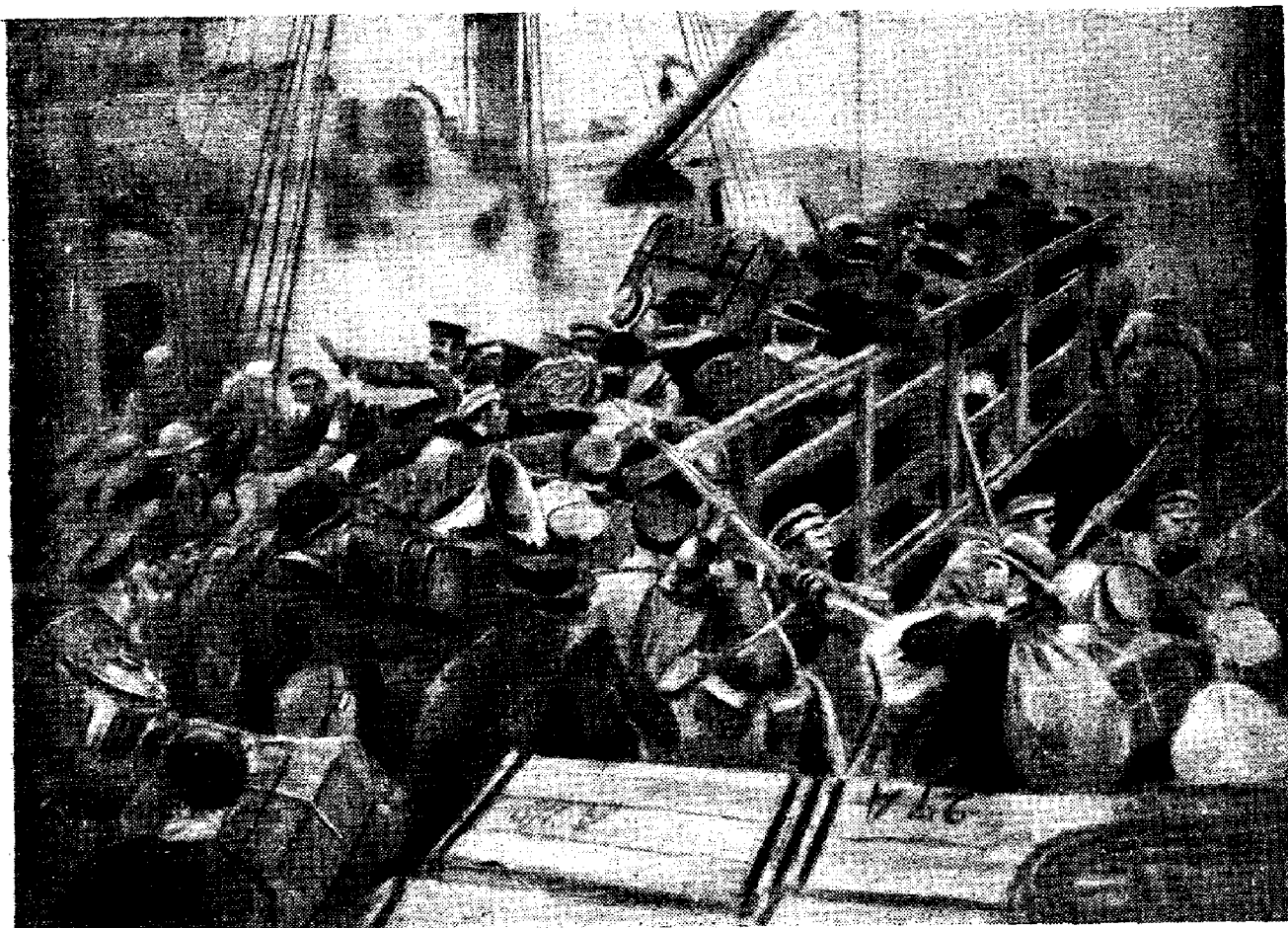
Разгром Деникина, Колчака и Юденича явился фактом всемирно-исторического значения, показав неисчерпаемую силу творчества трудящихся масс Страны советов под руководством коммунистической партии, Ленина и Сталина.

Разгром Деникина вместе с тем свидетельствовал о разложении умирающего империализма.

Ленин в апреле 1919 г. так отвечал на вопрос об источниках победы советской власти в ее борьбе против русской и международной буржуазии:

«Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть—власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда»¹.

¹ Ленин. Т. XXIV, стр. 259.

Бегство белых из Новороссийска.

С картины Владимирова.

ВОССТАНИЕ ПРОТИВ ДЕНИКИНА

В ДАГЕСТАНЕ

1

После Февральской революции 1917 г. горская¹ буржуазия, опираясь на духовенство, пыталась быть выразительницей национально-освободительных стремлений горских народов. Если до Февраля ее знаменем был панисламизм², ориентация на единовременную Турцию, то после Февраля 1917 г. она изменила ориентацию и начала поддерживать «родную Россию». После Октября 1917 г., когда Россия перестала быть «родной», горская буржуазия стала опорой деникинщины.

Стоявшие во главе созданного после Февральской революции ЦИК Союза народов республики горцев дворяне и промышленники (например кумыкский князь Капланов, прозненский нефтепромышленник-миллионер Тапа Чермоев), опираясь на духовенство, имевшее влияние на массы, ввели так называемые шариатские³ суды и учредили должность духовного владыки Северного Кавказа. Духовным владыкой был избран Нажмуддин Гоцинский, крупный дагестанский кулак-барановод, имевший свыше 10 тысяч овец.

¹ Горцы Кавказа: лезгины, чеченцы, кабардинцы, осетины, ингуши, кумыки и др.

² Панисламизм—националистически-буржуазное движение господствующих классов ряда мусульманских народов, выступающих под флагом борьбы с иностранными поработителями и за создание объединенного самостоятельного мусульманского государства. Империалисты различных стран используют панисламизм в борьбе со своими конкурентами.

³ Шариат—мусульманское право, основанное на Коране, толкованиях его и преданиях. Свод религиозных и житейских обязанностей мусульманина, а также гражданских, уголовных, государственных и прочих юридических норм.

«Шариатский блок» в Дагестане выступал против «незаконных» захватов помещичьих земель.

Являясь опорой деникинщины, представители горского дворянства заняли посты правителей областей, начальников округов. Царские генералы и полковники: Алиевы, Халиловы, Хабаевы—возглавили карагельные отряды белых, расправлялись с горским крестьянством, вызывая у горской бедноты ненависть и к «своим» горским контрреволюционерам.

«Горское правительство» выдавало Деникину скрывшихся в горах красноармейцев. Горские помещики и капиталисты надеялись таким образом купить право на самостоятельное господство в Дагестане. Но восстановители «единой и неделимой России» в этом не были заинтересованы. С помощью офицерства, приставов, ставших градоначальниками, с помощью духовных владык командование Добрармии добилось ликвидации республики союза горцев. На совещании дагестанской фракции республики союза горцев 29 мая 1919 г. шамиль-калинский градоначальник—полковник Магомедов сообщил, что командование Добрармии не признает горского правительства, но готово признать отдельное правительство Дагестана.

Тогда имам⁴ Северного Кавказа заявил, что вожди шариата соглашаются на отделение Дагестана и запрещают бороться против этого.

Дагестанская фракция постановила:

1) внести в союзный совет предложение о том, чтобы члены союзного совета разъехались на неопределенное время. Если это предложение не будет принято, то в дальнейших заседаниях союзного совета дагестанские представители участия принимать не будут;

2) немедленно организовать временное дагестанское правительство из трех лиц для охраны порядка и общественного спокойствия в Дагестане.

3) организацию такого правительства поручить генералу Халилову⁵.

2

Став у власти, генерал Халилов назначил начальниками округов горских офице-

⁴ Имам—духовный глава мусульман.

⁵ Тахо-Годи «Революция и контрреволюция в Дагестане», стр. 106 Махач-Кала. 1927.

ров, доказавших наибольшую преданность Добрармии.

Офицеры, знавшие порученные им округа еще по прежней своей царской службе, начали вводить старые порядки, опираясь на прикомандированные к ним казацкие отряды.

Группа дагестанских коммунистов, связанных с бакинским бюро кавказского краевого комитета и с городскими организациями Дагестана, подготавливала восстание народных масс против деникинщины. Центром борьбы против Добрармии было селение Леваша, Даргинского округа. На первом этапе структура повстанческих отрядов, способы их комплектования и снабжения не обеспечивали создания действительно боеспособной силы. По распоряжению созданного в Левашах штаба обороны десять «дымов» должны были выдвинуть из своей среды одного бойца, дав ему винтовку и продовольствие на две недели¹.

В конце июня 1919 г. произошло стихийное восстание бедноты против войск Добрармии. В Гунибе, Салтах, Дешлагере, Косум-Кенте и других местах казачьи гарнизоны были почти полностью вырезаны, но присланные с фронта деникинские войска совершили ряд карательных экспедиций и расправились с восставшими. Плохо вооруженные повстанцы потерпели поражение под аулом Дургели и Кадар.

Побежденному дагестанскому крестьянству было предложено немедленно доказать свою преданность «единой неделимой». 4 августа 1919 г. правитель Дагестана генерал Халилов обратился к населению с призывом «внести свою лепту в дело освобождения от большевиков»². В приказе № 19, который должен был быть выполнен в месяц, он предложил начальникам округов выставить для пополнения Добрармии около 8 тыс. бойцов (из них 25% конных). Все выставляемые (в возрасте от 19 до 40 лет) должны быть вооружены и снабжены одеждой, обувью, а конные—лошадью, седлом и буркой за счет местного населения. Все мобилизованные считались военнообязанными до прекращения военных действий, «согласно положению о Дагестанском конном полку, утвержденном еще в 1904 г.». Несмотря на выраженную генералом Халиловым уверенность в том, что «дагестанцы свято выполнят свой долг перед великой родиной», он одновременно учредил военно-

полевые суды и смертную казнь для тех, кто будет уклоняться от исполнения «святого долга». Одновременно «в целях прочного занятия Дагестана и наказания частных к большевизму аулов», по приказу генерала, князя Вадбольского, в основных центрах Дагестана были к 25 августа поставлены сильные казачьи гарнизоны: в Гунибе—2 сотни казаков с 3 пулеметами и 2 орудиями, в Хунзахе—2 сотни казаков с 2 пулеметами, в Дешлагере—3 сотни казаков с 7 пулеметами, 2 орудиями, в Косум-Кент—1 сотня казаков с 2 пулеметами, в Меджелесе—2 сотни казаков с 2 орудиями. Кроме того имелись гарнизоны в Темир-Хан-Шуре, Петровске, Дербенте и других местах³. Приказ о мобилизации вызвал массовую борьбу против деникинщины. Вскоре после опубликования приказа (тоже в августе) в селении Цудахор, Даргинского округа, на тайном съезде делегатов от селений Дагестана было решено не давать Добрармии ни одного солдата, тогда же был выработан и план восстания. Первыми должны были выступить цудахорцы, обезоружить с помощью других селений казачьи гарнизоны и атаковать в ближайших селениях деникинские власти. Но до намеченного по плану выступления цудахорцев 14 августа 1919 г. началось восстание в Кюринском округе. Вооруженные часто одними только кинжалами, повстанцы вели бой с хорошо вооруженными казачьими частями, укрепившимися в зданиях-крепостях, которые приходилось брать длительной осадкой. Осада казачьего отряда в селении Косум-Кенте продолжалась до 20 сентября⁴. Помощь, которую пытались оказать осажденному казачьему отряду из Дербента, не удалась: повстанцы разбили подходивший из Дербента казачий отряд, почти полностью захватили его обозы и благодаря этому основательно вооружились, захватив 1800 винтовок, около 2 млн. патронов, 4 тяжелых и 2 легких пулемета.

От мобилизации отказалось и селение Хаджал-Махи (Даргинский округ).

Крестьяне селения напали на подходивший карательный отряд полковника Магомедова, разбили и разоружили его. Повстанцы двигались на Леваша. 17 августа они заняли Леваша и обезоружили гарнизон.

³ «История гражданской войны» (ИГВ). Материалы Северокавказской комиссии ИГВ. Рапорт начальника 1-й терской пластунской бригады, № 3584.

⁴ Фонд воспоминаний ИГВ. Воспоминание № 1693 т. Сафралиева, стр. 3.

¹ Тахо-Годи «Революция и контрреволюция в Дагестане», стр. 113. Махач-Кала. 1927.

² Там же, стр. 116—117.

В Левашах был организован штаб восстания. Для ликвидации восстания в Даргинском округе деникинское командование бросило с фронта большие силы: до 1000 штыков и сабель с пулеметами и артиллерией. Но и эти крупные силы не могли справиться с плохо вооруженными повстанцами (часть повстанцев была вооружена обыкновенными дрючками и палками). Бой у селения Ая-Как кончился поражением добровольцев. В руках восставших оказались винтовки, артиллерия, несколько десятков пулеметов. Победа повстанцев явилась сигналом к всеобщему восстанию, которое охватывало все новые и новые округа. Из рапорта начальника 1-й терской отдельной пластунской бригады войсковому атаману Терского казачьего войска (№ 3584 от 26 сентября 1920 г.) мы узнаем о подробностях этого исторического боя:

«С занятием повстанцами аула Леваша мы потеряли центр административного управления в округе, а также связь с гарнизонами Кумуха, Гуниба, Хунзаха, и генерал-майор Попов решил с Дашлагорским отрядом (усилив его двумя сотнями 1-го волгского батальона и первой горной батареей Петровска) снова занять Леваша, освободить арестованных казаков и офицеров и восстановить связь с Гунибом и Кумухом.

Приняв такое решение, генерал-майор Попов отдал распоряжение полковнику Лаврову перейти в наступление, овладеть Мекеглинским перевалом и занять Леваша. 23 августа полковник Лавров с 3 сотнями 2-го Волгского батальона и 2 сотнями 1-го Волгского батальона с 4 орудиями конно-горной батареи и 2 орудиями отдельной легкой батареи (всего 5 пеших сотен, 19 пулеметов и 6 орудий) в 6 час. утра выступили из Дешлагара в Леваша.

У Мекеглинского перевала отряд встретил сопротивление противника, занявшего перевал, и завязал с ним перестрелку.

Одновременно с этим обнаружилось занятие противником высот в тылу отряда, откуда был открыт огонь по хвосту обоза.

Имея в виду противника, который ружейным огнем беспокоил бы отряд, полковник Лавров не продвинулся вперед и заночевал с отрядом у Мекеглинского перевала, выставив охранение во все стороны.

С утра 24 августа обнаружилось еще более сильное занятие высот в тылу, а попытка продвинуться вперед не имела успеха, так как противник встретил наступающих сильным огнем, и полковник Лавров

после совещания со старшими офицерами решил отходить на Дешлагар.

С началом отхода противник перешел к активным действиям с фронта, а с гор открыли сильный огонь по наступающим.

Отряд начал нести большие потери в людях и лошадях. Обозы и артиллерия теряли убитыми лошадей, стали загромождать дорогу. Противник с фронта перешел к дерзким атакам, доходившим до схватки в кинжалы. Во время одной из таких схваток кто-то крикнул: «Полковник Лавров убит!» и отряд в полном беспорядке, неся большие потери, бросил всю артиллерию, обоз и пулеметы и стал быстро отступать в Дашлагар»¹.

Повстанцы захватывали крепости, селения, уничтожали добровольческие, главным образом казачьи отряды, расправляясь с начальством, посаженным деникинским правлением, несмотря на то что «начальством» были дагестанцы по национальности и мусульмане по вере.

При разгроме повстанцами Кюринского округа, казачьего отряда и окружных властей, назначенных генералом Халиловым, были убиты начальник Кюринского округа Мишхабек Умашев (бывший полицмейстер Петровска), бывший начальник Кайтага-Табасарасского округа Султанов, происходивший из самого селения Косум-Кент. В Самурском округе был убит начальник округа полковник Магомедов и т. д. В Косум-Кенте после продолжительного боя казачий отряд был вырезан полностью (спаслись один офицер и 7 казаков, с большими трудностями убежавшие в Дербент). Когда командир Гунибского казачьего отряда полковник Шокали, имевший в своем распоряжении крупные силы и артиллерию, окружил 25 августа аул Гергебиль и, наложив на жителей контрибуцию в 250 тыс. руб., добился «изъявления» покорности и направился с этой же целью в аул Куны,—«изъявившие покорность» гергебильцы совместно с другими повстанцами окружили отряд и разбили его. Полковник Шокали, 6 офицеров и 100 казаков были убиты. Потеряв всю артиллерию и пулеметы, отряд отошел на Гуниб, но 5 сентября восставшими был взят Гуниб, и отряд был окончательно уничтожен. Небольшая часть его (около 100 казаков) была взята в плен. Ежедневные оперативные сводки главного штаба вооруженных сил юга России (деникинское коман-

¹ Архив секретариата главной редакции ИГВ. Материалы Северокавказской комиссии.

дования) в этот период (23 августа—8 сентября) сообщали о разраставшемся в Дагестане восстании. Так, секретная телеграмма главного штаба от 26 августа сообщает о разгроме дашлагорского отряда полковника Лаврова¹. Для борьбы с восстанием деникинское командование решило использовать каспийскую морскую флотилию и ее мощную артиллерию. О задачах, поставленных перед морской флотилией, можно судить по отправленной 3 сентября в главный штаб вооруженных сил юга России телеграмме начальника флотилии, капитана 1-го ранга Сергеева: «Многие селения прибрежной полосы Дагестана содействуют мятежникам. Беря в свои руки обеспечение нашего господства в этом районе, полагаю уничтожить все селения, жители которых укрывают мятежников или выступают против наших частей»². Таким образом, бросив на подавление восстания каспийскую флотилию, деникинское командование обрекло прибрежные аулы на полный разгром и уничтожение огнем морской артиллерии. 5 сентября крейсер «Африка» и канонерка «Меркурий» обстреляли артиллерийским огнем аулы Сабны и Джалгари. Тогда аулы выкинули белые флаги. Однако подошедшие добровольческие части были встречены выстрелами. Аулы вторично были обстрелены, после чего жители «изъявили» покорность. В связи с этим начальник флотилии Сергеев воспользовался еще раз случаем заявить главному штабу деникинцев, что если мятежники появятся в аулах, лежащих в сфере действия морской артиллерии, они будут стерты с лица земли. О мощности и размахе бомбардировки можно судить по тому, что в подобной операции 6 сентября, продолжавшейся с 5½ до 9 час. утра, один только крейсер «Африка» выпустил 230 снарядов (донесение начальника каспийской флотилии Сергеева).

6 сентября раз'езды повстанцев появились в районе Дербента, концентрируясь в лощине под аулом Джелмат. По сведениям белого командования повстанцев было около 2 тысяч при 6 пулеметах. Ночью повстанцы атаковали Дербент и принудили белых очистить нагорную часть города. На стороне повстанцев сражалась и дагестанская беднота, населявшая мусульманскую часть Дербента. С рассветом повстанцы начали спускаться с гор по трем главным ущельям. Первое крупное столкновение произошло в

районе старой крепости, затем с левого и правого флангов. К полудню 7 сентября повстанцы с помощью присоединившейся к ним бедноты мусульманской части города заняли часть Дербента по линии русская церковь—завод Дадашева. Во время боя морская артиллерия бомбардировала повстанцев. 7 сентября начальник каспийской флотилии Сергеев телеграфировал в главный штаб вооруженных сил юга России (ВСЮР) в Таганрог: «По просьбе генерала Руднева, мусульманская часть города будет сравнена с землей»³. И в тот же день он приступил к выполнению «просьбы» генерала Руднева. Крейсера «Африка» и «Арцыв» обстреляли окрестности и мусульманскую часть Дербента. 8 сентября, утром, все суда отряда в продолжение 17 часов обстреливали мусульманскую часть города. Из официального донесения штаба флотилии от 9 сентября видно, что стрельба продолжалась «почти непрерывно».

Мусульманская часть города была разрушена бомбардировкой. Этот «геройский подвиг» на другой же день был доведен до всеобщего сведения войск Добрармии и населения захваченных ею территорий. В телеграммах главного штаба деникинцев от 10 сентября появилось сообщение: «8 сентября нашей бомбардировкой уничтожен мусульманский квартал Дербента, что сильно подняло дух нашего гарнизона»⁴.

Но активность восставших возрастала. Они уже 1½ месяца держали в своих руках мусульманскую часть Дербента. Оперативная сводка главного штаба Главнокомандующего вооруженными силами юга России от 15 сентября сообщала, что повстанцы Гунибского района наступают на Северный округ, чтобы соединиться с ним для общего наступления. 18 сентября в сводке сообщалось, что повстанцы обстреливают вокзал Дербента артиллерийским огнем. По данным белой разведки, около Дербента было 5—7 тыс. повстанцев. Никакими мерами командованию не удавалось потушить пожар восстания. Большевистские настроения проникали и в войска Добрармии и особенно во флот Каспийского моря (матросы этого флота были большей частью набраны из молодых безработных матросов торгового флота). Офицеры Добрармии и морские офицеры, по донесению главноначальствующего Терско-Дагестанского края генерала Эрдели, своими ле-

¹ ЦАОР. Фонд 1486. Д. № 44, л. 37.

² ЦАОР. Фонд 1502. Д. № 36, л. 429.

³ Там же, л. 398.

⁴ Там же, л. 90.

ностью, пьянством, дебошами и скандалами «подрывают авторитет начальников и играют наруку большевистским агентам, находящимся в среде матросов»¹.

К зиме 1919—1920 г. в руках белых оставались только города с сильными гарнизонами. Прибрежная узкая полоса была под огнем их морской артиллерии. Все районы вокруг городов и горная часть Дагестана были в руках восставших. Повстанцы созывали окружные с'езды, на которых избирались ревкомы. Ревкомы организовывали новые отряды, собирали для партизан оружие, патроны, продукты. В одном только Кюринском округе был организован отряд до тысячи человек (из них 400 конных). Отряды отдельных округов собирались вместе. Их действиями руководил штаб обороны в Левашах. В ревкомы как и в составы с'ездов попадали не только представители бедноты, но и состоятельные элементы и представители духовенства, которые, как например шейх² Али-хаджа Акушинский, считали необходимым во имя шариата бороться с Добрармией и на определенном этапе поддерживали повстанцев. Несмотря на это, общий характер организации и борьбы к зиме был уже ярко выраженный—большевистский. Созванный после изгнания белых в Кюринском округе окружной с'езд, по словам его участника тов. Сафралиева, первым с'ездом, «имевшим большевистский дух»³.

3

Дагестанским восстанием руководили большевики.

Идейным и организационным руководителем повстанческого движения в Дагестане был дагестанский комитет РКП(б) во главе с тов. Шеболдаевым, находившийся, как было сказано выше, в селении Леваша, Даргинского округа. Там под непосредственным руководством тов. Шеболдаева работал «совет обороны», организованный в сентябре 1919 г. «Совет обороны» возглавляли тт. Казибеков, Магомед и Гамид-Далгат, Коркмасов, Доветов и др. В «совет обороны» входили не только большевики, но и мелкобуржуазные и националистические элементы. Парторганизация считала, что на определенном этапе необходимо бы-

¹ ЦАОР. Д. № 44, л. 125.

² Шейх—буквально старец, в данном случае—глава религиозной общины.

³ Фонд воспоминаний ИГВ. Воспоминание № 1693 тов. Сафралиева.

ло использовать все антиденикинские силы. «Таковы директивы из центра»,—писал секретарь дагестанского обкома тов. Шеболдаев в начале декабря руководителю партизанских отрядов в городах Чечни и Ингушетии тов. Гикало⁴.

Положение было чрезвычайно сложное. С одной стороны, надо было использовать все антиденикинские силы, с другой—шейх Али-хаджи Акушинский был тесно связан с прибывшими из Азербайджана, где у власти тогда находились муссаватисты⁵, турецкими офицерами, подосланными в Дагестан, чтобы овладеть движением изнутри. Они примкнули к антиденикинскому движению. Турецкий офицер Кязим-бей был даже главнокомандующим антиденикинского фронта в Дагестане.

Несколько позже в Дагестане появился турецкий генерал Нури-паша, на словах проявивший большое сочувствие к большевикам и ненависть к Антанте.

Было решено использовать военный опыт Нури-паши как и Кязим-бея. «Совет обороны» назначил его главнокомандующим фронтом Северного Кавказа, а Кязим-бея—главнокомандующим Темирханшуринским фронтом.

Скоро перед широкими массами открылось истинное лицо и Нури-паши, и Кязим-бея, и Али-хаджи Акушинского.

Али-Хаджи, тесно связанный с акушинскими кулаками и лавочниками, интересы которых он отражал и защищал, надеялся, что после изгнания Добрармии в Дагестане удастся установить власть кулаков и духовенства. На первом этапе использование его антиденикинских настроений было целесообразно, так как он имел сильное влияние на крестьян. Его влияние противопоставлялось влиянию вышеупомянутого Нажмуддина Гоцинского. Тем самым группа клерикалов была расколота и значительно ослаблена. Но к середине декабря 1919 г., убедившись в том, что влияние большевиков растет, а если большевики победят, то будет власть советов, шейх Али-хаджи Акушинский начал переговоры с командованием Добрармии о заключении союза с ним при условии сохранения интересов ре-

⁴ Архив секретариата Главной редакции ИГВ. Материалы Северокавказской комиссии ИГВ.

⁵ Муссаватисты (от слова «муссават»—равенство)—националистическая панисламистская партия тюркской буржуазии. Правительство муссаватистов придерживалось турецкой ориентации, но, когда турки калитулировали перед Антантой, пригласило в Баку англичан.

лигии и шариата. Нури-паша и Кязим-бей, выполняя заказ муссаватистского Азербайджана, начали борьбу против большевистской части «совета обороны» и против создания в Дагестане советской власти. В письме от 24 декабря 1919 г. из селения Леваша к тов. Гикало руководитель дагестанских коммунистов тов. Шеболдаев писал: «Нури тоже ведет свою политику и вероятно обопрется на контрреволюцию»¹. Предположения тов. Шеболдаева оправдались.

Начались открытые конфликты между Нури и большевиками из «совета обороны».

20 февраля 1920 г. в письме к тов. Гикало тов. Шеболдаев писал: «У нас скандал с турками. Нури-паша и его банда спелись через Азербайджан с англичанами, с одной стороны, и с Узум-Хаджи—с другой стороны... у нас главная опасность с юга, со стороны Азербайджано—Англии и местной контрреволюции, на которую опирается Антанта...»² Нури-паша и Кязим-бей всячески стремились убрать с дороги тех, кто помогал разоблачению их действительных намерений, не останавливаясь перед прямым убийством из-за угла.

С ростом влияния большевиков Нури-паша и Кязим-бей пытались нанести удар в спину восстанию. В начале марта 1920 г. ими был предательски расстрелян тов. Казибеков (председатель «совета обороны»). Они пытались открыть фронт, но это им не удалось, и они принуждены были бежать из Дагестана.

Большую помощь в Дагестане оказали направившиеся бакинским комитетом партии для участия в борьбе с деникинщиной рабочие-большевики. В Кюринском округе 8 бакинских рабочих (большевики) подготавливали восстание. В даргинском отряде, принимавшем участие в бою с белыми у Дербента 29 августа 1919 г., были убиты 3 пулеметчика, приехавшие из Баку. В отряде Самурского округа был ряд бакинцев-большевиков, поэтому отряды самурцев по своей революционной дисциплинированности и энтузиазму в борьбе были лучшими отрядами повстанцев. Тов. Сафралиев насчитывает в начальный период восстания около 500 бакинцев, приехавших в разное время. А к моменту приближения из советской

России Красной армии приехавших из Баку и Грузии было до 1200 чел.³

Из приехавших в Дагестан коммунистов организовались в полках подпольные ячейки, подпольные комитеты фронтов, которые вели работу по усилению влияния и роли партии в восстании. Тов. Тымчук, секретарь комитета РКП(б) Дербентского фронта, в своих воспоминаниях приводит характерные факты работы парткомов в среде восставших⁴. Председатель дербентского подпольного фронтового бюро РКП(б) тов. Шурбин (Дьяков) вошел в доверие командующего Дербентским фронтом турецкого офицера Руфат-бея. Руфат-бей назначил его своим начальником штаба. Этого тов. Шурбину и нужно было. Используя свое положение — начальника штаба фронта—он, по решению комитета РКП(б), дает повышение в чинах бывшим краскомам, состоявшим в «поручиках» руководимой Нури-пашей армией «совета обороны» Дагестана. Наиболее развитые, преданные и способные товарищи из бывших красноармейцев производились им в офицерские чины. Все это делалось для того, чтобы иметь в среде борющихся свой командный состав для замены им турецких и грузинских офицеров. На собраниях «красных офицеров» принимались резолюции о полной солидарности со всеми трудящимися России под руководством коммунистов, против буржуазии и помещиков. «С чувством глубокого восхищения и преклонения собрание «красных офицеров» как и трудящиеся всего мира следит за тем, как один за другим разбиваются и уничтожаются душители революции. С чувством глубокой радости собрание «красных офицеров» как и народы всего Кавказа следит за тем, как день за днем героическая рабоче-крестьянская армия, разбивая противника, приближается к изнуренным непосильной борьбой революционным народам Кавказа, и что уже недалек тот час, когда, наконец, российский революционный фронт соединится с революционным горским и над Дагестаном высоко будет поднято знамя коммунизма»⁵.

Фронтовой комитет РКП(б) дал красным офицерам-коммунистам инструкцию—орга-

³ Фонд воспоминаний Главной редакции ИГВ. Воспоминания № 1693 Сафралиева, стр. 15.

⁴ Неопубликованные воспоминания № 1549 тов. Тымчука, стр. 22.

⁵ Протокол собрания красных офицеров Дербентского фронта от 26 января 1920 г. ИГВ. Воспоминания № 1549 Тымчука, стр. 23.

¹ Архив Главной редакции ИГВ В.Д. 1 штаба Гикало.

² Архив Главной редакции ИГВ Д. № 1 штаба Гикало.

Товарищи Киров (третий слева) и Орджоникидзе (пятый слева) на параде частей Красной армии в Баку после занятия города. 1920 г.

низовать в находящихся под их командованием частях партийные ячейки. «Каждый красный офицер (коммунист) должен знать, что конечной целью революции является освобождение всего трудящегося человечества от гнета капитализма»,—было сказано в инструкции. 9 января 1920 г. фронтовой комитет партии решил созвать фронтовую конференцию РКП(б); 10 февраля 1920 г., на случай занятия Дербента, комитет партии образовал революционный комитет—орган советской власти, перед которым была поставлена задача,—не допустить к власти ставленников Нури-паши и К°.

11 февраля в селении Куллуры открылась фронтовая конференция ячеек РКП(б) Дербентского фронта. Для участия в конференции приехал представитель дагестанского областного комитета партии тов. Султанов, сделавший на конференции доклад о политическом положении Дагестана. Всю

эту огромную работу партийный комитет Дербентского фронта проводил в нелегальных условиях. Дагестанский обком имел связи с Баку, Тифлисом. Через тов. Гикало Дагестан получал денежные средства, инструкции от XI армии. Восстание росло. «Совет обороны» Дагестана в Левашах в начале февраля реорганизовался в «центральный совет обороны Северного Кавказа». Он являлся временной властью, впредь до очищения территории Северного Кавказа от врагов и организации постоянной власти.

Партийным организациям Дагестана в руководстве движением против деникинщины в горских районах Северного Кавказа пришлось проявить особую гибкость, считаясь с уровнем сознания масс, с влиянием на трудящихся духовенства. В результате правильной тактики партии массы горцев были завоеваны большевиками.

Деникинщина в Дагестане была разбита.

Ч А П А Е В

1

Имя Чапаева теперь знает вся страна.

Оживленная творческой силой искусства, показанная новым замечательным советским фильмом героическая борьба и гибель Чапаева, одного из первых красных командиров, сформировавшихся в боевом опыте первых лет гражданской войны, становится монументальным памятником истории нашей славной Красной армии.

Неизмеримо увеличались и окрепли с тех пор мощь и организованность Красной армии, ее высокая сознательность и на ней основанная, невиданная ни в одной армии мира дисциплина, ее идейно-политическая зрелость и страстная любовь к своей социалистической родине.

С тех пор выросли, воспитались, политически созрели в большевистских командиров тысячи и десятки тысяч Чапаевых, рожденных гражданской войной, преодолевших под руководством партии стихию своей буйной партизанщины, превратившихся в талантливых организаторов несокрушимой военной мощи Советского союза.

От первых партизанских отрядов до лучшей в мире, непобедимой Красной армии, верного стража и борца за дело социализма во всем мире,—таков был героический и долгий путь, начало которому положили — нередко ценою собственной жизни — многие лучшие люди нашей страны в годы гражданской войны, в том числе такие, как Чапаев и Фурманов.

Эта оживляющая прошлое картина показывает долгий, суровый, трудный путь, усеянный многими жертвами, которым прошли рабочий класс и колхозное крестьянство нашей страны к строительству той «великолепной жизни», которую так пророчески в ночь своей личной гибели предсказывает Чапаев молодой и счастливой паре — Петьке и Анке.

— Счастливые вы! — говорит он с чуть

— Вот кончится война, и великолепная жизнь будет. Такая жизнь, что умирать не захочется.

А пока люди идут, не задумываясь, не размышляя, не оглядываясь, на борьбу и на смерть. Немногие из них понимают или знают, как Чапаев, что их смерть несет идущим за ними поколениям новую жизнь. Многие из них борются и идут на смерть «для того, чтобы жить».

Под грохот снарядов маленький представитель молодого поколения спрашивает у старого, везде побывавшего, все испытавшего крестьянина-солдата:

— Для чего люди на смерть идут?

— Для того, чтобы жить! — отвечает он просто. — Каждому хорошей жизни хочется...

Вот в этих двух простых, глубоких, выстраданных и правдивых мыслях «вождя» и представителя «массы» — тот волнующий, доходящий до сердца и мозга каждого нынешнего зрителя основной лейтмотив, который связывает эту повесть о прошлом с нашим славным настоящим в одну героическую поэму.

«Чапаев», это — воскрешенный чудесною силой большого искусства наш вчерашний день, обеспечивший нам настоящее и раскрывающий еще более великолепное будущее. Именно в этом его огромная и актуальная политическая значимость. Именно поэтому фильм становится средством политического воспитания и орудием революционного воздействия партии на сознание миллионной массы. Старое и молодое поколения встретились и поняли, что и вчера — на фронтах гражданской войны — и сегодня — в многообразии грандиозной стройки — они делают одно дело — дело социализма. Они поняли также, что организатором, вдохновителем, руководителем этого исторического дела является партия, которая вела массы с таким несокрушимым упорством к этой ясно осознанной цели от победы к победе и на фронтах военных и на фронтах хозяйственных.

Вот почему вся страна смотрит великолепный фильм «Чапаев» с огромным и живым волнением, какое вызывает в нас прошлое, кровно и непосредственно связанное с настоящим.

Картина «Чапаев», так убедительно и ярко демонстрирующая организующую роль партии, показывающая, как партия подчиняет стихию и организует ее на путь ре-

волюции, как она воспитывает ее на уроках борьбы, становится могучим средством политического воспитания тех молодых поколений, которые в этой борьбе еще не участвовали.

Оживленная на экране история умножает свое воспитательное воздействие на массы именно тем, что эта история воскрешена с такой огромной, впечатляющей, художественной силой, простотой и правдой.

Чему же учит, что показывает, какой конкретный кусок истории нашей героической борьбы воскрешает фильм «Чапаев» своим историческим содержанием?

Кто такой Чапаев, про которого складывались легенды в годы его жизни и борьбы и который становится одним из любимых героев молодых поколений нашего времени?

На эти вопросы пытается ответить настоящий очерк.

2

«Обыкновенный человек, сухощавый, среднего роста, видимо, небольшой силы, с тонкими, почти женскими руками; жидкие, темнорусые волосы прилипли косичками ко лбу; короткий нервный, тонкий нос, тонкие брови в цепочку, тонкие губы, блестящие чистые зубы, бритый начисто подбородок, пышные фельдфебельские усы. Глаза... светлосиние, почти зеленые, быстрые, умные, немигающие. Лицо матовое, свежее, чистое, без прыщиков, без морщин. Одет в защитного цвета френч, синие брюки, на ногах — оленьи сапоги. Шапку с красным околышем держит в руке, на плечах — ремни, с боку — револьвер. Серебряная шашка вместе с зеленой поддевкой брошена на сундук» — такова была внешняя характеристика Чапаева, записанная комиссаром Фурмановым в день знакомства с тем, о ком уже широко неслась слава как о легендарном герое

Ничего «героического» не было в наружности Чапаева. Обыкновенной была и история его жизни до начала гражданской войны.

Родился в 1887 г. в маленькой деревушке Вятской губернии. Отец Чапаева был плотник, обремененный большой семьей. Плотничали дед и отец. Плотничному делу обучился у них и Василий Иванович Чапаев. Еще в детстве семья переехала в Самарскую губернию, в заштатный городишко Балаково. Здесь начался ранний труд Василия в качестве подпаса и пастуха, а по-

том — помощника отца-плотника. Одну зиму ходил Василий в школу. Едва научился читать (писать обучился лишь в армии), как школу пришлось покинуть. Начались годы странствий с отцом по городам Поволжья в качестве кустарей-плотников, пока не пришел год призыва в армию. С 1909 года попал в муштру старой царской армии, в ней и застала его империалистическая война 1914 г.

Воевал много и храбро, бывал во многих боях с немцами и австрийцами, получил за храбрость четыре георгиевских креста, дослужился до чина ефрейтора и даже в 1917 г. — подпрапорщика. Но нравом был горяч, к палочной дисциплине привыкал с трудом, с офицерством не ладил и даже был два раза разжалован во время своей службы в царской армии.

В армии его и застала Февральская революция. Он стоял с 138-м запасным полком в Пугачевске (тогда еще Николаевске), Самарской губ., пользовался большим авторитетом среди солдат и был ими после переворота избран командиром полка. Крестьянское прошлое Чапаева, его стихийно-революционный темперамент толкнули его в начале 1917 г. к партии анархистов-максималистов, которая привлекала немало таких крестьянских бунтарей своей шумной рекламой словесно-боевых лозунгов.

Но сравнительно скоро Чапаев понял, что за пустой шумихой революционных слов не было подлинно революционных действий. После июльских дней в Петрограде зашел он в Пугачевский комитет большевиков, заполнил анкету и стал считать себя большевиком. Но только в 1918 г., уже после Октябрьской революции, оформил свою партийную принадлежность к большевикам.

С отрядом преданных солдат Чапаев участвовал в ноябре 1917 г. в захвате власти в Пугачевске, был назначен начальником революционного гарнизона, а на уездном съезде советов — первом после установления советской власти — был избран военным комиссаром.

После демобилизации армии сформировал из оставшихся преданных и лично с ним связанных солдат и из горстки пугачевских рабочих отряд красной гвардии и с ним пошел на подавление восстания кулаков, поднявшихся против советской власти.

В этот именно период конца 1917 г. и самого начала 1918 г. зашевелились уральские казаки, соединились с белыми офицерами, произвели переворот в Уральске и уже в марте 1918 г. стали делать налеты на

смежные крестьянские губернии, уничтожая советскую власть, вырезая советы, бесчинствуя и грабя мирное, но запуганное крестьянское население.

19 апреля 1918 г. Пугачевский (тогда Николаевский) уезд был объявлен на военном положении. Стихийно стали создаваться партизанские отряды из крестьянской бедноты, из бывших солдат, из деревенской молодежи.

Бои происходили на родине бойцов, получавших помощь и поддержку населения, а главное, непрерывное пополнение.

Чапаев был организатором одного из таких местных отрядов. Проходя села Семениху, Клинцовку, Землянку, Солянку, Балашу и др., Чапаев пополнял свой отряд непрерывным свежим притоком партизан из этих селений. Из небольшого отряда в 150 человек чапаевский отряд по мере приближения к границам Уральской казачьей земли вырос до 500 чел., сформировавши один из основных полков будущей знаменитой Чапаевской дивизии. Так же формировались в борьбе с казаками и другие красные полки этой славной дивизии.

Фурманов описывает, какую огромную роль в истории гражданской войны сыграли эти большие степные села, на которые нападали казаки. «Когда в Курилово,—пишет он в своей книге «Чапаев»,—ворвалась в 1918 г. казара и по указанию местных кулаков начала выхватывать советских работников,—поднялась вся огромная трудовая сельская масса, вооружилась кто чем попало, перебила казаков, остатки выгнала вон и тогда же порешила создать свой особый полк: он был назван Куриловским. Примерно в подобной же обстановке созданы были и другие местные полки: Дамашинский, Пугачевский, Стеньки Разина, Новоузенский, Малоузенский, Краснокутский. Они создавались первоначально для того, чтобы охранять и защищать свои родные села; бойцами и командирами (комиссаров первоначально не было) являлись все свои же оленосельчане; спайка была, разумеется, несравненная: тут люди знали друг друга десятки лет, часто были давними товарищами, многих связывали и родственные отношения: в Куриловском полку, например, отец с пятью сыновьями; бывали, впрочем, и такие явления, что некогда близкие дружки вдруг разделялись: один убегал с белыми, другой вступал красноармейцем в родной полк...»¹

¹ Фурманов в «Чапаев», стр. 36. Гиз. 1925.

Гражданская война в Поволжье только начиналась, а с нею начиналась и легендарная слава Чапаева, ставшего подлинным народным героем Восточного и Уральского фронтов, где Чапаевская дивизия самоотверженно билась с Колчаком и с казачьей контрреволюцией.

3

Как и почему сложилась слава Чапаева? Расставаясь с Чапаевым (почти накануне Лбищенской катастрофы, стоившей Чапаеву жизни), комиссар Фурманов задумался об источниках и характере героичности Чапаева:

«Где героичность Чапаева, где его подвиги, существуют ли они вообще и существуют ли сами герои?»

«А молва о Чапаеве широкая, и молва эта, верно, более заслужена чем кем-либо другим»,—подвел тогда же итоги Фурманов: «Чапаевская дивизия не знала поражений, и в этом немалая заслуга самого Чапаева: слить ее, дивизию, в одном порыве, заставить поверить в свою непобедимость, приучиться относиться терпеливо и даже пренебрежительно к лишениям и трудностям походной жизни, дать командиров, подобрать их, закалить, пронизать и насытить своей стремительной волей, собрать их вокруг себя и сосредоточить всецело только на одной мысли, на одном стремлении—к победе, к победе, к победе,—о, это великий героизм!»

Народная молва разносила как пух по степям не только славу о победах Чапаева, пополняя ее своим вымыслом, своим восхищением и верой в него, но и создавала легенды о его личности, множила его авторитет среди его сторонников и соратников, усиливала далеко идущий страх перед его именем среди его врагов, часто обращавшихся в паническое бегство при одном известии, что наступление ведет «сам» Чапаев.

Между тем Чапаев как и многие партизанские вожди того времени вырос в вождя складывающейся Красной армии прежде всего потому, что он был хорошим, чутким и разумным организатором среды, которая его выдвинула и в него поверила, которую он умел повести за собой именно в тех обстоятельствах и в той обстановке.

Но не только поэтому. А еще и потому, что Чапаев сам попал под организующее и направляющее воздействие п а р т и и, под

руководящее внимание таких вождей, как Фрунзе, таких чутких партийных руководителей, как комиссар Фурманов.

Не сразу и не легко освобождался Чапаев от той стихийной партизанщины, которая отличала не только эти молодецкие крестьянские полки партизан-добровольцев, но и их организаторов и командиров.

И полки и командующие ими партизанские вожди совершали настоящие чудеса храбрости и геройства. Плохо вооруженные, плохо снабжаемые, нередко голодные и раздетые, они были отличными и неустрашимыми бойцами, начиная от командира, кончая последним обозником. Но в политическом отношении они созревали не скоро и не сразу. Причины и масштабы грандиозной борьбы, в которой они участвовали, они далеко не охватывали. Питая неукротимую, жестокую ненависть к помещикам и к нещадно эксплуатировавшему их зажиточному уральскому казачеству, они самоотверженно защищали свой край от нападения контрреволюционных армий, но как только непосредственная угроза отодвигалась, такие крестьянские полки иной раз расходились по домам, а если и оставались в армии, то далеко нелегко привыкали к дисциплине и порядку регулярной Красной армии.

Немногим отличались от массы и выдвинутые ею вожди. Даже по внешности трудно было сначала определить, кто в отряде начальник и кто подчиненный. Фурманов, попав в Чапаевскую дивизию, вынес впечатление, что это была одна семья: «Обращение одинаково стильное, манеры одинаково самобытные, речь одинаково примитивная, насыщенная ядерной степной простотой!» «Это была,—писал Фурманов,—одна и крепко свитая пачка людей: их свила, спаяла кочевая, боевая, полная опасностей жизнь, их сблизил мужество, личная отвага, презрение к лишениям и опасностям, верная, неизменная солидарность, взаимная выручка—вся многотрудная и красочная жизнь, проведенная вместе, плечом к плечу, в строю, в бою».

Такова была среда и обстановка, рождавшая Чапаевых, этих народных героев, олицетворяющих собой тот неудержимый стихийный протест, который долгими и тяжкими годами страданий, притеснений и лишений копился в крестьянских массах.

Овладеть этими массами, подчинить их идейному влиянию и организующей воле партии можно было прежде всего полити-

В. И. Чапаев.

С портрета работы Е. Кацман.

чески, идейно и организационно сплотив вокруг партии вождей этой массы.

И глубоко прав был проводник сознательного и организующего начала в Красной армии того времени, комиссар Фурманов, который решил прежде всего овладеть мыслями Чапаева, воздействовать сначала на Чапаева, а через него и на всю его вольницу и сделать из них сознательных борцов революции, дисциплинированных сынов крепнущей в боях и испытаниях Красной армии.

4

Чапаев сыграл громадную роль в деле организации и собирания боевых сил своей будущей дивизии, впоследствии одной из самых лучших боевых единиц регулярной Красной армии.

После первого отхода партизанской армии от Уральска был созван митинг на ст.

Озинки, и партизаны решили разойтись по домам, которым угрожали восставшие кулаки.

Чапаев энергично выступил против подобного решения. Ему удалось сохранить основное боевое ядро бойцов. Роль командира в этот период была исключительно велика. Его горячая речь поднимала и зажигала упавший дух и ослабевшие силы бойцов.

Партизанская масса, жившая интересами сегодняшнего дня, не умевшая обобщить свой опыт, не понимавшая связи сегодняшних жертв с завтрашним днем, была чрезвычайно трудно управляема, мало дисциплинирована, плохо организована. Как следствие стихийного ее формирования партизанская армия Чапаева не имела еще и достаточной военной выучки, не умела использовать своего численного перевеса в начале гражданской войны с уральским казачеством.

Отгнав казаков к границам Уральской области, Чапаеву и его отряду пришлось сразиться с новым врагом.

Весною 1918 г. восставший чехословацкий корпус занял линию Самаро-Златоустовской железной дороги и захватил Сызрань, Самару и ряд других городов.

В Оренбурге в это время установил свою власть атаман Дутов. Учредилка приступила к организации белой «народной армии». В июле 1918 г. чехи заняли Николаевск (Пугачевск). Перешли в наступление и казаки, стремясь соединиться с чехами. Чапаев со своим отрядом совершил в одну ночь 70-верстный переход, зашел в тыл к чехам, взял Пугачевск и отразил нападение казаков, не дав им соединиться с чехами. За эту блестящую операцию Чапаев был награжден золотыми часами и назначен командиром 22-й Николаевской дивизии.

С августа по ноябрь 1918 г. Чапаев совершил с этой дивизией немало боевых подвигов и провел немало сражений с выступившей против советской власти уральской казачьей контрреволюцией. Уральский фронт борьбы с белой казачьей армией стал основным фронтом, на котором Чапаев и его дивизия приобрели свою неувядаемую, боевую славу. Уральская казачья область с самого начала Октябрьской социалистической революции стала сердцем и очагом белогвардейщины и контрреволюции на Восточной окраине Советской республики.

Уральские казачьи земли, заселенные казаками еще с XVI в. в определенный исторический период, были очагом революционной

борьбы против крепостнических, колониаторских намерений русских царей. Уральские казаки неоднократно поднимали знамя восстаний против российских самодержцев. Яркими выразителями революционных стремлений казачества были Разин и Пугачев.

Царское правительство, учитывая идущую от казачьей «вольницы» опасность, давно уже стало стремиться приблизить казаков к царскому трону и сделать из них своих верных слуг и сторонников. С этой именно целью в 1803 г. был издан указ о том, что земля по р. Уралу количеством 60 на 160 квадратных верст передается в собственность уральского казачьего войска. Постепенно казаки, пользуясь своими привилегиями и наличием большого количества земли, эксплуатируя труд безземельных крестьян окружающих губерний, превратились в зажиточных реакционно настроенных царевых слуг, из которых царизм вербовал и в 1905 г. и в годы империалистической войны верные кадры жандармских корпусов.

После Февральской революции казаки начали создавать реакционные политические объединения, выступавшие с лозунгами «автономии Уральской области» и создания своего «казачьего правительства». После Октябрьской революции, встреченной казаками с глухой и затаенной враждебностью, в Уральске — центре казачьей области — фактически существовали две власти: Совет и Канцелярия войскового атамана. Подкрепленный вернувшимися с фронта казаками, войсковой атаман организовал свержение советской власти и двинул свои силы, как мы говорили выше, на смежные губернии: Самарскую и Саратовскую. Во время первого похода Красной армии на Уральск силы казачества были еще невелики, но по мере движения казаков к Уралу с ними уходило и население казачьих станиц, увеличив состав белой армии до 10 тыс. штыков. В этот же период восстали и астраханские казаки, поддержанные уральцами. Формированию белой казачьей армии активно помогли белое русское офицерство и вожаки местных эсеров Кирпичников, Михеев и др.

Объявив на Войсковом казачьем съезде в марте 1918 г. Уральскую область самостоятельной, с собственной армией и властью наказного атамана, казаки провели мобилизацию молодого населения и двинули новую армию против красных.

Вскоре диктатором Уральского края был

Чапаев со своим ординарцем Петькой.

Кадр из фильма «Чапаев».

назначен русский генерал Толстой. Казачьи войска были непосредственно подчинены руководству белой армии, также снабжались вооружением и снаряжением английскими капиталистами, потребовавшими от уральских казаков в виде вознаграждения золото и эмбенскую нефть.

Казачьи полки имели боевой опыт мировой войны, формировались из пожилых казаков-добровольцев, отличались дисциплиной и ненавистью к революции, грозившей их привилегиям. Они пользовались крепкой поддержкой столь же фанатически настроенного казачьего населения, выступавшего тогда повсюду против советской власти.

Осенью 1918 г. против недавно сформированной 4-й армии в составе 23 тыс. красных бойцов, большей частью мобилизованных крестьян (меньшую часть составляли добровольцы-партизаны, по своей военной подготовке мало отличавшиеся от прочих крестьян), была выставлена отборная, дисциплинированная, хорошо вооруженная армия: 15 тыс. уральских казаков и 10 тыс. солдат белой «народной армии».

Но революционный энтузиазм масс, твер-

дая воля их командиров, тесно связанных с массами, беззаветно рисковавших, наряду со всеми бойцами своей жизнью, увлекая своим примером рядовых бойцов, наконец, руководящее влияние партии, мобилизовавшей коммунистов и рабочие отряды в полупартизанские части Красной армии, — все это создало тот огромный перевес, который обеспечил победоносное наступление Красной армии на чехов и казаков, освобождение ряда городов Поволжья и оттеснение казаков в пределы их области.

Военные донесения Чапаева¹ говорят о жестоких боях, которые происходили между Николаевской дивизией и нападавшими превосходными силами противника. Чапаев, как и его ближайшие соратники — командиры из партизан — Кутяков, Бубенец, Топорков, Плясунов и др., непосредственно участвовали во многих сражениях с казаками, чехами и белыми офицерами. Им не хватало порой военной выучки, но их неизменно выручала революционная воля к победе, здравый смысл, понимание окружающей дей-

¹ См. документы «Из боевой биографии Чапаева» в настоящем номере.

ствительности и беззаветная личная храбрость.

Чапаев был несколько раз ранен и контужен, но всегда оставался в строю.

В ноябре после ряда побед Николаевской дивизии главное командование решило послать Чапаева в Москву в Военную академию генерального штаба для приобретения необходимых ему военных знаний. Неохотно подчинился Чапаев этому решению. Не хотел уезжать из дивизии и оставлять фронт, где еще не была завершена борьба с казаками.

Но подчиниться пришлось. Тепло проводили бойцы своего боевого организатора и командира. Во всех полках дивизии выносились резолюции, приветствия, теплые напутствия и просьбы скорее вернуться в родную дивизию. С тяжелым сердцем в ноябре 1918 г. Чапаев приехал в Москву.

5

Не могла примириться с размеренной спокойной жизнью и учебой в Академии бурная, боевая натура Чапаева. Едва приехав в Академию, Чапаев уже стал забрасывать Реввоенсовет ходатайствами отозвать его и послать на фронт.

«Прошу отозвать меня,—пишет Чапаев в письме к председателю Реввоенсовета 4-й армии тов. Линдову.—Томиться понапрасну в стенах я не согласен, это мне кажется тюрьмой, и прошу еще покорно не морить меня в такой неволе. Я хочу работать, а не лежать».

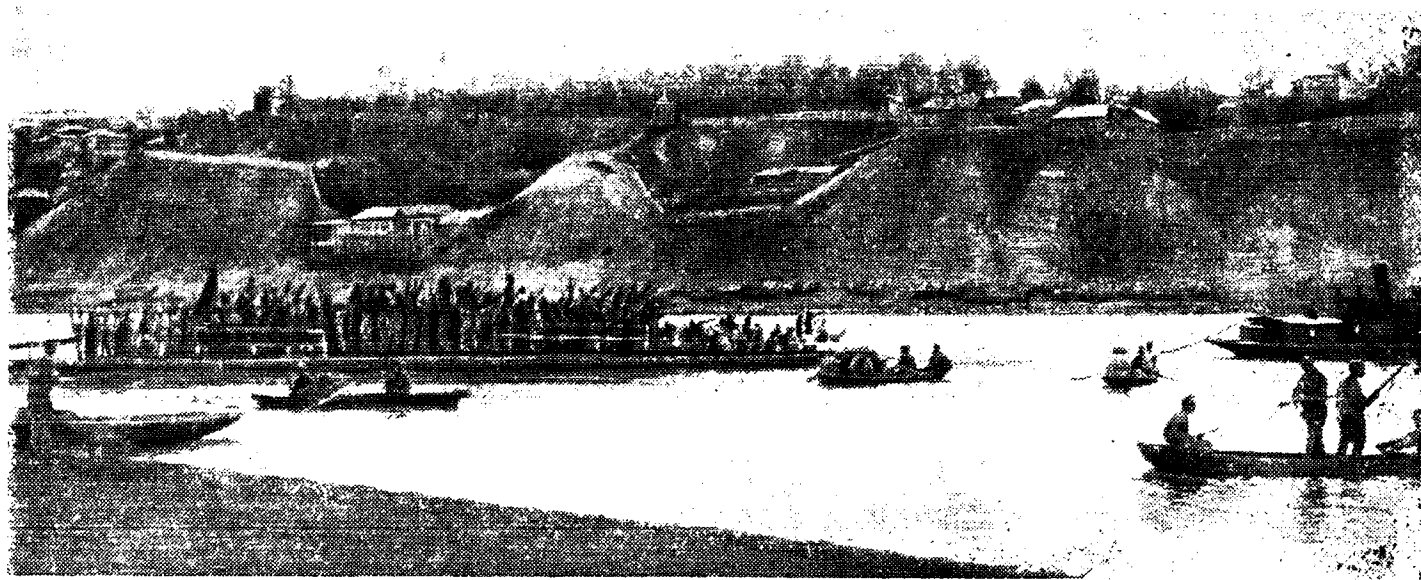
Чапаеву, наконец, удастся получить отзыв на фронт. В январе 1919 г. командование 4-й армией принял М. В. Фрунзе.

Чапаев явился к нему и получил от него назначение командовать Александрово-Гайской группой Уральского фронта. Скоро, однако, Чапаев получил новое назначение—командовать 25-й стрелковой дивизией, которая вместе с 22-й дивизией взяла Уральск и теперь направлялась на колчаковский фронт.

Чапаев принял дивизию и отправился на фронт. 25 марта 1919 г. в дивизию Чапаева был назначен политическим комиссаром Дмитрий Фурманов. Сдержанно и недоверчиво сначала принял нового комиссара Чапаев. Но скоро тактичная, умелая, мягкая помощь комиссара, сумевшего наладить с Чапаевым не только совместную работу, но и личную дружбу, стала совершенно необходимой и командиру и руководимой им дивизии, лишь с трудом и постепенно освобождаясь от навыков партизанщины.

Положение в это время на фронте было тяжелое. Колчак взял Уфу, Бугуруслан, угрожал Самаре и всему Поволжью, поставив целью отрезать от Москвы наиболее хлебные губернии.

Но партия забила тревогу, мобилизовала коммунистов и рабочих, переформировала части и уже в апреле 1919 г. добилась перелома. Инициатива перешла к Красной армии. Чапаев на своем участке встретил лучшую, отборную часть колчаковцев—первую дивизию офицерского корпуса Каппеля—и оказал ей упорное сопротивление. Каппелевцы были опрокинуты, и 29 апреля Ча-

Взятие Уфы чапаевцами. Переправа через реку Белую. 1919 г.

Раненый Чапаев отказывается от помощи.

Кадр из фильма «Чапаев».

Чапаев перешел в наступление на Бугуруслан. Преследуя противника по болотам, переправляясь через разлившиеся реки, Чапаевская 25-я дивизия достигла р. Белой, захватила и Уфу. Здесь Чапаев был ранен, но остался в строю и довел дело борьбы с колчаковцами до конца.

Вот один из документов этого героического похода Чапаева, свидетельствующий о том высоком признании и глубокой любви, какую вызывал Чапаев в своих рядовых бойцах:

«Выносим глубокую благодарность своему доблестному руководителю и герою товарищу Чапаеву,—гласила резолюция красноармейцев Чапаевской дивизии.—Он умелой рукой ведет нас, красноармейцев, вперед, к победе. Память о нем никогда не умрет в наших сердцах. При взятии Уфы, находясь в цепи, он был ранен в голову, но и после ранения тов. Чапаев не оставил нашей дорогой семьи, руководя нами. Мы, красноармейцы 25-й дивизии, с гордостью произносим имя нашего героя тов. Чапаева, и гордимся им, и представляем его к награде за указанные услуги РСФСР.

Председатель собрания Гуляев».

Чапаев был награжден орденом Красного знамени.

6

Колчаковцы были оттеснены к Сибири. Но зашевелился снова Уральский фронт. Ночью под пасху казаки, подкрепленные артиллерией, перешли в наступление, заняли Лбищенск и двинулись на Уральск. Началась двухмесячная осада героически державшегося красного Уральска. На помощь ему и была переброшена с колчаковского фронта Чапаевская 25-я дивизия.

С боями Чапаев двигался на помощь Уральску. Освобождавшееся от казаков население с энтузиазмом встретило Чапаева. Продвигаясь по знакомым деревням и селам, пополняя свои ряды добровольцами, Чапаевская дивизия после ряда боев освободила Уральск и прогнала осаждавших его казаков.

Одушевленные победами, лучшие чапаевские отряды — полки Пугачевский, им. Стеньки Разина, Дамашанский и др. — преследовали противника вдоль Урала, тесня его к Каспийскому морю, где находился последний казачий оплот — Гурьев. Идти приходилось по выжженным, опустелым казачьим станицам в голой степи.

Чапаевская дивизия заняла Лбищенск и расположилась здесь со штабом и дивизион-

ной школой. Части дивизии продолжали преследование казаков. Чапаев оставался с небольшими силами в Лбищенске.

Здесь и произошла катастрофа 5 сентября 1919 г., стоившая жизни Чапаеву.

Казачьи отборные части белых под командой генерала Сладкова сделали глубокий обходной рейд и напали на Лбищенск. 5 сентября, на рассвете, сонные улицы городка были встревожены криками:

«Казачьи! Казачьи!»

Началась беспорядочная стрельба. Полураздетые чапаевцы с наганами и шашками дрались с яростью и мужеством.

Бой продолжался весь день, до 5 часов вечера. 600 курсантов было уничтожено. Бойцы стали искать спасения в р. Урал. Чапаев, раненый в руку и ногу, поддерживаемый верными ординарцами, под пулеметным огнем бросился тоже в реку. Но пуля настигла его. Чапаев скрылся под водой, не доставшись казакам ни живым, ни мертвым. Казачьи взяли в плен и расстреляли в 3 верстах от Лбищенска 300 верных чапаевских бойцов. Среди погибших были но-

вый комиссар, сменивший Фурманова, Батурин и адъютант Чапаева Петр Исаев.

Ликвидация Уральского фронта произошла без Чапаева. Ее закончила, отомстив за своего любимого командира, Чапаевская дивизия. С неустанными боями, по обезлюдившим казачьим поселкам, неся потери от эпидемии сыпного тифа, дивизия неуклонно продвигалась вперед, преследуя белые армии, отходившие на юг. В конце декабря советская власть вступила с казаками в переговоры. Они оказались безрезультатны. Военные действия возобновились. Но скоро деморализованные остатки казачьей армии были разбиты наголову. 1 января 1920 г. Гурьев пал. Чапаевская дивизия, пройдя 500-километровый путь от Уральска к Каспию, по безводным степям, в бурю и морозы, уничтожила оплот казачьей контрреволюции и утвердила советскую власть.

Героическая Чапаевская дивизия, созданная его руками, превратившаяся в одну из лучших дивизий регулярной красной армии, завершила боевое дело своего командира.

Чапаев наблюдает за боем (кадр из фильма «Чапаев»).

ЧАПАЕВСКАЯ ДИВИЗИЯ п о с л е ЛБИЩЕНСКОЙ КАТАСТРОФЫ*

(ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА ПОХОДОВ 25-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ ИМ. ЧАПАЕВА)

Уфа пала...

Чапаевская дивизия в июне 1919 г. перебрасывалась на Уральский фронт. Уже около двух месяцев Уральск, бывший в руках большевиков, находился в осаде. Кавалерийские раз'езды противника не раз уже проникали в Николаевский уезд, б. Самарской губернии.

Разинский полк в составе всей Чапаевской дивизии шел на Уральск «разбивать кольцо осады города» и не ожидал встретить более или менее крупные боевые соединения противника ранее Уральска. Сведения о противнике были скудные. Все это привело к тому, что полк понес крупные потери в «случайном» бою, в 17 верстах от слободы Соболевской. В дальнейшем до Уральска неприятель боя почти не принимал.

Почувствовав твердую решимость чапаевских полков взять город, неприятель отступил за р. Урал и на юг от Уральска.

К Разинскому полку, занимавшему позицию в садах, севернее Уральска, от освобожденных, уже бывших в осаде частей, подошла связь и вкратце передала то, что они пережили за 2 месяца осады:

«Первым дням осады мы не придавали большого значения, надеясь одним ударом освободиться от нежелательной опеки,—го-

* Настоящие воспоминания предоставлены редакции из фондов «Главной редакции по Истории гражданской войны» и публикуются в сокращенном виде.

ворил один из связи.—Оказалось, мы ошиблись. Предпринятые нами наступательные действия не имели успеха. Мы каждый раз возвращались с большими потерями. Ряды наши редели. Казаки со дня на день действовали смелей. Контрреволюционные элементы города поднимали голову. Распространившиеся было слухи о том, что Чапаевская дивизия идет на Уральск, затихли. Белогвардейского восстания ожидали с часу на час. Положение создалось катастрофическое. Надежды на разрыв «железного кольца» с каждым днем, с каждым часом уменьшались. Вдруг раздался орудийный выстрел, другой... десятый. Казаки стали отвечать. Нам стало ясно, что к стенам Уральска подошли красные войска. И вот мы свободны»,— закончил связист.

Разинский полк преследовал противника западнее Уральска, в направлении на юг. Мы достигли железнодорожной линии, или, вернее, того места, где проходила линия Саратов — Уральск.

Казаки, отступая, разрушили железнодорожную линию. Нерв, соединявший расположенный в степях Уральск с Центральной Россией, был уничтожен.

Все железнодорожные будки были также разрушены. Оставшиеся простенки были испещрены надписями. Красивым почерком выведено было даже целое обращение:

«Братцы, солдаты! С кем вы воюете? Вы воюете с теми, кто с вами вместе защищал великую Россию и православную веру от извергов — немцев. А теперь они, пользуясь смутой в России, при помощи жидов и продавшихся им большевиков, разрушают наши мирные села, как когда-то дикие, кочевые татары. Опомнитесь! Обратите штыки свои на предателей великой России!»

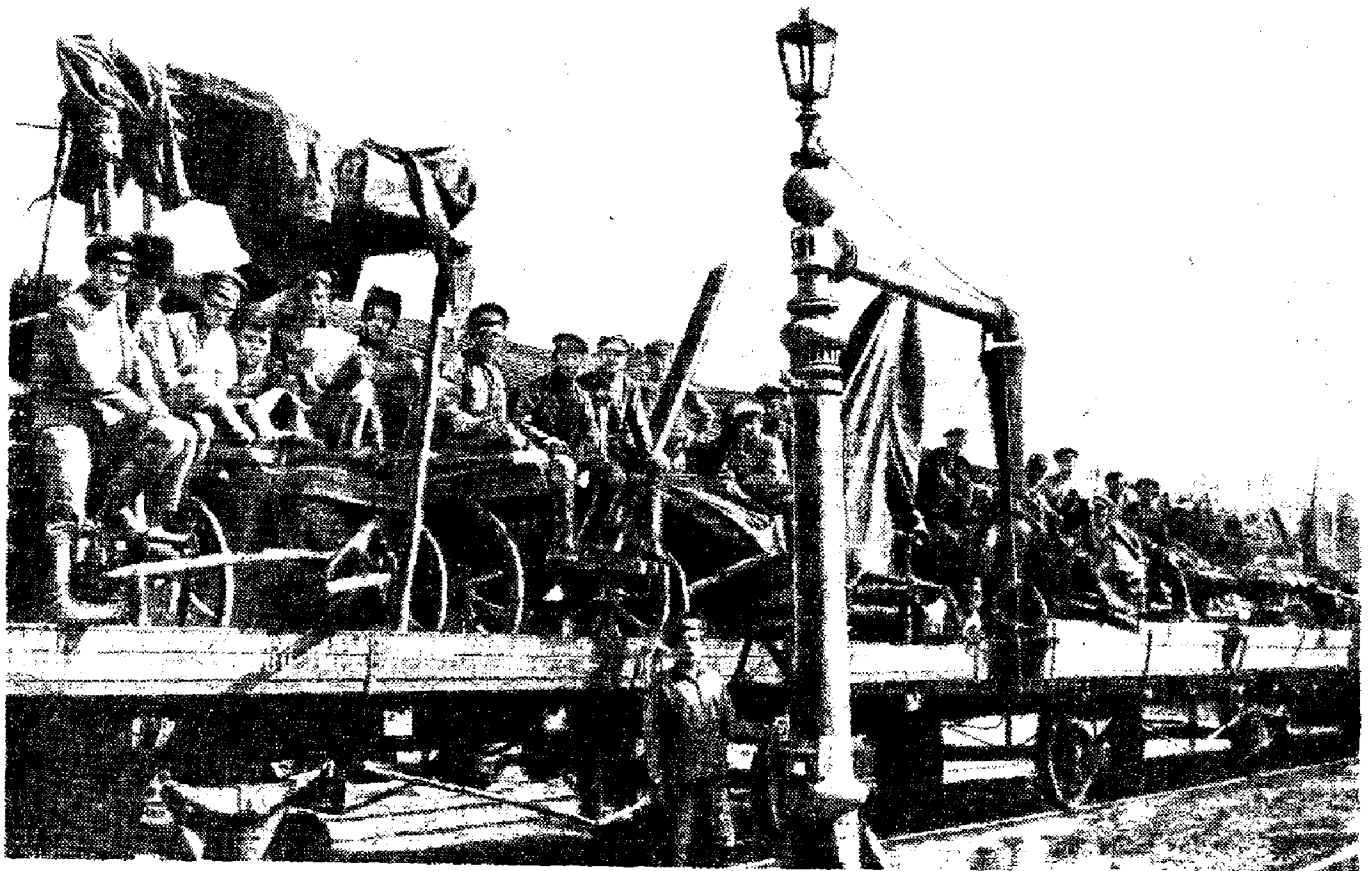
Стояли августовские жаркие дни. Это учили отступающие казаки: они завалили единственные в безводной степи глубокие железнодорожные колодцы.

Через хозяйственные части были приняты меры к очищению колодцев. Оттуда доставали двери, шпалы, части повозок и т. п.

Добрались до воды. Открыли прибудочные ледники. К ротам под'езжали бочки с холодной, точно с ледяных гор, водой.

Как утки в безводных краях, завидя идущего к корыту хозяина с ведром, спешат к нему, так бойцы, томимые жаждой, торопились к бочке с водой. Давили друг друга, толкали, спешили, пили, крякали, хватались за лбы, которые ломило от жадно выпитой студеной воды.

Чапаевцы после взятия Уфы отправляются на освобождение Уральска.

Некоторые подходили вновь, так, «про запас». Но водовоз как виночерпий зорко следил за «повторяющимися» и сурово окрикивал:

«Пошел, пошел! Какой раз подходишь!»

«А я, так, думал: лишняя», — смущенно отговаривался «уличенный»... и спешил в цель.

На исходе дня казаки начали переход в контрнаступление. Их кавалерийские колонны неслись в обхват нашего правого фланга. Одновременно казаки наступали редкими цепями с фронта.

В свою очередь наш полк также продолжал наступление, обеспечив фланг уступным расположением частей.

Охватывающая наш правый фланг кавалерия противника круто повернула на нас, принимая боевой порядок.

Удобный момент наступил. Грянули оружейные выстрелы. Неприятельские колонны, взятые «в вилку», заметались как мыши в мышеловке. Наша пехота перешла в более энергичное наступление, а кавалерия, врезавшись в начавшую отступление кавалерию противника, удачно нанесла ей поражение.

Полк двигался на юг степью, параллельно р. Уралу и западнее его, так что в непосредственных боях за овладение станицами до Пбищенска почти не участвовал.

Дивизия, продвигаясь от Уральска на юг.

с боем занимала густо населенные казачьи поселки и станицы на правом берегу р. Урала. Пали Чаган, Скворинский, Янанский, Богатынский, Бударинский поселки и станицы.

Первая бригада, прикрывая правый фланг дивизии, двигалась, почти не участвуя в боях. Противник усиленно старался отстаивать станицы лобовыми ударами и, лишь изредка маневрируя, делал «вид» охвата фланга дивизии.

Основным ядром Чапаевской дивизии были бойцы трех полков, ранее действовавших отдельными «самостоятельными» отрядами: Разинского, Пугачевского и Домашанского. Они первые приняли неравный бой с кулацкими элементами из родных сел Николаевского уезда, Самарской губернии. Затем бои с чехословаками, с уральскими казаками...

Начав поход стихийно, без оружия, без плана и согласованности между отрядами, они сначала вели борьбу каждый по-своему, пока, наконец, в порядке общей организации Красной армии к концу 1918 г. эти отряды не были преобразованы в полки и в дивизию.

Самостоятельность действий и абсолютная добровольность пребывания в отрядах выработали в высшей степени преданных ре-

волюции бойцов и отважных командиров, занявших ответственные командные должности во всей дивизии, бывших гордостью революционного крестьянства этого района.

Боевая слава дивизии распространялась на всю дивизию в целом. Но внутри дивизии все боевые заслуги приписывали себе разинцы, пугачевцы и домашане, с некоторым пренебрежением относясь к позже влившемуся в дивизию рабочему Иванововознесенскому полку.

«Земляческие» настроения в Чапаевской дивизии были так сильны, как, очевидно, нигде в других частях. Это было заметно и по тому недоверчивому, а порой и настороженно-враждебному отношению, с каким встречали назначаемых в дивизию политработников. Редко кто из вновь прибывших комиссаров располагал к себе части сразу.

«Вы, товарищи, из «центра» приехали?— с иронией говорили прибывшему.— Те порядки и та работа, которую вы думаете вести по московской инструкции, здесь неприменимы. Вы, наверное, не знаете: тут война!— кололи новичка.— Нужно прежде всего воевать!»

«Новички», однако, скоро втягивались в боевую обстановку, и через месяц уже трудно было постороннему человеку различить, кто из суетившихся у оперативного приказа или карты комиссар, а кто командир.

Пренебрежительно встреченные, иванововознесенские полки скоро своей организованностью и выдержкой добились больших успехов. Они же повели наступление и с боем вошли в Лбищенск с севера. Разинцы с другими полками первой бригады в это время без боя вступили с югозападной его стороны.

Дальше на юг, на поселки Горячинский, Мерченевский, наступала первая бригада. Казаки упорно отстаивали поселок Мерченевский.

Наступавший берегом р. Урала Разинский полк вынужден был остановить свое наступление и окопаться в 3—4 км севернее Мерченевска.

Противник, используя лес болотистого берега р. Урала, вел удачный орудийный огонь вдоль всей цепи полка с левого его фланга, нанося большие поражения как людскому, так и конскому составу полка.

Ответная стрельба наших батарей долгое время была безрезультатна. Наконец, наблюдатели заметили дерево с подозрительной темной полосой, видневшейся сквозь густоту листвы. Взяли прицел. Грянул выстрел, и

батарея противника, лишившись наблюдательного пункта, замолчала.

Полк наступал, делал перебежки. Противник продолжал занимать хорошо приспособленные окопы и, не думая отступить, растраивал наступавших разинцев. Полк настойчиво двигался вперед. Раздалось «ура», и, вмиг поднявшись, цепь с криком, сплошной стеной ринулась на противника. Казаки, не устояв, в беспорядке отступили, оставив поселок Мерченевский.

Отступая под натиском чапаевцев, казаки не думали без боя сдать станицу Сахарную, где так же, как и у Мерченевска, они заняли заранее подготовленные окопы.

Наступавшим фронтально полкам дивизии было приказано остановить наступление в 5—6 км севернее Сахарной, брать которую решено было глубоким обходом левого фланга противника. Посланная для этой цели бригада действовала медленно, потеряв связь между полками, и несколько дней не могла ее установить вновь. Части лобового наступления 4 дня бесцельно лежали в окопах, от нечего делать считали снаряды, которые противник скупно бросал по цепи. Наши батареи молчали. Бойцы сделали неправильный вывод, что у нас не было снарядов и как будто их ожидали из Уральска, и что только после этого можно было перейти в наступление.

Командиры ходили по цепям и время от времени информировали Чапаева, который сам тоже обошел цепи. Весть о том, что Чапаев ходит по цепи, облетела все части.

Чапаев расспрашивал красноармейцев об их нуждах.

«Так вы еще с тех пор, как бились с чехословаками, не были дома?—спросил Чапаев двух красноармейцев.— Как возьмем Сахарную, доложите командиру, чтоб отпустил, пока тут недалеко, побывать домой, да скажите, что я приказал!»—наставительно говорил Чапаев красноармейцам, которых он знал еще в «своем» отряде.

Радости не было конца. Обещанный двум красноармейцам отпуск был истолкован как распоряжение Чапаева дать отпуск всем, кто недалеко живет. Многие уже представляли себе встречу с родными, с детьми, с женой... Но тут загрели пушки. Мечты о доме были прерваны. Впереди был враг, которого нужно уничтожить.

Полки перешли в наступление. Противник бешено сопротивлялся, неоднократно переходя в контр наступление, поддерживаемое сильным артиллерийским огнем. Красные части, как бы навестывая пропущен-

ные четыре дня, наступали с необычайным упорством и подъемом.

Чапаевская дивизия как и многие в то время части действовала «одиноко», обыкновенно не имея по соседству других частей. Так было и на сей раз. Правый фланг дивизии был открыт со стороны астраханских степей, левый же, хотя и защищался р. Уралом, представлял широкий простор для казачьего разгрома, так как там красных частей не было. Такое положение ставило дивизию при дальнейшем ее продвижении на Гурьев под угрозу обхода противником с флангов, и наступление было временно приостановлено. Положение обсуждалось высшим командованием. В результате была создана «особая группа войск» для действий на Бухарской стороне (так называются степи на левом берегу Урала) с задачей занятия Куспы—ставки киргизской знати и очага белогвардейщины, со всех концов страны сбежавшейся туда.

«Особая группа» должна была установить связь с действующими в Туркестане войсками и создать сплошной Урало-Туркестанский фронт для согласованного продвижения к берегам Каспийского моря, на Гурьев—Красноводск.

Группа была создана из полков, выделенных из Чапаевской дивизии и из отдельно действовавших боевых частей. Командиром группы был назначен командир Разинского полка Иван Константинович Бубенец, начальником полевого штаба—инструктор для особых поручений того же полка Константинов и я—помощником начальника штаба группы.

Соорудив наскоро в районе Лбищенска мост через р. Урал, группа в августе 1919 г. переправилась на бухарскую сторону.

Штаб группы спешно размножал карты нового поля боя, отдавал приказы, готовился...

Путь наступления был дико-пустынный. Кроме небольших вначале сил противника встречались жалкие кибитки кочевников с десятком—двумя кобылиц и с сотней—другой овец. Все крупные кочевники—кулаки с десятками тысяч овец—ушли в глубь необозримой степи, так же как и богачи с табунами лошадей и верблюдов.

Оставшиеся кочевники—киргизы-бедняки—встречали нас радушно и угощали особо засушенным в плитки сыром.

Хозяйки, не зная ни одного слова по-русски как и мы по-киргизски, гостеприимно улыбаясь, преподносили нам в чашках мутнобелого цвета напиток—кобылье молоко,

которое хорошо утоляло жажду, мучившую нас при переходах в безводных степях.

Группа успешно наступала. Настроение было бодрое. Мучило только безводье. Из Лбищенска подошел первый транспорт с боевыми припасами и продовольствием, свидетельствовавший об установлении связи группы с дивизией. Готовились к сильному бою, предвестником которого было упорное сопротивление противника в последние дни. Принимая лобовые удары, противник широко использовывал необъятный простор Бухарской степи. Группами, взводами, эскадронами он появлялся то на флангах, то в тылу одиноко действовавшей группы.

До Куспы оставались считанные версты. Среди наступающих раздавались уже «заботливые» голоса о том, куда и как теперь будет бежать белогвардейщина, скопившаяся здесь из Уральска, Оренбурга, Самары, Саратова и других городов.

...Но вдруг стало не до Куспы... Над дивизией и группой повис грозный призрак полного разгрома.

В один из вечеров на западе нами было замечено необыкновенной яркости красное зарево. Было определено, что огненная полоса охватывает Сахарную—Лбищенск—район расположения частей Чапаевской дивизии. Сопоставляя яркость зарева с расстоянием, нами пройденным, нетрудно было сделать вывод, что появление зарева не случайно, а что оно вызвано какими-то чрезвычайными обстоятельствами.

Неожиданно в группу прибежали два совершенно голых человека из состава хозяйственных частей дивизии, находившихся в Лбищенске. Подавленные пережитым, они растерянно передали: «Штаб дивизии разгромлен казаками... Всех захватили в плен... Очень немногие спаслись вплавь через Урал». ...Решено было начать отход на Лбищенск и оказать содействие правобережным частям дивизии.

Преследуемые казаками, затем отставшими от нас по мере нашего удаления от Куспы, мы, не дойдя километров 7—10 до левого берега р. Урала, с другой стороны которого расположен Лбищенск, остановились с заходом солнца. Через 2—3 часа наступила непроглядная тьма.

«Едем на берег!»—обратился ко мне командир группы Бубенец.

Через минуту мы неслись с группой всадников по пустынной степи по направлению к пылавшему Лбищенску. Случайно наткнувшись на бродившего с овцами киргиза-кочевника и не добившись от него ничего тол-

Товарищи И. К. Бубенец, В. И. Чапаев и И. С. Кутяков.

ком, отослав обратно всадников, создававших излишний шум, мы вдвоем поехали дальше.

Под'ехав к лесу и пробравшись сквозь него на песчаный и открытый берег р. Урала, мы оставили лошадей в кустах и стали пристально всматриваться в крутой правый берег Урала, где расположен Лбищенск, отдельные дворы которого местами тянутся до самых обрывов берега. Там показался силуэт человеческой фигуры, затем—другой. Шли, очевидно, патрули. Чтобы нас не заметили, мы легли. Полежав и не услышав ни одного слова (река здесь все же широка), мы решили начать «переговоры». Встрепенувшиеся на наш окрик люди крикнули: «Кто такие?» «Красноармейцы, раненые при переправе через реку при нападении на Лбищенск!..» Ответ был приготовлен заранее и направлялся «в двух зайцев»: если в Лбищенске красные,—сразу начнем переговоры, если казаки,—они меньше всего обратят внимание на раненых, присутствие которых здесь вполне возможно.

Из переговоров узнали, что всего только

несколько часов назад, как в Лбищенск вошел Пугачевский полк. Узнав от красноармейцев, что Кутяков (тогда комбриг) в Лбищенске, мы, назвав себя, просили вызвать его к нам.

Через 10 минут на обрыве берега показался Кутяков и крикнул: «Это ты, Ваня?» (Бубенец). По хриплому, обыкновенно пронзительному, голосу Кутякова можно было судить, что части переживают тяжелые дни. Ответив утвердительно, Бубенец спросил: «Что случилось?» Кутяков быстро, но прерывисто отвечал: «...Штаб дивизии разгромлен... О Чапаеве ничего не узнал... Люди, бывшие при штабе, перебиты и взяты в плен... Обозы захвачены... Лазареты разгромлены... Отступаю на Уральск... Командование дивизией принял на себя... Окружен казаками со всех сторон и особенно крупными силами под поселком Горячинским (верстах в 7—10 южнее Лбищенска)... Красноармейцы дерутся отчаянно... Если в Уральск пробьюсь до занятия его казаками, то мы спасены, если не успею,—положение катастрофическое... Нет продовольствия... Недостача боевых припасов... Отступая, все

жгут (это было видно)... Прошу поддержать артиллерийским огнем через Урал...»

Дав обещание о поддержке, мы направились к своим частям.

С рассветом группа подходила к тому месту, где мы вечером вели с Кутяковым разговор. Здесь, на берегу, на песке, в воде пологого берега, в кустах, лежали сраженные казацкими пулями красноармейцы, спасавшиеся вплавь через р. Урал. Среди убитых был труп молодой девушки, в которой напрасно старались узнать сотрудницу штаба дивизии. Труп сильно раздулся и в тело крепко врезалась марля, которой было все тело убитой обмотано. Тут же были и тяжело раненные красноармейцы, которых мы подобрали.

Начав движение на Уральск, мы заметили двигавшиеся вдали на нас кавалерийские казачьи части. По тому смелому маршу, каким двигались казаки, было видно, что весть о «разгроме» Чапаевской дивизии облетела все белогвардейские войска, отдельным частям которых было, очевидно, приказано захватить «остатки». Группа приняла боевой порядок, оцепив громоздкий обоз кольцом. Завязавшийся бой длился весь день. Несколько конных казачьих атак успешно было отбито. Непокколебимая стойкость наших частей показала казакам, что разбитых чапаевцев не так легко взять, как им казалось.

При отступлении из орудий велся огонь перекатами: выдвинутые в голову группы орудия открывали огонь по наступавшему противнику, задние, снимаясь, передвигались вперед, там, под прикрытием первых, становились на позиции, открывали огонь и т. д. Все же дневное отступление стало невозможным. Было решено двигаться ночью.

Движение наше становилось все трудней и трудней. Измученные красноармейцы, питавшиеся за отсутствием хлеба одной бараниной, без сна, нечеловеческими усилиями отбивали участвовавшие дикие атаки казаков. Командиры, мрачные, молчаливые, с потрескавшимися губами, с запекшейся на них кровью, зорко следили за состоянием духа красноармейцев, своевременно принимая те или иные меры там, где в силу удачного казачьего удара нарушался боевой порядок группы. В такие моменты отважно действовала кавалерия и в особенности находившийся в группе кавалерийский дивизион донских казаков. Последние с присущей им отвагой разбивали всякую попытку противника прорвать кольцо и уязвить

самое больное место—обоз, обильный боевыми припасами (наше спасение!).

Отступление по ночам продолжалось.

Подошли к поселку Меновому, расположенному против Уральска, на левом берегу р. Урала. Здесь, очевидно, казаки решили нанести нам сокрушительный удар. Местность этой цели благоприятствовала: кустарники, болота, речки — ответвления р. Урала — и единственный мост, через который нам необходимо было переходить, чтобы затем, повернув на северозапад, двигаться на Меновое—Уральск. Осыпаемая градом пуль и картечи, осаждаемая конными атаками противника, группа остановила свое движение. Двигаться на мост было равносильно смерти. Идти в обход левого фланга противника—утомительно и опасно, с правого его фланга—невозможно: болота, речки.

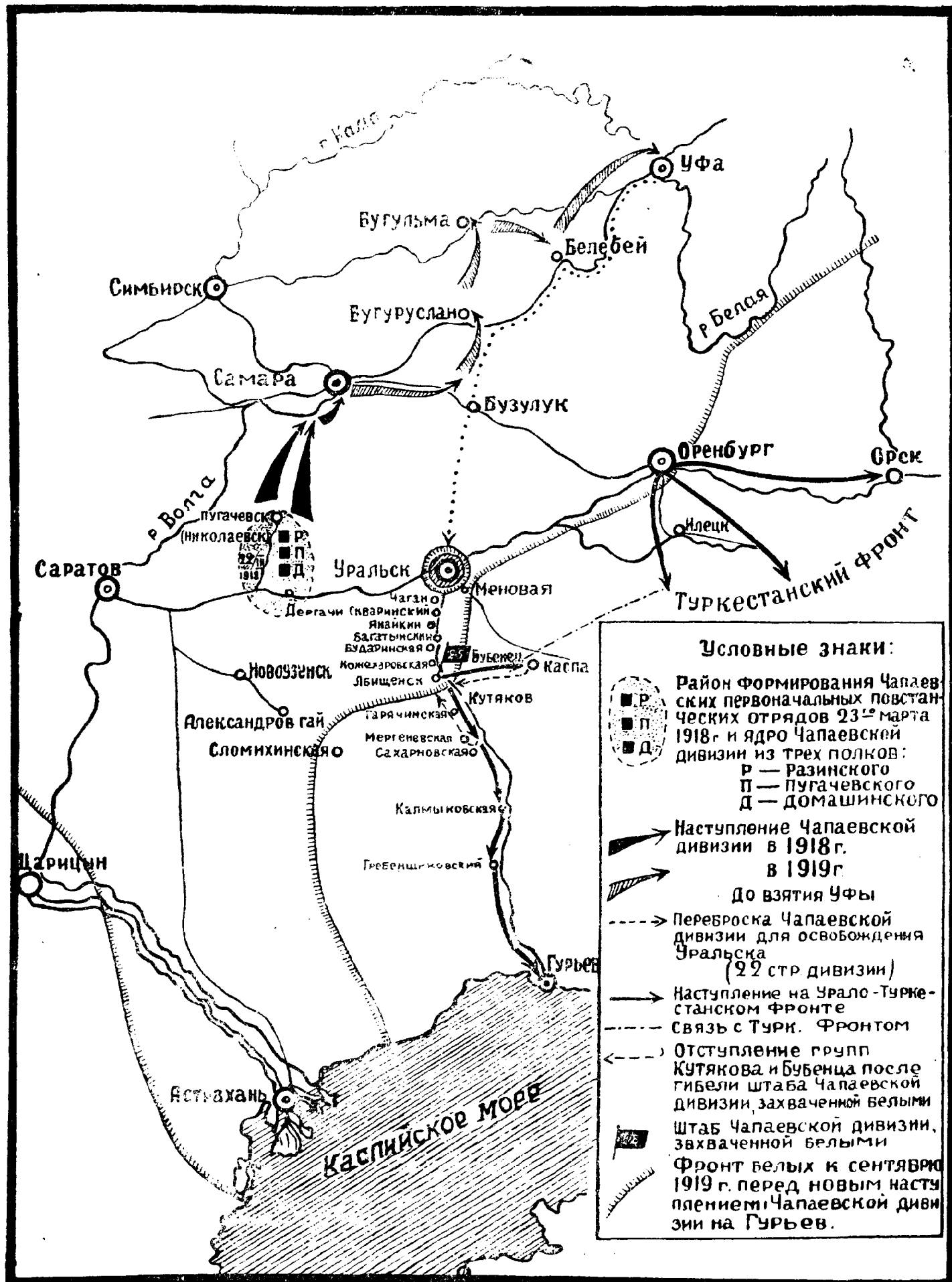
Противник буквально засыпал нас картечью. Бросаемые в сотую контратаку конные и пешие части выбивались из сил. Особенно велика заслуга нашей кавалерии. Она вынесла всю тяжесть боя, совершая порой безумные, но необходимые операции. Пробиваясь через наступающего противника, она вносила дезорганизацию во второй его линии. Не дремала и пехота: она была непоколебима в такие моменты, когда с диким гиканьем казаки врываются в наши ряды. Видавшие виды чапаевцы, оставаясь несокрушимыми, с честью выходили из, казалось бы, безвыходного положения.

Через речки и болота нашли кое-где места, через которые не только могла свободно перейти пехота, но можно было переехать с грузом по направлению к Меновому. Незаметно для противника мы переправили часть пехоты, орудий и обоз. С рассветом решили начать наступление на Меновое.

Наш ураганный артиллерийский огонь и неожиданное появление нашей пехоты навели панику на противника. Спешенные казаки металась как угорелые. Артиллерийская прислуга, бросая орудия, удирала на артиллерийских лошадях. Колонны кавалерии металась точно очумелые, ища удобного места для удара с целью парализовать успех красных. Но все было напрасно: противник отступил после нескольких неудачных контратак.

Группа расположилась вокруг Менового. Опасность миновала. Сходились командиры. Делились впечатлениями боя.

О благополучном отступлении группы узнал Уральск, и через 5—6 часов в Меновое

РАЙОН ФОРМИРОВАНИЯ И ГЕРОИЧЕСКИХ БОЕВ ЧАПАЕВСКОЙ ДИВИЗИИ.

тянулись подводы с бельем, хлебом, консервами, колбасой и прочим продовольствием.

Здесь мы узнали, что правобережные части дивизии, так же окруженные казаками со всех сторон, с честью вышли из создавшегося тяжелого положения.

Мы ничего не могли только узнать о Чапаеве. Передавали разное. Говорили, будто перевязывавший Чапаеву рану красноармеец, случайно спасшийся, передавал, как Чапаев отстреливался, или что крестьянин-подводчик рассказывал, как Чапаев мобилизовал их против нападавших казаков. Другие рассказывали (со слов «свидетелей»), как Чапаев, оставшись один, продолжал стрелять в казаков, пока его не зарубили. Однако тогда никто ничего определенного об обстоятельствах гибели Чапаева рассказать не мог: утонул ли он, бросившись раненым в реку, убит ли на воде, когда хотел переплыть Урал, бросался ли он вообще в реку?..

Никаких подробностей о гибели Чапаева не знали и в лагере противника. Это было видно из ответов офицеров, впоследствии взятых в плен. Взятый нами в плен личный адъютант командующего Урало-Оренбургским фронтом атамана Толстого подесаул Соколов, который с поразительной подробностью рассказывал о лбищенском налете, обо всех действиях нашей дивизии, об ее промахах и о сокрушительных ударах, давая определенный, ясный анализ боевых моментов, ничего не знал об обстоятельствах гибели Чапаева.

Чапаев оказался «неуловимым» даже после смерти. Не мудрено, что исчезновение Чапаева породило много толков и целые легенды о нем.

Спаянные первыми противокулацкими сельскими повстанческими боевыми днями, затем самарскими боями с чехословаками, пережившие вместе с Чапаевым много трудных дней, видевшие только победы, красноармейцы допускали даже бегство Чапаева из дивизии, но в их сознании не укладывался совершившийся факт — гибель Чапаева.

Чапаев погиб...

Не будучи революционером в прошлом, смутно разбираясь в политических событиях дня, Чапаев по-своему, внутренне сознавал, что нужно воевать только за большевиков. Он отлично понимал, что только большевики указали рабочим и крестьянам, что они сами могут и должны перестроить жизнь по-своему. Он сам, Чапаев, вчерашний бессловесный и забитый человек, сегодня не только был свободен, но организовал бое-

вые отряды, создал железную, товарищескую дисциплину, командовал дивизией и громил царских генералов. Сознание это никогда не оставляло Чапаева во время его трудной, боевой жизни. С этим сознанием, оставаясь верным революционному долгу, он на ответственном военном посту, в неравном бою, пал смертью храбрых.

Потерпев поражение под Лбищенском, дивизия не думала оставаться в долгу. Она готовилась вновь на Гурьев.

Группа «имени Бубенца» была ликвидирована. Все части вошли в свои прежние соединения, командиры были отозваны на старые места.

Разинский полк стоял за поселком Меновым, где зорко следил за противником, изредка ведя перестрелку с ним.

О сроке нового наступления казаки были, очевидно, осведомлены. Они делались активнее. У ветряной мельницы, против позиции Разинского полка, стали появляться группы людей — затрещали пулеметы. Выпущенные 10—15 снарядов сразу успокоили завозившуюся было «казару».

Казаки отступили. Разинцы заняли Алексеевку.

Так началось новое, тяжелое, но бесповоротное наступление Чапаевской дивизии на Гурьев в октябре 1919 г.

Полк наступал той же полосой, по которой группа «имени Бубенца» так еще недавно отступала на Уральск.

Один за другим занимались «аулы», эти жалкие, грязные, дымные пристанища киргизов, уже вернувшихся на свои зимовки.

Была глубокая осень. Шел дождь. Падал снег. Морозы создали гололедицу — бич степного, скотоводческого населения. На обледенелой степи, беспомощно раскорячившись, валялись овцы, коровы, молодняк...

Полк наступал, выходя на линию Лбищенска.

Стройно как на параде, гремя по мерзлой земле киргизских степей, грозно мчались наши батареи. Орудия точно чудовища, прикованные к передкам, стараясь вырваться, то опирались в кочки, то подпрыгивали и, звеня, катились вперед. Вслед рядами неслись пулеметные повозки.

Полк не вошел, а влетел через скованный молодым льдом Урал в Лбищенск — в тот самый Лбищенск, где трагически погиб Чапаев.

В Лбищенске мы не задерживались. На другой день, с рассветом, мы продолжали теснить противника дальше, на юг.

Дивизия с боем занимала станицу за станицей. Вот и Сахарная, дальше которой в августе полки не пошли ввиду разгрома штаба дивизии. Тут, где до августовского отступления стояла большая каменная церковь, теперь была пустая ровная площадь: отступавшие полки взорвали ее динамитом.

Станицы были совсем не те, какими были до лбищенского поражения. Сейчас они были пустынные. Во исполнение грозного приказа главнокомандующего урало-оренбургскими войсками атамана Толстого никто из могущих передвигаться: будь то мужчины, женщины, дети, старики — не имел права оставаться после ухода казачьих войск. Все продукты питания должны были быть вывезены, а скот — угнан. Всем бежавшим казакам было обещано «правительственное» снабжение. Оставшиеся заранее об'язались изменниками родины, веры и казачьей «вольности».

Приказ выполнялся точно. В станицах не было ни души. Все имущество было увезено.

Свирепствовал тиф. Количество больных в полках с каждым днем росло и росло, но боеспособность дивизии не снижалась. Противник, теснимый чапаевцами, отступал.

Прошли около половины 600-верстного пути, а уже свирепствовавший тиф создавал затруднения в замене командиров, пулеметчиков, батарейцев. Редели ряды красноармейцев. Лечебных пунктов не было, медикаментов — так же. Транспорта для больных было недостаточно.

С занятием Гребенчиковской приказано было наступление приостановить. Советская власть вступила в переговоры о перемирии с главнокомандующим казачьими войсками. Два наших представителя выехали к нему с особыми полномочиями.

Переговоры о мире кончились безрезультатно. Полки перешли в наступление. Неприятель, приняв, очевидно, предложение красных за оскорбление, решил на деле доказать, что его армия далека от мысли сложить оружие. Занимаемая им позиция, на которой он также выжидал результатов переговоров, усиленная боевыми средствами и частями, отчаянно защищалась. Противник был сбит чрезвычайными усилиями полков, фронтально наступавших.

Однако советское предложение о мире, точно сорвавшаяся с метко наведенного лука стрела, пронзило самое сердце врага. Рядовое казачество заколебалось, и этим было положено начало быстрому и неизлечимому разложению армии атамана.

Увидев воочию, кто именно и во имя чего

хочет войны с советами, казаки стали дезертировать. Отказ «правительства» в снабжении их семей, двигавшихся за армией во исполнение приказа того же атамана, который сейчас отменил выдачу обещанного им продовольствия, был толчком к открытому, повальному бегству казаков в обозы своих семей.

Отвергнутые «властью», семьи направлялись домой. Им уже нестрашны были большевики.

«Хуже того, до чего довел нас атаман, не будет,—проклиная Толстого, говорили они, возвращаясь через фронт десятками, сотнями подвод.—Мы лишились всего: имущества, здоровья, сил. Трупам своих детей, матерей, сестер, братьев, гибнущих от тифа, мы устлали киргизские степи. Под дождем, холодные, голодные, мы вынуждены были идти за казачьей армией. Имевшиеся кое-какие вещи за продукты, фураж мы променяли киргизам»,— так со слезами описывала положение не одна партия «беженцев», столкнувшись с нами.

В рассказах, в жалобах, в слезах, в проклятиях по адресу казачьих верхов слышалась великая трагедия обманутого трудового уральского казачества.

Вместе с гражданским населением, робко, единицами, стараясь выдать себя за больного, нестроевого, не участвовавшего в боях, а то просто от страха прятавшиеся в телегах со скарбом, возвращались казаки, только вчера бросившие винтовку и клинок.

Весть о товарищеской встрече этих казаков красными быстро разносилась по армии атамана. И теперь уже более смело потянулись вместе с семьями партия за партией бойцы атамана Толстого. Большинство их добровольно вступало в ряды красных полков.

Полки с боем шли дальше, на юг. Ряды их редели с каждым днем, с каждым часом: выбивал противник... не унимался тиф...

Люди так быстро выбывали, что не успевали пополнять команды для пулеметов и т. п.

При переходе за Сорочинской навстречу полку торопились два всадника—парламентеры с белым флагом.

«Генерал приказал доложить, что дивизия сдается в плен»,—отрапортовал один из казаков под'ехавшей группе командиров.

В доказательство того, что двигающаяся часть может подходить смело, не опасаясь обстрела, к ней был направлен с одним из прибывших казаков красноармеец.

Вскоре пара лошадей подвезла к нам ко-

ротенький шарабан с прямой высокой спинкой, обитой жестью.

В шарабане сидел высокого роста, худощавый, с орлиным носом, пассажир лет 60.

— Генерал Балалаев, начальник 2-й оренбургской казачьей кавалерийской дивизии, — отрекомендовался под'ехавший. — Простите, что сидя представляюсь: больной! — добавил он.

— На этот раз решил без боя! — со вздохом произнес генерал. — Целых 2 недели уговаривал дивизию перейти к красным. Чуть было не стал жертвой группы офицеров, возражавших против перехода, называвших меня изменником и предателем.

— Да, да! — как будто стараясь придать силу словам генерала, точно ему кто возражал, поддакивал один из под'ехавшей группы офицеров и, очевидно, спохватившись, что здесь находится еще не сложивший с себя полномочий генерал, обратился к нему: — Разрешите? — Пожалуйста! — недовольно ответил генерал.

— Капитан Цветков, начальник штаба дивизии (не то ад'ютант генерала!), — отрекомендовался вмешавшийся в разговор офицер. Повторив слова генерала, он продолжал: — Только вчера произошел окончательный «раздел» дивизии. Большая часть офицеров, забрав несколько пулеметов, с группой казаков, двинулась в направлении Александровского форта (на восточном берегу Каспийского моря). С ними ушла только небольшая кучка казаков. Остальных генерал убедил сдать красным, буквально заявив: «Я, старый генерал, не ожидая от большеви-

ков пощады, пришел к убеждению, что сопротивление напрасно. Поплачусь головой я, а вас никто не тронет», — закончил капитан.

В то время, когда выслушивалась краткая информация капитана, рядом шло разоружение дивизии, вернее, жалких ее остатков. В повозки сваливались винтовки, пулеметы, боевые припасы.

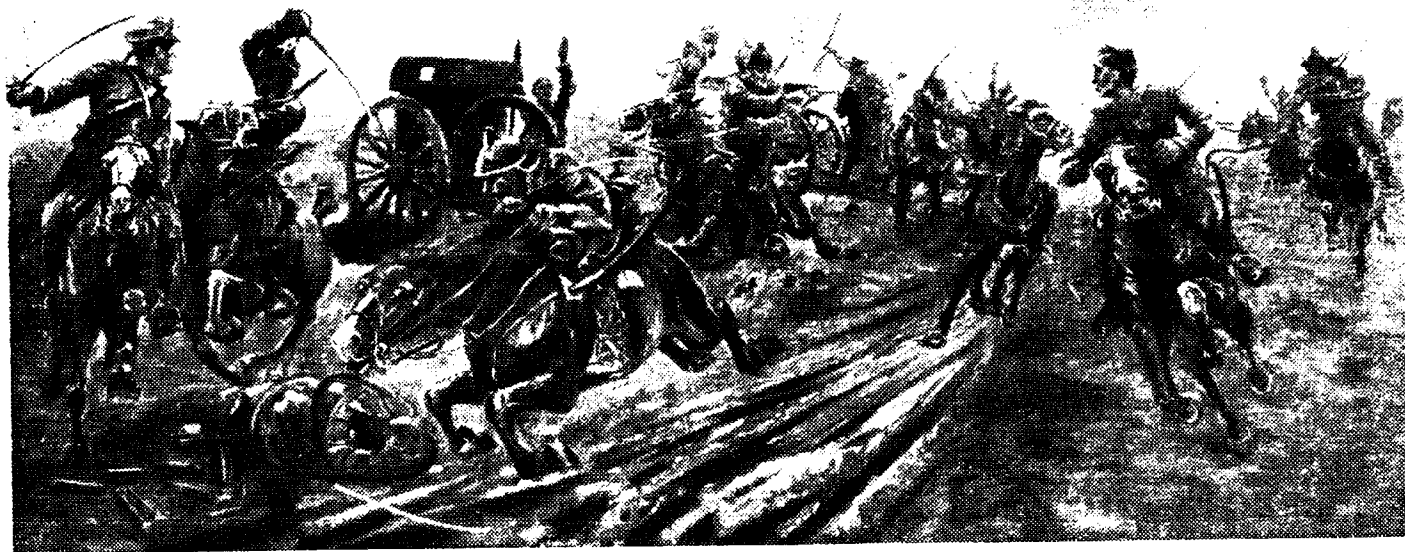
Полк, сопровождая пленных, вернулся в поселок Сорочинский. Кроме генерала все пленные офицеры были оставлены при части. В Гурьев они вступили уже на командных должностях Красной армии. Генерал Балалаев был направлен в тыл.

Противник, не сопротивляясь, уже отошел в Гурьев. Оставалось пройти один — два поселка — и мы у цели.

Готовились к сражению за Гурьев, где должна была произойти кровопролитная битва.

Случилось иное. Атаман доживал последние дни. Оставшиеся еще в его рядах казаки открыто заявили, что дальше они отступать не будут и что воевать не желают. Их поддержала беднейшая часть населения — рыбаки Гурьева. Начались ужасные репрессии. Тюрьмы были переполнены. Полевой суд работал 24 часа в сутки. Расстрелы носили массовый характер. Не щадили никого. Наряду с казаками-повстанцами, рабочими-рыбаками предавали мучительным пыткам всех, кого подозревали в сочувствии большевикам.

Генеральский террор не устранил измученный народ, и он, восстав, водрузил над городом красное знамя.

Чапаевцы в тылу у Колчака.

С карт. Ипполитова.

ИЗ БОЕВОЙ БИОГРАФИИ

ЧАПАЕВА (ДОКУМЕНТЫ)

От редакции

Публикуемые здесь несколько документов из боевой биографии В. И. Ча п а е в а отобраны для помещения в журнале «Борьба классов» Центральным архивом Красной армии, располагающим обширными архивными материалами, без которых не обойдутся исследователи, желающие заняться историей Чапаевской дивизии и ее боевого командира.

Настоящие документы представляют боевые донесения Чапаева осенью 1918 г., когда он командовал 22-й Николаевской дивизией. Николаевск—впоследствии Пугачевск—уездный город, по имени которого был назван один из полков, созданных Чапаевым. Этот полк сначала входил в Николаевскую, а потом в 25-ю дивизию, получившую после гибели Чапаева его имя.

Донесения Чапаева охватывают период до отъезда Чапаева в Москву в Академию генерального штаба, из которой он вернулся на Восточный фронт в начале 1919 г.

Два последних документа относятся к весне 1919 г. и отмечают боевые заслуги Чапаева перед его последним знаменитым походом на Уральск и на Лбищенск, закончившимся его трагической гибелью в реке Урал.

Подробности событий, о которых упоминают публикуемые документы, см. в очерке А. Панкратовой «Ча п а е в», публикуемом в настоящем номере.

● ТЕЛЕФОНОГРАММА

Вне всякой очереди. В штаб 4-й Армии
Командарму 4

1918 г. 16-го дня октября м-ца 10 час.
5 мин. № 6 от Н и к о л а е в с к о й дивизии
Место отправления: поселок Такмаки
Карта 10 верст в дюйме.

Доношу, что бой идет без остановки четверо суток. Противник набросился на наш

кавалерийский полк количеством до 2000 кавалерии и одним батальоном пехоты. Наш кавалерийский полк не выдержал, бросился в паническое бегство, причем оставили противнику два орудия, весь обоз и два пулемета. Потери громадные; много убито и ранено. На поддержку кавалерийскому полку я выступил с учебной командой. Кавалерийский полк был остановлен, спешен и снова перешли в контратаку. Противник был выбит из занятых позиций, но снаряды и обоз были увезены противником. Балашевский полк неоднократно переходил в атаку, последний раз был сбит с позиции, где противник забрал две роты в плен и 2 пулемета. Положение восстановлено. В Пензенском полку много убитых и раненых. Жду поддержки, положение критическое. Противник силами превышает 5 раз, необходим бронированный автомобиль.

Начдив ЧАПАЕВ
Начальник оперчасти ЧЕКОВ,
Политком СТАУВЕР

В штаб 4-й Армии
Командарму 4

1918 г. 17-го дня октября месяца 4 час.
20 мин.

№ 7 от Н и к о л а е в с к о й дивизии
Место отправления: Верхне-Покровка.

Карта 10 верст в дюйме.

Доношу, что после пятидневного боя, окруженные в кольце, не получали никаких продуктов. Противника силы громадные. 16 октября на моем участке участвовало в бою против моего отряда около 10 полков. На кавалерийский полк в встречном бою обрушились два полка кавалерии, один батальон пехоты с помощью 4-х орудий с северной стороны по направлению с Дмитриевского хутора на Канаевский. В кавалерийском полку под орудием лошадей подбила неприятельская батарея, причем наши два орудия достались в добычу противника. В кавалерийском полку изрублено 30 человек казаками.

С юговосточной стороны численностью до 2-х полков накинудились на Балашевский полк, которые не узнали, думали, что свои. Казаки воспользовались случаем, врезались в ряды пехоты, где изрублено пехотинцев до 200 человек (в том числе убит помощник командира полка, который убил сам десятерых и от удара пикой был убит сам). Положение было ужасное. Пензенский полк свое-

ПРИКАЗ

по 4-й армии Восточного фронта.

№ 31

16 Сентября 1918 года.

А Р М И Я

41

ВО СТОРОННОМУ ОТДЕЛУ.

Ввиду того, что приказом Главнокомандующего Восточным фронтом № 14 от 11 сентября 1918 года...

Ввиду того, что приказом Главнокомандующего Восточным фронтом № 14 от 11 сентября 1918 года... Ввиду того, что приказом Главнокомандующего Восточным фронтом № 14 от 11 сентября 1918 года...

Ввиду того, что приказом Главнокомандующего Восточным фронтом № 14 от 11 сентября 1918 года... Ввиду того, что приказом Главнокомандующего Восточным фронтом № 14 от 11 сентября 1918 года...

Ввиду того, что приказом Главнокомандующего Восточным фронтом № 14 от 11 сентября 1918 года...

Ввиду того, что приказом Главнокомандующего Восточным фронтом № 14 от 11 сентября 1918 года...

Приказ комфронтом, отмечающий героическую борьбу чапаевцев.

временно помощи дать не мог. На него наступало с восточной стороны два полка кавалерии и полк пехоты. Лишь была оказана помощь Балашевскому и кавалерийскому полку от Штаба дивизии Учебной командой и одной резервной ротой, чем было положение восстановлено. После боя был послан отряд за хлебом. Около Кучунбетова у устья реки Камелика и Таловой был наш

Дески казачьего фронта отличаются товарищеской дисциплинированностью... Дески казачьего фронта отличаются товарищеской дисциплинированностью... Дески казачьего фронта отличаются товарищеской дисциплинированностью...

Содержание приказа...

Телеграмма Совнаркому о подвигах Чапаева и Николаевских полков.

отряд окружен полком казаков со стороны села Перелюба, куда был послан Балашовский полк на выручку, где и остановился. Один Пензенский полк оставить в Таловой было рискованно, которому я приказал отступить в село Харитоновку, которое стоит на реке Камелике, что в двух верстах от Кучунбетова. Противник наступает дальше. Решили все умереть, но не отступать.

Начдив ЧАПАЕВ

Начальник оперчасти П. ЧЕКОВ

ТЕЛЕГРАММА

Наркомвоенмору где бы не находился

из штаба Николаевской дивизии.

Замедлена повреждением и занятием линии

1918 года 18 октября от начальника Николаевской дивизии тов. Чапаева Верхняя Покровка

Довожу до Вашего сведения поклялся быть вечно революционным солдатом, итти на помощь свободной революционной России, но вижу небольшой недостаток в войсках революционного духа и воспитания в солдатах, для чего прошу вашего разрешения мобилизовать мне один полк досрочного призыва 19 года, дать разрешение на три месяца обучать его, который будет находиться в резерве вверенной мне дивизии, который будет ежедневно обучаться и одновременно дивизия будет чувствовать, что у нас за спиной есть поддержка, которая может послужить примерным и рядовым авангардом в будущности для защиты Российской Федеративной Социалистической Республики, что уже и доказано примером, вам знакомым. Моя учебная команда в числе 48 человек выбила казаков 500 человек, простых солдат было 300 человек, не могли выбить. Я ручаюсь в будущности с воспитанным мною молодым одним полком я смело пойду на дивизию на что требуется обучение военного искусства и революционного воспитания с которым может быть и придется итти воевать нам же кровожадную Англию.

Начдив ЧАПАЕВ

Политком БАКАЛОВ

ПРИКАЗ

ПО НИКОЛАЕВСКОЙ ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ

11-го ноября 1918 года Действующая Армия

По строевой части:

§ 1

Товарищи красноармейцы

Уже более года Вы бьетесь с бандами буржуазии, более года льется кровь за святое дело освобождения всех угнетенных и трудящихся от ига капиталистов, от власти кровожадных хищников.

И вот уже близка ваша победа, один за другим падают оплоты буржуазии, все больше и больше ее редуют ряды, тогда, как наши наоборот растут, ибо в каждом освобожденном городе и селе к нам примыкают новые бойцы.

Товарищи, перед вами один из предпоследних оплотов контрреволюции—Уральск.

Он падет в ближайшие дни, ибо вы хотите этого, ибо вы храбры и настойчивы. Но, товарищи, вы должны проявить величайшую сдержанность и благородство при вступлении в город, как честные бойцы за святое дело освобождения родных братьев—трудовых казаков, рабочих и крестьян. Вы должны поддержать образцовый порядок и быть примером для других. Помните—Вы бойцы славной отныне железной Николаевской дивизии, начавшей одной из первых бить банды контр-революционеров и всегда отличавшейся на полях сражения.

При вступлении в город не должно быть никаких насилий, никаких грабежей и никакого хулиганства с нашей стороны.

Пусть знает буржуазия, что солдаты Красной Армии не дают пощады лишь только кулакам, золотопогонникам и прочим мерзавцам, гнавшим к виселице и расстрелам трудовое казачество драться с нами, но бедняки и обездоленные наши братья, им не может быть чинимо никаких насилий и тоже грубостей.

Повторяю, порядок в городе должен быть образцовый. Вы должны оправдать данное мною дивизии новое наименование и на деле доказать, что вы действительно солдаты железной дивизии, крепко спаянные товарищеской дисциплиной друг с другом и не допустите никаких безобразий и грубостей по отношению к населению, как истинные защитники угнетенных.

Только при этом условии, только при та-

Handwritten notes and signatures in Russian, including names like Александр-Гайский, Чкалов, and others. The text is dense and difficult to read due to cursive handwriting.

Телеграмма командарма М. Фрунзе о назначении Чапаева начальником Александро-Гайской группы.

Handwritten notes and signatures in Russian, including names like Фрунзе, Чапаев, and others. The text is dense and difficult to read due to cursive handwriting.

Приказ Чапаева о немедленном выступлении.

Уральская
Красная Армия
СРЕДЬДАТЕЛЬ
КАЗАНСКИЕ КОММУНИСТЫ

Уральская
Красная Армия
СРЕДЬДАТЕЛЬ
КАЗАНСКИЕ КОММУНИСТЫ

Уральская
Красная Армия
СРЕДЬДАТЕЛЬ
КАЗАНСКИЕ КОММУНИСТЫ

Уральская
Красная Армия
СРЕДЬДАТЕЛЬ
КАЗАНСКИЕ КОММУНИСТЫ

Уральская
Красная Армия
СРЕДЬДАТЕЛЬ
КАЗАНСКИЕ КОММУНИСТЫ

Уральская
Красная Армия
СРЕДЬДАТЕЛЬ
КАЗАНСКИЕ КОММУНИСТЫ

Уральская
Красная Армия
СРЕДЬДАТЕЛЬ
КАЗАНСКИЕ КОММУНИСТЫ

Уральская
Красная Армия
СРЕДЬДАТЕЛЬ
КАЗАНСКИЕ КОММУНИСТЫ

Уральская
Красная Армия
СРЕДЬДАТЕЛЬ
КАЗАНСКИЕ КОММУНИСТЫ

Уральская
Красная Армия
СРЕДЬДАТЕЛЬ
КАЗАНСКИЕ КОММУНИСТЫ

Уральская
Красная Армия
СРЕДЬДАТЕЛЬ
КАЗАНСКИЕ КОММУНИСТЫ

«Прошу передать уральским товарищам мой горячий привет героям пятидесятидневной обороны осажденного Уральска просьбу не падать духом продержаться еще немного пещель геройское дело защиты Уральска увенчается успехом. Предовооронны Ленин» (телеграмма Ленина командюжгруппы Фрунзе и члену Реввоенсовета Элиаве).

ком поведении Вам будет поручена охрана города и восстановление порядка в нем.

Надеюсь, товарищи, что вы оправдаете мое доверие. И так—смело вперед, в Уральск! Вам нет преграды.

Подлинный подписали: Нач. дивизии
ЧАПАЕВ.

Политком дивизии СТАУВЕР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

12 ноября 1918 года. Действующая армия. Мы, представители эскадронов, рот и команд 2-го Кавалерийского имени Гарибальди полка, собравшись сего числа обсуждали вопрос об отъезде от нас Начальника Дивизии тов. Чапаева и постановили: приветствовать его, как одного из передовых борцов рабоче-крестьянской Красной армии, как успешного организатора деревенской бедноты. Не считаясь с тем, что в нашем забитом степном уголке царил полудикая темнота, он успешно сумел создать боеспособные полки, которые держали натиск чехо-словаков с одной стороны и казако-белогвардейцев с другой. Геройски третий раз подходим к Уральску; выгонял из Николаевска и из

всего Николаевского уезда несколько раз контр-революционные банды, что послужило великой поддержкой всей рабоче-крестьянской революции. А почему и приветствуем дорогого вождя тов. Чапаева за его храбрость, доблесть и отвагу, выражаем доверие и поддержку. Вместе с тем просим рабоче-крестьянскую власть в дальнейшем тов. Чапаева иметь в виду, как одного из передовых бойцов Красной армии.

Да здравствует Рабоче-крестьянская революция всего мира. Да здравствует социализм. Да здравствует Красная армия. Да здравствуют наши вожди.

Подлинное подписали (12 подписей).

ПРИКАЗ

№ 073

По 25 Стрелковой Дивизии.

Дмитриевское (Русский Кандыз).

10 мая—19 г.

Карта 10 верст в дюйме.

§ 1

Командюжгруппы тов. Фрунзе, прибыв лично 10 мая в район боевых действий 25 Дивизии, с чувством гордости отметил высоко-доблестное поведение всех войск 25 Дивизии, полки которой вновь нанесли страшное поражение врагу, целиком разгромив всю Ижевскую бригаду противника и пленив свыше 1500 человек. Поздравляя войска Дивизии с победой, Командующий благодарит именем рабоче-крестьянской России всех товарищей красноармейцев, всех командиров и комиссаров.

На полях Бугуруслана, Кандыза и Бугульмы ныне решается участь Колчака, а с ним и всей контр-революции.

Еще одно небольшое усилие полков 25 Дивизии — и враг будет окончательно сломлен.

Вперед товарищи! Вся Россия и трудящиеся всех стран смотрят на Вас: избавления от гнета буржуазии ждут от вас трудящиеся.

Начдив ЧАПАЕВ.

Военполиткомдив (подпись).

Секретно

ПРИКАЗ
РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО СОВЕТА
РЕСПУБЛИКИ
ПО ЛИЧНОМУ СОСТАВУ АРМИИ

Москва, 14 июля 1919 года.

№ 137.

Награждается орденом «Красного знамени» начальник 25-й стрелковой дивизии тов. Василий Иванович Чапаев за нижеследующие отличия:

Сорганизовав, по революционному почину, отряд, в течение мая, июня, июля, августа и сентября 1918 года упорно оборонял Саратовско-Николаевский район сначала от нападения Уральских казаков, а потом и чехословаков, 6 и 7 октября 1918 года, руководя отрядом (Николаевской дивизией) на подступах к Самаре, занятой чехо-словаками, одним из первых переправился через реку Самарку, воодушевляя тем свои и соседние части, что способствовало быстрой переправе частей и занятию Самары. Всегда предводительствуя своими частями, он храбро и самоотверженно сражался в передовых цепях, неоднократно был ранен и контужен, но всегда оставался в строю. Благодаря его уме-

лым маневрам, Александро-Гайской бригадой были разбиты казачьи банды генерала Толстого, что дало возможность нам овладеть Уральской областью. Назначенный начальником 25-й стрелковой дивизии в дни катастрофического положения Самары, когда противник отстоял от нее в двух переходах, он с дивизией был выдвинут в центр наступающих сил противника под Бугуруслан. Настойчивыми стремительными ударами и искусными маневрами он остановил наступление противника и в течение полутора месяца овладел городами Бугурусланом, Белебеем и Уфой, чем и спас Среднее Поволжье и возвратил Уфимско-Самарский хлебный район. В боях под Уфой (8 июня с. г.) при форсировании р. Белой, лично руководил операцией и был ранен в голову, но, несмотря на это, не оставил строя и провел операцию, закончившуюся занятием гор. Уфы.

За Председателя Революционного Военного Совета Республики Э. СКЛЯНСКИЙ.

Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики С. КАМЕНЕВ.

Член Революционного Военного Совета Республики С. ГУСЕВ.

РАЗГРОМ КУЛАЦКОГО МЯТЕЖА САПОЖКОВА

1

Заволжье было до революции крупным районом торгового земледелия и скотоводства, районом резкой классовой дифференциации. В Заволжье было крепкое кулачество и значительное число помещичьих имений. Немалое экономическое значение в Заволжье имели Николаевский (Пугачевский) и Новоузенский уезды, занимавшие огромную площадь, свыше 6 млн. десятин.

Хлебные запасы Заволжья имели первостепенное значение в продовольственном балансе Советской республики, отрезанной во время гражданской войны от производящих хлеб районов Украины и Северного Кавказа. Борьба за хлеб была борьбой за победу революции.

Естественно, что контрреволюционное кулачество ожесточенно сопротивлялось государственной монополии на хлеб, борясь против диктатуры пролетариата, против социализма. Кулачеству противостояли руководимые пролетариатом и его партией беднота, батрачество и значительные слои середняков, понявших в годы гражданской войны существо кулацких чаяний. Трудность борьбы в Новоузенском и Николаевском уездах состояла в том, что в этих районах не было местного промышленного пролетариата. Кроме того район этот был сравнительно отдален от индустриальных центров (от Алчая, Новоузенска, Николаевска до Саратова или Самары — около 200 — 300 верст). Большинство сел и деревень находилось далеко от железнодорожных станций.

Беднота, батрачество и середняки Заволжья выдвинули ряд славных крестьянских революционеров: Чапаева, доблестную

когорту чапаевцев, Топоркова, Кутякова и других.

Кулаки выдвинули своих «героев», руководивших бандитизмом, бушевавшим в Заволжье до 1922 г.

Одним из таких «героев» был Сапожков.

Мятеж Сапожкова, возникший летом 1920 г., охватил значительный район (Самарскую, Уральскую и частично Саратовскую губернии). Район этот был важен и в продовольственном и в чисто военном, стратегическом отношении, и этот мятеж давал возможность связать в антисоветской борьбе сильное и многочисленное кулачество Пугачевского и Новоузенского уездов с контрреволюционными, кулацкими элементами уральского казачества. Сапожков, прочно опираясь на кулачество, пытался использовать и колебания средних и зажиточных групп крестьянства Заволжья.

Сапожков искал сближения с контрреволюционными меньшевиками, эсерами и анархистами, чтобы через них распространить свое влияние на крестьянство других губерний, а также на известные слои мелкой буржуазии и на отсталых рабочих.

Сапожков был сыном зажиточного самарского крестьянина. Во время империалистической войны Сапожков дослужился до чина подпоручика. На фронте примкнул к эсерам. По возвращении с фронта Сапожков возглавил в Новоузенском уезде организацию левых эсеров и принял участие в Октябрьской революции в Новоузенском уезде. Вместе с тов. Д. Рубак Сапожков участвовал в формировании отрядов Красной гвардии из большевистски настроенных фронтовиков (батраков и бедняков) Новоузенского уезда.

Руководя партизанскими отрядами в борьбе с уральским казачеством, Сапожков приобрел авторитет и влияние. В 1918 г. он был избран председателем Новоузенского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. В октябре 1918 г. он даже подавал заявление о вступлении в коммунистическую партию.

Но Сапожков никогда, конечно, не был революционером, а тем более, большевиком. Уже в период 1918—1919 гг. Сапожков явно колебался, поддаваясь влиянию кулацких, местнических настроений. Так, он активно поддерживал требования об организации «самостоятельной» Заволжской губернии, не зависимой от Самары и Саратова, отказался от выступления на помощь городу Николаеву (Пугачевску) в борьбе с

уральским казачеством и, наконец, проявил пассивность во время восстания 22-й дивизии в конце 1918 г., когда были убиты члены РВС 4-й армии: Линдов, Майоров, Кузнецов и другие.

После подавления мятежа 22-й дивизии начальник ее Дементьев был снят и вместо него назначен в феврале 1919 г. начдивом Сапожков. Перед дивизией тов. Фрунзе поставил задачу успешной борьбы с кулачеством, гарантируя, в случае удачного исхода действий против уральских казаков, полную амнистию восставшим. Сапожков учел, что обстановка была крайне неблагоприятна для мятежа, так как подавляющее большинство середняков и бедняков было против казаков и кулачества, за советскую власть. Рядовые бойцы, которым разъяснили их ошибки, раскаивались и хотели загладить борьбой за советы свою вину. В это время Сапожков участвовал в наступлении на Уральск, во взятии его и защите от казаков.

Затем Сапожков был начдивом на Южном фронте, но «за неумелое командование на фронте и за разлагающую политику, которая выражалась в мародерстве, избиении красноармейцев, насилиях, он был убран с фронта и послан в тыл для формирования частей из собранных дезертиров»¹.

Приехав в 1920 г. с фронта, Сапожков сразу потребовал от партийных и советских организаций Новоузенска прекращения продразверстки и введения свободной торговли.

Его убедили отказаться от этих требований. Однако, «отказавшись», Сапожков вместе с тем зондировал почву среди актива новоузенских партийных и советских работников на случай возможного мятежа.

Примерно с марта 1920 г. сапожковская дивизия стояла в Пугачевском уезде, где кулачество и его агенты—эсеры—вели при прямом попустительстве Сапожкова бешеную агитацию за свободную торговлю, за советы без коммунистов и против райпродкомов.

После двухмесячного пребывания в Пугачевском уезде Сапожков получил задание—сформировать из дезертиров Самарской губернии (Новоузенского, Пугачевского, Бузулукского и Самарского уездов) 2-ю кавалерийскую туркестанскую дивизию.

На руководящие должности в новой дивизии были Сапожковым «выдвинуты» Се-

ров, Далматов, Усов, Карякин и другие командиры вышеупомянутой 22-й дивизии, а также командиры из других частей, с которыми Сапожков был когда-либо связан: Будыгин, Карпец, Землянский, Воробьев, Клоков, братья Масляковы, Макарихин, Чернов, Гертье и ряд других. Сапожковым был также вызван и назначен комбригом 2-й туркестанской дивизии уволенный из 25-й дивизии Зубарев.

Подбор Сапожковым комсостава из анархо-эсеровски настроенных элементов, его стремление формировать дивизию не только из дезертиров Самарской губернии, но и из казаков Уральской области, курс Сапожкова на удаление из дивизии коммунистов-политработников — все это является доказательством того, что Сапожков не отказался от требований, выдвинутых им по возвращении с Южного фронта, а лишь выжидал благоприятного момента для восстания против советской власти.

2

Непосредственным поводом к восстанию послужило снятие Сапожкова с поста командива. Еще в мае — июне 1920 г. командование Заволжского военного округа обратило серьезное внимание на антисоветскую агитацию, которая велась в частях Сапожкова. В конце июня Сапожков был вызван в Самару, в штаб Заволжского военного округа (ЗВО), где ему было сделано соответствующее предупреждение.

Но Сапожков не прекратил антисоветской работы, усиленно готовя своих сподвижников к мятежу. Комвойск Заволжского военного округа тов. Аксентьевский в начале июля 1920 г. снял Сапожкова с поста комдива и назначил на его место тов. Стасова, а военкомом дивизии — тов. Перфильева.

Сапожков не подчинился приказу. 9 июля в Бузулуке, на квартире коменданта штаба Карпец, Сапожков собрал совещание в составе Усова (комполка), Будыкина, состоявшего для поручений при Сапожкове, помкомбатареи Радькова, начхоза дивизии Макарихина и комбрига Зубарева. На совещании Сапожков сообщил об отзыве его с должности начдива, утверждая, что из Самары организовали поход против старых работников дивизии, и предложил протестовать против этого вооруженной силой, уверяя, что солдаты пойдут за ним и что среди комсостава он имеет преданных

¹ «Известия Саратовского Совета Рабочих и Солдатских депутатов» за 1920 г., стр. 29.

ему людей. Присутствовавшие на совещании присоединились к Сапожкову.

13 июля 1920 г., якобы для прощания с Сапожковым ввиду его отъезда в Каменное Сарма, снова собрался комсостав. Сапожков опять указывал на несправедливость удаления его из начдивов, восстанавливал собравшихся против высшего командования и призывал высказаться в специальной резолюции за восстание.

Собравшиеся выражали возмущение советской властью, утверждая, что все разорено, а в учреждениях засели золотопогонники¹, и на собрании была принята следующая резолюция: «Видя неправильную политику центра, в которой ясно видно преднамеренное проявление идеи белогвардейщины, постановили немедленно вооруженным восстанием заявить протест и потребовать изменения политики, которая действительно велась бы в интересах бедного населения республики. Немедленно убрать всех спецов, вредных для трудящихся, отпустить всех политических заключенных, за исключением белых². Требуем правильного распределения предметов, необходимых населению»³.

Мятеж во 2-й Туркестанской дивизии, предназначенной к отправке на Польский фронт, был предательским ударом против Красной армии. Сапожков обманывал рядовых бойцов. Выступив из Погромного на Бузулук, он распустил слух, что выступит на фронт и что части, не желающие идти воевать, будут разоружены.

Сапожков «реорганизовал» дивизию в настоящую банду. Товарищи Стасов и Перфильев, все командиры, все коммунисты, не пожелавшие присоединиться к Сапожкову, были арестованы (товарищам Стасову и Перфильеву удалось бежать). Политотдел и особый отдел были упразднены. Зато Сапожков сформировал из деклассированных элементов лично преданную ему черную сотню.

Свою банду, к этому времени насчитывавшую до 1000—1200 чел. кавалерии и пехоты, Сапожков назвал «1-й армией правды». Управлялась банда командующим войсками Сапожковым и помогавшим ему «революционным советом» в составе председателя Ма-

¹ «Архив Красной армии» (АКА) ЗВО, штаб Уральского укрепрайона, оперотдел, 1920 г., дело № 230—703, стр. 33—35, из показания А. Зубарева.

² «Белыми» Сапожков считал только монархистов и требовал освобождения меньшевиков и эсеров.

³ Самарский облархив, фонд комвойск ЗВО. 1920 г. Д. № 3, стр. 308.

слякова, членов Дворецкого и Осипова. Помощниками Сапожкова были Далматов, Карякин, комбригами были Серов и Зубарев.

13 июля 1920 г. Сапожковым был поднят мятеж, а к 15 июля им уже были заняты Бузулук и его район: станция Погромная, Лес, Елшанка, слобода Колтубанка.

Поднимая мятеж, Сапожков рассчитывал на поддержку его крестьянством Самарской и Саратовской губерний и казаками Уральской области.

Достаточной базой для создания «общероссийского фронта» он считал ненависть кулачества к советской власти и колебания известных слоев середняков, недовольных продрозверсткой.

Чтобы не оттолкнуть середняцкие массы, Сапожков на словах отгораживался от «белых», на практике блокируясь с ними и осуществляя их дело.

Учитывая симпатии и преданность советскому строю широких бедняцко-средняцких масс, он обрушивался в своих воззваниях и речах на... урядников, «генералов с партийным билетом», лжекоммунистов, буржуазных специалистов, а казнил настоящих коммунистов, рабочих и крестьян, продармейцев, красноармейцев, командиров и политработников.

Основой сапожковской программы была борьба с продрозверсткой, за свободную торговлю. Но Сапожков сам немедленно начал отбирать у крестьян, в первую очередь у бедняков и середняков, лучших лошадей, рогатый скот, хлеб и другие продукты.

Для переброски своего громадного обоза и пехоты, насчитывавшей в отдельные моменты 1000—1200 чел., Сапожков мобилизовал в страдную пору (июль — сентябрь) тысячи крестьянских подвод, отрывая от работы и людей и лошадей. Это особенно возмущало крестьян, так как год был неурожайный.

В тех селах, где отказывались исполнять его требования на подводы, продовольствие или мобилизацию людей, он осуществлял массовые карательные мероприятия: полное ограбление и сожжение целых сел и деревень, порку и массовое изнасилование женщин.

Захватывая какое-либо село, он в первую очередь собирал «пострадавших» от советской власти, т. е. кулаков, и предлагал им забирать обратно свое имущество. У середняков и батрачества сапожковцы забирали скот или инвентарь, конфискованный у кулаков советской властью. Кроме того

Сапожков разрешал «пострадавшим» забирать из государственных амбаров отобраный у них продкомами хлеб.

Кулачество было прочной опорой сапожковщины.

Обманутые Сапожковым, сначала поверившие ему, крестьяне-середняки и даже часть бедняков начали отходить от Сапожкова, который сам разоблачал свое кулацкое существо. Середняцкие и бедняцкие массы особенно ясно поняли характер сапожковщины, после того как Сапожков обратился с воззванием к уральским казакам, зверства которых в 1905—1917 гг. хорошо помнили крестьяне Заволжья.

Банда Сапожкова, состоявшая из отдельных крестьянских частей бывшей 22-й стрелковой дивизии, бывших дезертиров 22-й и 25-й дивизий и 49-го полка, сформированного из уральских казаков, была по своему социальному составу неоднородна.

Поэтому Сапожков скрывал от рядовых своих соратников, в которых он не был уверен, свои замыслы и планы, советуясь лишь с комсоставом на особых закрытых совещаниях.

Обманутые середняки и бедняки (некоторые из них — бывшие кутяковцы, чапаевцы, плясунковцы) начали уходить из «1-й армии правды», переходя на сторону Красной армии.

«1-я армия правды» пополнялась дезертирами, кулацкими зелеными бандами (например к ней присоединилась банда Киреева).

Сапожковщина стала в Заволжье знаменем контрреволюции. По образцу «1-й армии правды» дезертирами стан. Россыпной, Сорочинской и других была организована недолго просуществовавшая «2-я армия правды».

Красная армия, укрепленная проверенными коммунистами, опираясь на поддержку местного трудящегося населения, наносила «1-й армии правды» одно поражение за другим.

Чтобы поддержать дух своей банды, Сапожков и его сторонники распространяли слухи о своих фантастических победах и успехах.

Но поражения, нанесенные сапожковцам Красной армией, враждебность крестьянства создали подавленное настроение среди участников банды. В банде развилось поголовное пьянство. Пьяным был захвачен в плен комбриг сапожковской «армии» Зубарев. За самим Сапожковым постоянно (да-

же во время боев) возили несколько боченков со спиртом, захваченных им еще в Бузулуке. Усилились мародерство и хищения.

В начале мятежа Сапожков рассчитывал на массовый переход на его сторону крестьян, красноармейских частей, даже целых гарнизонов (в частности Новоузенского и Уральского) и особенно лично знакомых Сапожкову руководящих партийных и советских работников.

Поэтому Сапожков сначала играл в «благородство» и «гуманность» и отпустил попавшихся в плен тт. Агафонова, члена пугачевского уисполкома, и Акимова.

Но чем дальше, тем все наглее и откровеннее обнаруживал Сапожков свое лицо, став на путь ожесточенного террора и омерзительнейших зверств.

3

Как только армейским и партийным организациям, саратовскому и самарскому губернским комитетам партии стало известно о сапожковском мятеже, немедленно на места были посланы крепкие партийные силы. 15 июля саратовский губком РКП(б) направил в Новоузенск своего представителя тов. Палагина с группой партийных работников для разъяснения контрреволюционного существа сапожковщины. Губком РКП(б) немедленно разослал всем укомам телеграмму, в которой вскрывалась социальная природа сапожковщины и были намечены меры ее ликвидации:

«Для исполнения порядке боевой спешности постановления губкома тчк Положение Новоузенском уезде пока не представляет большой военной опасности тчк На лозунги вольной торговли на почве недорода ожидаемого недосева отзываются кулаки дезертиры тчк Авантюра Сапожкова... грозит привести полному срыву продовольственной кампании Новоузенском уезде зпт перебросятся окружающие Саратовский Царицынский районы зпт может выродиться вооруженное движение кулаков тчк Экстренной коренной ликвидации сапожковщины нужна усиленная ревизия ин-структирование чистка партийных советских органов Новоузенского уезда вылавливание контрреволюционных элементов тчк Этой цели высылайте губком Саратов не позднее 12 часов получения сего первое двтчк членов партии сроком один месяц рабочих крестьян безусловно преданных зпт грамотных агентурной разведке зпт будут переданы Чека тчк Второе течение 12 ча-

сов на срок два месяца высылайте губком более ответственных членов партии для партийно-советской работы Новоузенском уезде волисполкомах ревкомах ревизии ин-структирования волсельсоветов ячеек волкомов РКП продорганов зпт для ведения политической работы тчк Те и другие сохраняют содержание зпт командировочные получают Саратове тчк Другие мобилизации отнюдь не отменяются тчк Товарищи момент требует величайшего напряжения боевого темпа полной дисциплинированности тчк Проведение вами указанных мер через месяц сделает Новоузенск хорошо организованным сотрет корни сапожковщины.

Секретарь губкома (Криницкий)»¹.

Тов. Палагин выехал в Новоузенск вместе с уполномоченным 2-й армии Марголиным. На совещании с местными работниками было решено усилить политработу в гарнизоне, усилить надзор за прибывающими, задерживать всех подозрительных и тех, кто имеет удостоверение от частей 2-й Туркестанской дивизии.

В Пугачевске был сформирован коммунистический батальон из коммунистов города и уезда и караульной части, был выпущен ряд воззваний и организована массовая раз'яснительная работа о существе сапожковщины.

Огромное значение для правильной организации борьбы с восстанием сыграли директивы Ленина.

В своей телеграмме, адресованной тов. Авксентьевскому (командующему войск Заволжского военного округа), саратовскому губкому партии, президиуму губисполкома, уральскому ревкому и уральскому губкому партии В. И. Ленин писал: «Бывшим начдивом второй туркестанской дивизии Сапожковым поднято восстание в Бузулукском районе. Сапожкову удалось привлечь на свою сторону некоторые красноармейские части и часть кулацкого населения, и в настоящее время (он) стремится пробиться на Новоузенск и далее, вероятно, к низовьям Волги и Урала.

С целью облегчить борьбу с Сапожковым и воспрепятствовать его успешному бегству, предлагаю:

1. Обязать все ревкомы и исполкомы оставаться на местах до последней возмож-

ности, энергично ведя агитацию против изменника и всячески препятствуя его агитации среди населения; 2. Направить в распоряжение Авксентьевского ряд серьезных работников; 3. Установить самую тесную связь между подчиненными вам ревкомами и исполкомами и воинскими отрядами, обеспечив согласованность действий, принять меры к охранению технической связи; 4. Вести самое тщательное наблюдение за движением отрядов Сапожкова, используя местных жителей, сообщая результаты наблюдения ближайшим войсковым начальникам; 5. Пресекать в корне всякое проявление сочувствия и тем более содействия местного населения Сапожкову, используя всю полноту революционной власти. В тех случаях, где содействие имело место, потребовать выдачу виновных главарей, отселений, лежащих на пути следования отрядов Сапожкова, брать заложников, дабы предупредить возможность содействия.

Настоящее распоряжение требует самого срочного и энергичного выполнения под личной ответственностью всех исполнителей.

2 августа 1920 г. № 220—III.

Предсовтрудоборонь Ленин»².

Так как среди части работников Новоузенского уезда имели место колебания в оценке сапожковщины (местные организации были ослаблены мобилизациями на фронт и не имели крепких работников), то саратовский губком и губисполком укрепили новоузенский ревком, послав туда члена президиума губисполкома т. Самсонова, Вольского увоенкома тов. Маторина, председателя кузнецкого уездного исполкома тов. Осипова и с ними 67 ответственных работников и 86 рядовых коммунистов на 6 месяцев. Вместо слабого уездного комитета партии в Новоузенске было сконструировано в начале августа 1920 г. более крепкое уездное партбюро.

Укрепление большевистских организаций сказалось немедленно. Как в Новоузенском, так и в Пугачевском уездах была проведена большая раз'яснительная работа. Настроение крестьянских масс по отношению к сапожковщине становилось все более враждебным.

Мобилизация в армию лучших коммунистов и рабочих, посылка целых коммунистических отрядов особого назначения и

¹ Дело № 617 саратовского губкома ВКП(б), лист 34. Телеграмма написана рукою А. И. Криницкого. Отправлена она, повидимому, между 23 и 25 июля.

² Дело № 617 Саратовского краевого партархива, фонд губкома, стр. 26, входящий № 209. 6/VIII 1920 г.

командных курсов, политработа среди воинских частей и населения обусловили исключительный героизм и самопожертвование красноармейцев, политработников и командиров, несмотря на тяжелые условия операций в сильную жару.

Все попытки Сапожкова разложить гарнизоны Пугачева, Новоузенска или какую-либо крупную воинскую часть кончались неудачей.

Среди частей, особенно энергично выполнявших задачу борьбы с сапожковщиной, необходимо отметить, как особенно отличившихся: отряды тт. Келлера (сформированный из витебских пехотных курсов, 2-й батареи легкого дивизиона и борисоглебских кавалерийских курсов), Шпильмана (25-го батальона Войск охраны Республики, 202-го, 204-го татарских полков) и отряд особого назначения Самары и Саратова.

Внутри отряда тов. Келлера ведущую роль играли курсанты кавалерийских курсов, которых тов. Келлер характеризовал как прекрасных бойцов¹.

4

Командование ЗВО пыталось ликвидировать мятеж мирным путем, дважды посылая к Сапожкову комиссии для переговоров об условиях сдачи. Сапожков обе комиссии арестовал.

Тогда отряд тов. Келлера, выехав 14 июля из Оренбурга, 16 июля выбил противника со станции Погромная, а 489-й батальон ВОХР, поддержанный выступлением рабочих депо станции Бузулук, в тот же день занял город Бузулук.

Из Самары на Бузулук 14 июля был выслан отряд ЗВО под командой тов. Шпильмана.

Совместными действиями отряды товарищей Шпильмана и Келлера к 17 июля очистили Бузулук и железную дорогу.

Выбитый из Бузулука, Сапожков отступал на югозапад.

После поражения Сапожкова под Таловой его банды разбились на две группы: 8-й полк и эскадрон кавалерии под командой Серова, Усова, Булыгина двинулись на Уральск, имея задание, заняв его, поднять казачество, а главные силы, во главе с Сапожковым, взяли направление на Новоузенский уезд через железную дорогу Саратов — Уральск. Город Уральск был немед-

ленно объявлен на осадном положении. Губком партии, губпрофсовет мобилизовали в помощь гарнизону коммунистов и членов профсоюзов. Командарм 2, тов. Преображенский, усилил гарнизон 203-м татарским полком, бронелетучкой и коммунистическим батальоном особого назначения. Группа Усова получила под Уральском 27 июля основательный удар и отступила на соединение с главными силами Сапожкова по направлению к Таловой.

Отряд тов. Келлера в бою 8 августа в районе Кон-Так-Кулук разбил наголову банду Усова. Удалось бежать лишь группе в 30 человек, преимущественно комсостава, во главе с Усовым и раненым Серовым, которые 10—11 августа соединились с Сапожковым.

Сапожков, перейдя 28 и 29 июля через железную дорогу, занял деревню Панику и форпост Чижинский, откуда 30 июля его выбил отряд саратовских пехотных командных курсов.

31 июля, Сапожков, под давлением отряда тов. Шпильмана и отряда серпуховских курсов, отступил в двух колоннах в направлении на Шильную балку и форпост Чижинский, где провел ночь с 31 июля на 1 августа. 1 августа, в 15 часов, у озера Алтата-Сар завязался бой. Сапожков был разбит 1-м батальоном особого назначения саратовского губернского военкомата и 204-м татарским полком.

После боя у озера Алтата-Сар банда Сапожкова рассыпалась. Главное ядро, во главе с самим Сапожковым, отошло по направлению на Алтай, через Николаевку, вдоль разливов реки Дюры.

Несколько дней Сапожков концентрировал силы своей банды (из обеих групп: своей и Усова — Серова), вербовал новых сторонников и 6 августа попытался захватить Новоузенск, но атака его была отбита. Сапожков бежал в южном направлении.

После этого поражения Сапожков уже не мог оправиться. «1-я армия правды» рассыпалась, потеряв людские кадры и почти всю материальную часть, за исключением одного орудия и двух пулеметов. Из 2000—2500 штыков и сабель «1-й армии правды» остались две небольшие шайки: Сапожков с 60—80 и Усов — Серов — Будыкин с 20—30 бандитами.

В период с 6 по 10—11 августа Сапожков лихорадочно собирал рассыпавшихся бандитов, снова рассылал агитаторов для вербовки в банду кулаков, дезертиров, де-

¹ См. Облархив. Самара. Штаб Приволж. Военокруга, 1920 г. Д. № 394.

классированных элементов. Он направил 25 агитаторов в Новоузенский уезд и некоторое число эмиссаров, снабженных печатными воззваниями, личными письмами и подложными документами, в Пугачевский уезд. Сапожков вновь готовился к захвату Новоузенска, но все его попытки кончились неудачей.

В бою 5 сентября 1920 г. банда Сапожкова была окончательно рассеяна и сам Сапожков убит.

«Когда противник поколебался и стал отступать, курсант борисоглебских кавалерийских курсов Шевцов с 3 товарищами отряда Шпильмана бросились наперерез Сапожкову, который, заметив этот маневр, сам бросился на преследующих. ...Когда Сапожков был окружен, Шевцов спешил к нему, подбежав к нему, выстрелил. Пуля попала

в лошадь, которая, падая, придавила Сапожкова. Сапожков стал звать на помощь командира батареи Землянского и его помощника Будыкина, уже спешивших к нему. Подскакав к Сапожкову, они старались вытянуть его из-под лошади. Шевцов, видя, что живым Сапожкова взять не удастся, выстрелил в него в упор и убил наповал»¹.

Остатки банды, главным образом ее состав, бежали в камыши и глухие заливы Уральской губернии.

Так мощной рукой пролетарской диктатуры под руководством большевистской партии был ликвидирован один из контрреволюционных мятежей кулачества против советской власти.

¹ Архив Красной армии, Штаб Заволжского сектора ВОХР, оперативный отдел. 1920 г. Дело № 34, 615/у, стр. 17.

АДЖАРИСТАН

В ПЕРИОД АНГЛИЙСКОЙ ОККУПАЦИИ

1

Политическим выражением контрреволюционного блока эксплуататорских классов явился в Закавказье созданный весной 1918 г. по инициативе грузинских меньшевиков и возглавляемый ими так называемый «Закавказский комиссариат», а затем закавказский сейм с меньшевиком Чхеидзе во главе. Деятельность закавказского контрреволюционного блока великолепно охарактеризовал товарищ Сталин в своей статье «Контрреволюционеры Закавказья под маской социализма». «Весь революционный мир,—писал товарищ Сталин,—имеет возможность воочию убедиться, что в лице Закавказского комиссариата и его «сеймово-национальных привесок» мы имеем дело с самым злостным контрреволюционным блоком, направленным против рабочих и крестьян Закавказья»¹.

И действительно, грузинские меньшевики превратили Закавказье в один из плацдармов международной и внутренней контрреволюции, куда собирались со всех концов России враждебные пролетариату антисоветские силы и остатки разбитых классов. Ведя непримиримую борьбу против диктатуры пролетариата в советской России, меньшевики одновременно вели борьбу против рабочих и крестьян Закавказья, против революционно настроенных солдат, требовавших установления в Закавказье совет-

¹ И. Сталин «Контрреволюционеры Закавказья под маской социализма». «Правда», №№ 55 и 56, март 1918 г. Статья написана по поводу расстрела меньшевиками большевистски настроенных солдат у станции Шамхор и рабочих в Александровском саду, в Тифлисе.

ской власти. В мае 1918 г. закавказский сейм распался, просуществовав всего 47 дней. 26 мая национальный совет Грузии под председательством Ноя Жордания провозгласил «независимость» Грузии.

Примеру грузинских меньшевиков последовали армянские дашнаки и тюркские мусаватисты, провозгласившие «независимые» республики Армении и Азербайджана.

Для сопротивления идущей с севера большевистской революции, не будучи в состоянии справиться с развитием революционного движения внутри Закавказья, меньшевики прибегли к помощи германской интервенции.

«Атакованные с двух сторон: извне— со стороны советской власти и внутри— со стороны «своих же собственных» рабочих и крестьян,—«национальные правительства»,—писал товарищ Сталин,—должны были отступить после первых же боев. Восстание финских рабочих и торпарей и бегство буржуазного «Сената»; восстание украинских рабочих и крестьян, и бегство буржуазной «Рады»... аграрная революция на Кавказе и полная беспомощность «национальных советов» Грузии, Армении и Азербайджана,—таковы всем известные факты, демонстрировавшие полную оторванность окраинных «правительств» от «своих» масс. Разбитые на голову «национальные правительства» «вынуждены» были обратиться за помощью против «своих» рабочих и крестьян к империалистам Запада, к вековым угнетателям и эксплуататорам мелких национальностей всего мира»².

Отказавшись признать заключенный советским правительством Брестский мир, меньшевики решили добиваться самостоятельных условий мира с Турцией.

Не имея ни армии, ни экономической, ни финансовой подготовки, они ввязались в новую войну с Турецкой империей. Но меньшевистскому областному комитету не удалось повести за собой в этом вопросе даже большинства своей партии.

На другой же день после объявления войны начались забастовка тифлисских рабочих и восстания крестьян. 4 июня 1918 г. турки навязали Грузии мирный договор, трижды более кабальный чем Брестский. По этому договору «мира и дружбы», «независимая республика» Грузия обязывалась разоружить свои военные суда, демобилизовать

² И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 54—55. 1934.

армию, передать в распоряжение германского и турецкого командования железные и главные шоссе и дороги и т. д. По этому же договору к Турции перешел Аджаристан с портовым городом Батумом, куда турецкие войска вступили еще 1 апреля 1918 г.

С этого времени и начинается для Аджаристана период интервенции, сначала турецкой, а затем, в связи с уходом немцев и турок из Закавказья (осенью 1918 г., после ноябрьской революции в Германии), английской.

Оккупировав Закавказье и заняв Аджаристан, англичане почувствовали себя как дома. Они взяли в свои руки государственный банк, телеграф, суды, продовольственные органы и т. д. и стали диктовать меньшевикам свои условия.

В статье «Политика Советской власти по национальному вопросу в России» товарищ Сталин писал:

«Так называемая независимость так называемых независимых Грузии, Армении, Польши, Финляндии и т. д. есть лишь обманчивая видимость, прикрывающая полную зависимость этих, с позволения сказать, государств от той или иной группы империалистов»¹.

Англичане установили в Аджаристане колониальный режим. Генерал-губернатором

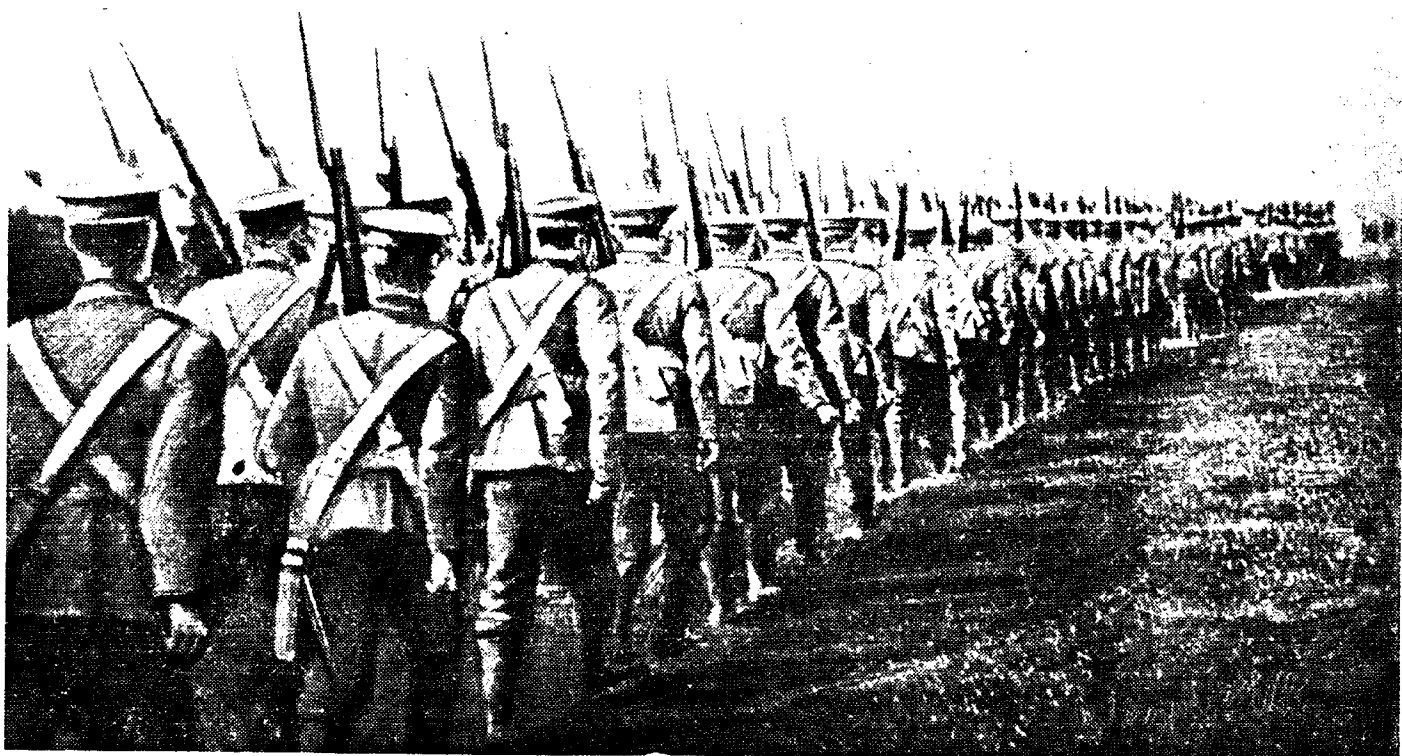
¹ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 59, 1934.

был назначен генерал Кук-Коллис. Для обмана масс Аджаристан был объявлен «независимым государством». Сконструировано было «аджаристанское» правительство с кадетом Масловым во главе. Но фактически все управление сосредоточилось в руках английской оккупационной военщины. Батум был наводнен деникинскими офицерами и вышвырнутыми из пределов советской России контрреволюционными элементами. Он превратился в важную тыловую базу добровольческой армии, снабжавшую Крым людьми, оружием и продуктами. Отсюда же англичане начали борьбу против диктатуры советской России и революционного движения на Востоке.

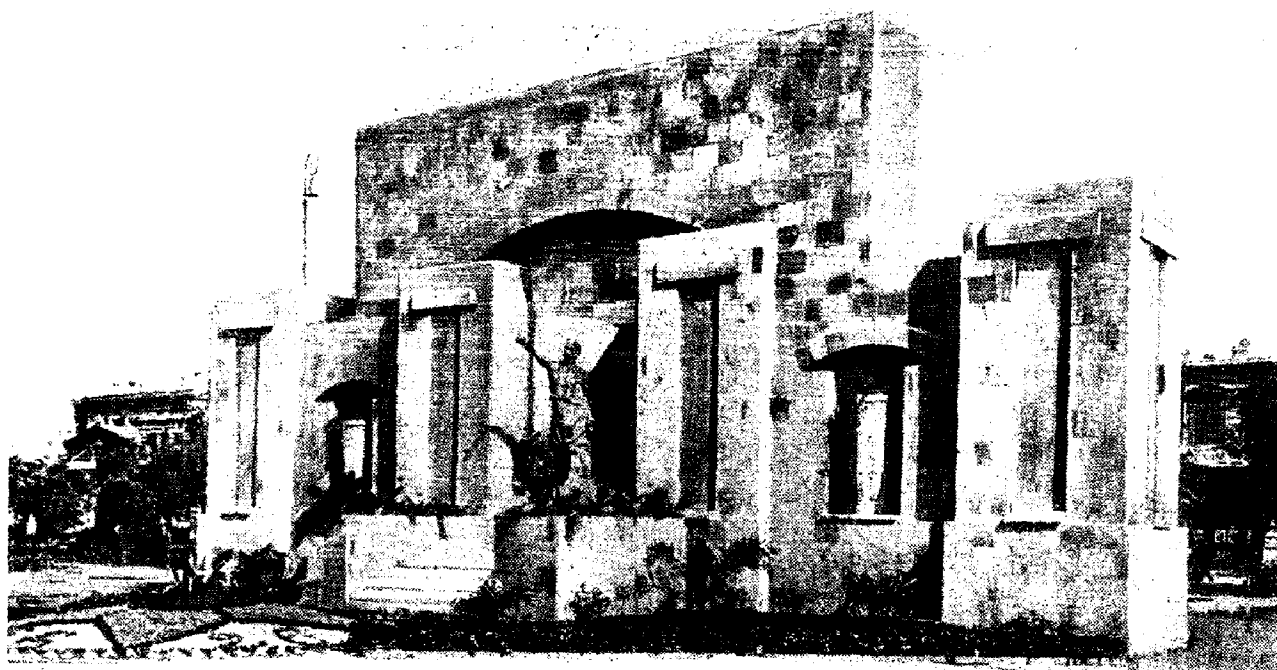
В Батуме началась бешеная спекуляция. Капиталистическая Европа стремилась сбывать через Батум-порт в Закавказье и Персию свои залежавшиеся товары.

Стремясь захватить в свои руки монополию торговли нефтью, англичане прекрасно учитывали значение Батума как порта, через который имела выход на мировые рынки бакинская нефть. За один 1919 г. англичане вывезли через Батум 337,5 тыс. тонн нефтепродуктов.

«Цивилизованные» и «гуманные» англичане, разгромившие в августе 1918 г. при помощи эсеро-дашнакско-меньшевистского блока Бакинскую коммуны и зверски расстрелявшие в прикаспийских степях 26 бакинских комиссаров, повели при помощи меньшевиков беспощадную борьбу против

Солдаты английской оккупационной армии в Закавказье.

Памятник 26 бакинским комиссарам, зверски расстрелянным англичанами и грузинскими меньшевиками в 1918 г.

большевиков в Аджаристане. Большевики были объявлены вне закона. Но рабочее движение в Аджаристане шло вперед.

2

Батумский пролетариат имел свое слабое революционное прошлое. Город Батум к началу XX столетия занял в торгово-промышленном отношении первое место в Закавказье после Баку и Тифлиса. Располагая лучшим на восточном берегу Черного моря портом, соединенный с Баку рельсовым путем, Батум очень скоро сделался центром промышленных предприятий нефтяных королей Ротшильда, Нобеля, Манташева и др. Число промышленных рабочих в Батуме в начале XX столетия доходило до 6 тыс. портовых рабочих, строительных и других рабочих было не менее 5 тыс.

Батумские рабочие: грузины, аджарцы, греки, русские, армяне—подвергались дикой, варварской эксплуатации. И одновременно с пролетариатом всего Закавказья рабочие Батума вошли с начала 900-х годов в революционную борьбу. Стихийные выступления против хозяев быстро переросли в Закавказье в организованную политическую борьбу. Эта борьба пролетариата в Закавказье проходила под непосредственным руководством революционной социал-демократии и товарища Сталина.

«История нашей партии, все революционное движение в Грузии и в Закавказье,—подчеркнул на IX съезде КП(б) Грузии секретарь ЦК КП(б) ЗКК ВКП(б) тов. Л. Берия,—с первых дней его зарождения неразрывно связано с работой и именем товарища Сталина».

Товарищ Сталин впервые приехал в Аджаристан в декабре 1901 г. Под его руководством проходили в Батуме крупные стачки. Политическая стачка, организованная товарищем Сталиным 9 марта 1902 г., окончившаяся расстрелом рабочих, имела общероссийское значение. В Батуме товарищ Сталин подготовил сотни товарищей, ставших членами большевистской партии и возглавивших революционное движение в Грузии. Под руководством товарища Сталина в Батуме организовался первый с.-д. комитет. Революционная борьба батумского пролетариата, возглавившего крестьянское движение во всей западной Грузии и Аджаристане, достигла наивысшего подъема в вооруженном восстании 1905 г.

Победа контрреволюции после 1905 г. дорого обошлась батумскому пролетариату и революционному аджаристанскому крестьянству. Рабочие и руководившие ими большевистские организации подвергались ссылкам и жестоким репрессиям. В результате этого к Февральской революции 1917 г. большевистские ряды в Батуме значительно поредели.

Политическая демонстрация в Батуме 9 марта 1902 г. во главе с товарищем Сталиным. С картины Сидомов-Эристова (Музей революции Грузии).

Но к осени 1917 г. большевистская партия завоевала уже прочный авторитет среди рабочих масс. В Батуме стали выходить следующие большевистские газеты: «Буревестник» (на русском языке), «Рабочая правда» (на грузинском), «Заря» (на греческом), «Рабочий и солдат» (на армянском). Партийные ячейки имелись у рабочих-металлистов, печатников, табачников, пищевиков, железнодорожников, в военных частях и т. д.

3

Батумский пролетариат восторженно встретил известие об Октябрьской социалистической революции. Тогда же в Батуме сформировался особый отряд рабоче-крестьянской красной гвардии.

Решительный перелом в пользу большевиков произошел в это время в русской армии, стоявшей на Трапезундском фронте. При перевыборах в совет в декабре 1917 г. в президиум прошли исключительно большевики. На фронте образовался военно-революционный комитет совета народных комиссаров, выходила большевистская газета «Трапезундская правда», трапезундская большевистская организация была тесно свя-

зана с батумским партийным комитетом. В связи с ликвидацией Кавказского фронта и уходом войск из Турции перед батумскими большевиками встала исключительно трудная задача — провести демобилизацию армии, спасти и вывезти в советскую Россию то многочисленное военное имущество, которое было на этом фронте. Из состава старой армии комитет партии подбирал наиболее надежных и направлял их для борьбы против контрреволюции на Северном Кавказе.

В апреле 1918 г. батумские большевики оказали непосредственную помощь оружием и боевыми силами рабочим и беднейшим крестьянам Абхазии, поднявшим восстание против диктатуры меньшевиков и провозгласившим в Абхазии 6 апреля 1918 г. советскую власть.

Авторитет большевистских организаций в Аджаристане был очень высок. Вот почему несмотря на установление здесь английского оккупационного режима и объявление большевиков вне закона влияние партии среди рабочих и трудящихся масс Аджаристана не только не ослабло, но еще более увеличилось.

Правления всех профсоюзов, за исключением одного — двух, были большевистскими.

В руках большевиков оказался и центральный совет профсоюзов. Англичан удивляло то обстоятельство, что даже наиболее отсталые категории рабочих (дрогали, носильщики и др.) были организованы в профсоюзы и настойчиво защищали свои классовые интересы.

Попытка англичан лишить рабочий класс печатного органа окончилась неудачей. Против распоряжения англичан о закрытии выпускавшегося советом профсоюзов рабочего органа «Голос труда» совет профессиональных союзов Батума выступил с решительным протестом.

В своем обращении ко всем членам профсоюзов совет писал:

«Усматривая в закрытии органа печати в административном порядке нарушение права на свободу печати, а также признавая в этом акте попрание одного из завоеваний Российской революции, совет профессиональных союзов Батума заявляет свой самый энергичный протест и, согласно постановлению конференции всех профессиональных союзов Батума, подкрепляет таковой однодневной всеобщей забастовкой. День забастовки, порядок ее устанавливает избран-

ный той же конференцией стачечный комитет.

Распоряжения стачечного комитета должны быть выполняемы рабочими и служащими беспрекословно»¹.

Стачка была объявлена 8 апреля 1919 г. Англичанам пришлось отменить свое решение, и газета «Голос труда» продолжала регулярно выходить.

Весной того же, 1919 г. большевики организовали и провели всеобщую политическую стачку. Большевики выставили требование ликвидировать контрреволюционное аджаристанское белогвардейское правительство во главе с Масловым.

В ответ на это англичане арестовали стачечный комитет, который был посажен на дредноут и увезен из Батума. Но это не остановило батумских рабочих, и под напором масс оккупанты вынуждены были упразднить аджаристанское правительство и несколько смягчить военно-полицейский режим.

Несмотря на подпольные условия большевистская организация развернула во

¹ Музей революции Грузии. Большевистские прокламации, № 364.

Группа арестованных англичанами после разгрома совпрофа коммунистов, отправленных на дредноуте «Роял Заворен» в Константинополь: сидят товарищи Кобидзе Петя, Рамишвили Георгий; стоит в первом ряду товарищи Бердзенишвили Коля, Блюмзак Авраам, Беленький Миша, Туманов Миша; во втором ряду — Димитрович, Нодия Пармен, Махарадзе Давид, Маркман Матвей (8 мая 1920 г.).

время английской оккупации широкую работу. Большевистские ячейки продолжали существовать среди рабочих-печатников, металлистов, портовых рабочих, в рабочих районах пригородов Батума: Барцхане, городке и др. Удалось организовать ячейки даже среди офицерских береговых отрядов в Батуме и в Кобулетах.

Батумский комитет сумел провести ряд партийных конференций. Особое внимание обратила партия на работу профсоюзов. Даже китайцы, привезенные англичанами в Батум для работы в порту, были организованы в профсоюз. Совет профсоюзов Батума под председательством большевика Д. Махарадзе, имея самое широкое представительство от рабочих организаций, по существу играл в то время роль местного совета рабочих депутатов.

Вытесненные из рабочих организаций и потерявшие среди них влияние, меньшевики перенесли свою деятельность в национальное собрание Аджаристана—Меджлис. В Меджлисе в это время боролись за влияние две группы: одна вела пропаганду за

присоединение Аджаристана к Грузии (орган ее—«Мусульманская Грузия») на правах автономной во внутренних делах единицы, другая, издававшая газету «Седан-Миллет», держалась турецкой ориентации.

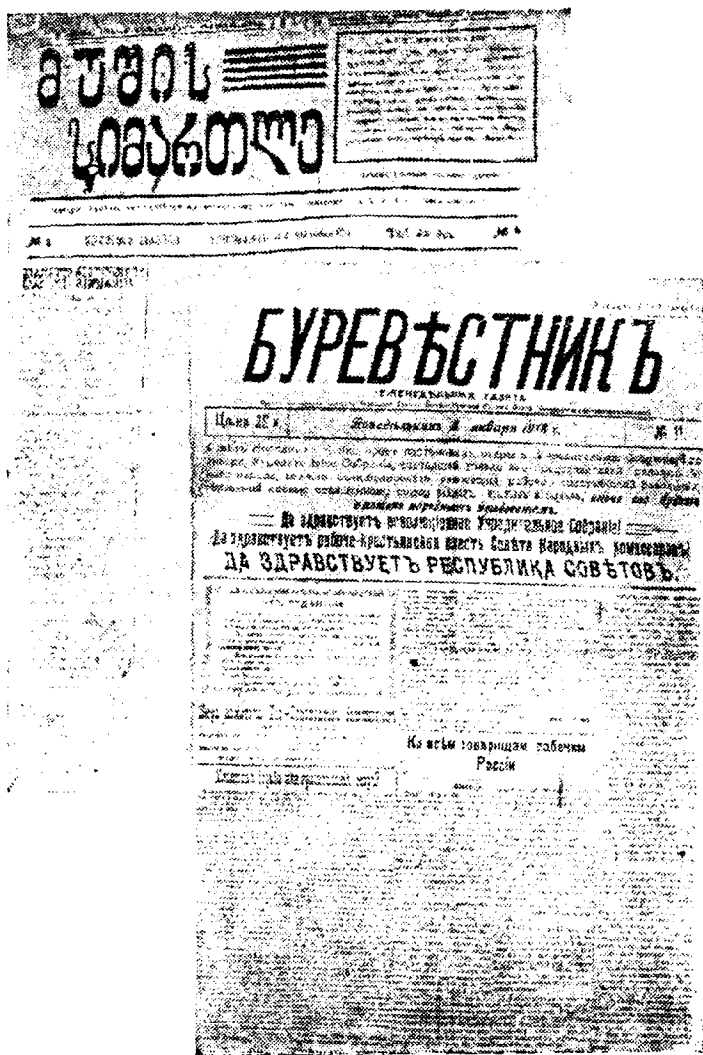
В марте 1920 г. англичане разрешили произвести выборы в батумскую городскую управу. Рабочие районы были лишены избирательных прав. Вполне понятно, что большевистская организация объявила бойкот таким выборам. Все члены профсоюзов, жившие в городе, отказались принять участие в выборах. Грузинские же меньшевики считали, что выборы в городскую управу и в этих условиях вполне «демократичны». Они заключили блок с буржуазно-националистическими партиями и провели в управу 20 гласных. Составленная по указаниям англичан управа явилась послушным исполнителем их воли. Подлинным защитником интересов трудящихся масс оставался батумский совет профсоюзов, который продолжал работать под непосредственным руководством большевистской организации. Большевистская организация сумела развернуть успешную работу среди английских моряков и в тех частях войск, которые были расположены в Аджаристане. Особенно легко поддавались пропаганде английские цветные войска, среди которых большевики организовали печатание и распространение прокламаций на английском языке.

4

Большевистская партия вела борьбу против российской контрреволюции, которая при помощи англичан снабжала Крым через Батум военным снаряжением и людьми.

В Батуме был убит генерал Натиев, формировавший Закавказский туземный корпус Добрармии. Военная организация большевиков подготовила взрыв парохода «Возрождение», который направлялся в Крым с военным снаряжением. Перед уходом англичан из Батума, летом 1920 г., чтобы не дать возможности меньшевистскому броневнику проникнуть в Батум и чтобы помешать дальнейшему вывозу нефти, батумский комитет партии, выполняя директиву краевого комитета, организовал взрыв Кинтришского железнодорожного моста. Меньшевистский броневик был задержан, и вывоз нефти временно прекратился.

Лозунг советизации Аджаристана и установления союза его с советской Россией был чрезвычайно популярен. 22 апреля 1920 г. в помещении городской управы состоялось

Большевистские газеты «Буревестник» и «Мушк» (Симарти) («Рабочая правда»).

обширное собрание правлений всех профсоюзов, представителей заводов и фабрик и делегатов крестьян от некоторых районов. На этом собрании несмотря на категорическое предупреждение англичан о том, что все собравшиеся будут подвергнуты аресту, если на собрании будет затронут вопрос о политическом положении Аджаристана, несмотря на провокационные выступления и противодействие меньшевиков, было вынесено решение, что единственно приемлемой для рабочих и крестьян властью в Аджаристане является советская власть.

Грузинские меньшевики кричали, что «Батум должен быть грузинским». Известный ренегат, палач восставших рабочих и крестьян Грузии, В. Джугели писал: «Без Батума нам трудно, невозможно существовать. Батум—это наши нервы, наше вырванное, окровавленное сердце»¹. Но несмотря на все эти громкие фразы меньшевики весьма легко мирились с оккупацией Батума англичанами.

Они настаивали на усиленных репрессиях против большевистских организаций, стремились задержать процесс большевизации трудящихся Аджаристана. Министр внутренних дел меньшевистского правительства Грузии Н. Рамишвили в негласной дипломатической переписке с министром иностранных дел Англии в феврале 1920 г. писал, что бежавшие из Грузии большевики обосновались в Батуме и развернули большую работу, посылали своих агентов в Аджарию и другие районы, печатали прокламации и воззвания, пользовались тайными типографиями, отправляли в Грузию нелегальную литературу и деньги. Рамишвили просил министра внести «ясность и определенность в батумский вопрос», заявляя, что в противном случае он снимает с себя всякую ответственность за «те пагубные последствия для внутренней жизни, которые могут иметь место, если англичане не вмешаются в разрешение батумской проблемы»².

Победив восстание «собственных» рабочих и крестьян при помощи интервенции, грузинские меньшевики требовали от англичан решительных мер по отношению к Аджаристану. Но англичане, учитывая, что трудящиеся Аджаристана под руководством пролетариата были настроены большевистски и готовы были немедленно выступить в от-

Тов. Серго Медзмаршвили (Губели) — председатель батумского нелегального комитета коммунистической организации, председатель первого ревкома Аджаристана.

крытый бой за коммунистическое знамя, до поры до времени воздерживались от рекомендуемых им методов борьбы с большевиками.

5

Огромное политическое значение имела в Батуме первая демонстрация 1920 г., организованная советом профсоюзов.

Накануне Первого мая по заданию большевистской организации был совершен исключительный по смелости террористический акт над палачом аджарских крестьян генералом Ляховым, подавившим в ноябре 1914 г. с невероятной жестокостью восстание аджарских крестьян (более 50 тыс. аджарцев бежало от его преследований в Турцию).

Во время оккупации Батума англичанами генерал Ляхов вербовал здесь офицерские отряды для отправки на деникинский фронт.

Группой товарищей: Губели, он же Кордзадзе (уполномоченный краевого комитета партии в Батуме, руководивший партийной работой), А. Сургуладзе, Г. Джибладзе, П. Кавтарая и Квиркелия—генерал Ляхов был убит среди белого дня в центре города. Тов. Губели, пользовавшийся огромным влиянием среди рабочих, был арестован, и

¹ В. Джугели «Тяжелый крест», стр. 187.

² Цитируется по газете «Заря Востока» № 302, 1932.

ему грозила смерть. Во что бы то ни стало надо было спасти жизнь тов. Губели, и организация решила использовать для этой цели первомайскую демонстрацию.

Меньшевики всячески старались сорвать готовившееся выступление, но им это не удалось: в первомайской демонстрации участвовало до 20 тыс. человек. Демонстранты шли с портретами Маркса, Энгельса, Ленина и большевистскими лозунгами об установлении в Аджаристане советской власти.

На площади Азизие был открыт грандиозный митинг. По постановлению митинга к генералу Кук-Коллису была отправлена делегация с требованием немедленного освобождения из тюрьмы тов. Губели. Несмотря на то что город представлял собой вооруженный лагерь и войска были готовы выступить по первому приказу, генерал Кук-Коллис вынужден был отдать приказ об освобождении тов. Губели. Трудно себе представить огромное воодушевление и восторг, которые охватили участников демонстрации, когда на трибуну поднялся тов. Губели и произнес взволнованную, яркую речь.

После первомайских дней большевистская организация развернула еще более энергичную работу. В связи со слухами о возможности эвакуации англичан крупные торговцы и спекулянты начали спешно вывозить

из Батума в Крым и Константинополь наиболее ценные товары, в том числе муку, сахар, мануфактуру, что угрожало Батуму продовольственным кризисом.

Обсудив этот вопрос, совет профсоюзов вынес следующее решение:

«Установить контроль над вывозом в Константинополь товаров. Вывоз товаров в Грузию... остается свободным»¹.

Была избрана специальная комиссия, которая должна была провести в жизнь решение совета. Рабочие строго соблюдали данную директиву. Без разрешения комиссии не мог быть погружен ни один пароход. Англичане попытались было упразднить комиссию, но оказались бессильны что-либо сделать. Мало того, сами англичане вынуждены были обращаться к комиссии за разрешением на вывоз того или иного товара и нефти. В эти дни власть в Батуме была фактически в руках батумского совета профсоюзов.

Генерал Кук-Коллис, как передает один из активных работников батумской организации этого периода тов. Бердзенишвили, в бессильной злобе говорил: «Я не потерплю, чтобы рядом с великобританским королевским флагом существовала вторая власть». Майор же Ортон предупреждал организацию: «Что вы делаете? Ведь это—образование второго правительства. Если вы не приостановите работы, мы прибегнем к репрессиям»². Свою угрозу англичане скоро привели в исполнение. Вызвав в Батум из Константинополя военные суда, они 8 мая арестовали 18 наиболее видных руководителей партии и работников профессионального движения. Среди арестованных были гг. Махарадзе, Бердзенишвили, Маркман, Туманов, Рамишвили Георгий, Беленький, Кобидзе, Нодия, Тавберидзе и др. Арестованные были спешно переведены на дредноут «Роял Заворен» и отправлены в Константинополь³.

Этим арестом англичане обезглавили партийную организацию и профсоюзы.

Объявленную батумскими рабочими все-

Дом в Батуме на ул. Люксембург, у которого был убит в 1919 г. генерал Ляхов — палач Аджаристана.

¹ Цитировано по книге Ф. Махарадзе «Советы и борьба за советскую власть в Грузии», стр. 221.

² «Летопись революции» (на грузинском языке) № 2 (19), стр. 176. 1928.

³ Арестованных ждала зверская расправа, однако благодаря своевременному вмешательству советского правительства они были освобождены осенью 1920 г. в обмен на арестованных английских подданных. См. газ. «Правда» № 232 от 17 октября 1920 г.

общую стачку, выставлявшую требование освободить арестованных, меньшевики не только не поддержали, но помогли сорвать ее (было арестовано 20 рабочих-железнодорожников).

Одним из слабых мест партийной работы в Аджаристане в период оккупации его англичанами было то, что организация не сумела тогда достаточно широко развернуть работу в деревне. Благодаря этому среди части трудящихся крестьян сохранялось влияние националистических партий. И все же большевистская пропаганда, как отмечает министр внутренних дел Рамишвили в своей переписке с англичанами, проникала в наиболее глухие районы Аджаристана. В письме из Аджарии, помещенном в газете «Коммунист», корреспондент сообщал: «Партийная работа в Артвине началась 6—7 месяцев назад. Немногочисленные рабочие города и беднота под влиянием острого экономического кризиса и возмутительных политических условий были очень недовольны существующим положением и охотно записывались в ряды нашей партийной организации. Изнывающее под игом турецких помещиков, кулаков и дикой администрации, окрестное турецкое крестьянство тоже охотно слушало наших агитаторов—и в деревнях родились коммунистические организации. Несмотря на отсутствие партийных работников-турок, все-таки за короткий промежуток времени наша работа достаточно подвинулась вперед и большевизм сделался явлением, живо интересующим народные массы. Местные помещики и кулаки ополчились против нас и повели самую бешеную провокацию»¹.

Аджарское крестьянство несколько раз давало отпор попыткам меньшевиков захватить в свои руки отдельные районы Аджаристана. Так, в начале 1920 г., когда меньшевики сделали попытку перейти через Годерзский перевал и занять Хулинский район, крестьяне-аджарцы оказали им упорное сопротивление. Несколько меньшевистских офицеров и солдат было убито, и весь отряд их был разоружен. Весной того же года, когда меньшевики вздумали вступить в Аджаристан со стороны ж.-д. станции Нотанеби, в Кобулетском районе произошло восстание крестьян, и меньшевистский отряд встретил сопротивление и отступил.

В 1920 г. российская контрреволюция была разгромлена. По мирному договору между советской Россией и Грузией 7 мая

1920 г., Аджаристан должен был войти в состав Грузии. Англичане, учитывая происшедшие события, а также нарастание революционного движения, вынуждены были снять оккупационный режим в Аджаристане и в июле 1920 г. покинуть Батум. Вскоре после этого в Аджаристан, в июле 1920 г., вступили грузинские войска.

От имени грузинского правительства за подписью ген. Квинитадзе грузинские меньшевики обратились к аджарскому народу со следующим угрожающим воззванием:

«...По приказу правительства Грузии я вступаю с войсками в Батумскую область... Предлагаю не препятствовать вступлению наших войск в область и не начинать войны против наших братьев—Грузии... Но если вы будете сопротивляться, войска накажут вас. Кто с оружием в руках будет сопротивляться войскам, с тем поступлено будет, как с бунтовщиком. Он будет расстрелян, а земля и имущество его, а также отца, матери и братьев будут конфискованы и переданы в казну, а семья выслана за пределы Батумской области. Деревня, из которой раздастся выстрел, понесет строгое наказание...»².

По мирному договору между советской Россией и меньшевистским правительством Грузии, последнее обязывалось признать легальное существование коммунистической партии Грузии. Но меньшевики начали свою деятельность в Аджаристане с ареста батумских коммунистов и ликвидации батумского совета профсоюзов и его органа «Голос труда». Меньшевики объявили Аджаристан на военном положении, учредили здесь генерал-губернаторство. Тогда же начался период так называемого чрезвычайного и исключительного управления. Завсвистали нагайки, в деревнях Аджаристана начали действовать карательные экспедиции. Рабочим и крестьянам Аджаристана пришлось пережить кратковременную, но кровавую диктатуру меньшевиков. Она кончилась в начале 1921 г., когда грузинский пролетариат и крестьянство, свергнув диктатуру эксплуататорских классов, установили в Грузии советскую власть. Только после советизации Грузии и провозглашения советской власти в Аджаристане трудящиеся Аджаристана получили возможность рука об руку с братскими народами многонационального Закавказья и вместе со всем Советским союзом строить социализм.

¹ Газета «Коммунист» от 1 июля 1920 г.

² «Борьба» № 147 от 2 июля 1920 г.

ИЗ ИСТОРИИ ЯПОНСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В ПРИМОРЬЕ В 1920 Г.*

В конце января и начале февраля 1920 г. в западном Забайкалье, Амурской и Приморской областях в результате партизанской борьбы рабочих и крестьян Дальнего Востока, руководимых коммунистической партией, и побед Красной армии в Сибири над Колчаком власть белогвардейцев была ликвидирована, но японские интервентские войска еще оставались в Забайкалье (Читинская пробка) и Приморье. Японское военное командование заявляло, что «проявление коммунизма-большевизма японскими войсками допущено не будет»¹. Трудящиеся же массы и партизаны, боровшиеся под лозунгом «За власть советов», требовали немедленной советизации освобожденных областей и районов.

После занятия Владивостока, 31 января 1920 г., партизанами—там было создано с санкции дальневосточного областного комитета РКП(б) временное коалиционное правительство приморской областной земской управы, в состав которого кроме большевиков вошли также меньшевики и эсеры.

Деятельностью правительства фактически руководили коммунисты. Меньшевики и эсеры, бывшие раньше застрельщиками контрреволюции и интервенции, после их разгрома Колчаком и краха их иллюзий о возможности создания «демократического» режима в условиях колчаковщины, перешли

* Все приводимые здесь ссылки и документы взяты из дел следственной комиссии временного правительства приморской земской управы по расследованию событий 4—5 апреля 1920 г. Т. I и II. Далькрайархив.

¹ Далькрайархив. «Сборник документов по интервенции». Т. I, л. 372—373.

в Сибири со второй половины 1919 г. на позиции сотрудничества с советской властью.

Затянувшаяся на Дальнем Востоке интервенция активно осуществлялась тогда лишь японскими войсками. Прочие интервентские войска были уже эвакуированы или находились в стадии эвакуации. Во Владивостоке, кроме японских, оставались еще американские и чешские войска. Последние американские эшелоны отбыли 1 апреля 1920 г., а чешские—осенью того же года.

Но Япония не только не выводила свои войска, как это должна была сделать по договоренности с другими интервентами, но, наоборот, к моменту эвакуации американцев, стала увеличивать свои военные силы в Приморье с явным намерением выполнения захватнических планов на Дальнем Востоке. На предложение советского правительства 12 марта 1920 г. начать переговоры о мире японское правительство ничего не ответило.

Истощенная империалистической и гражданской войнами, советская Россия, учитывая угрозу надвигающейся войны с белополяками, стремилась избежать войны с Японией, не только сохранившей в империалистической войне все свои силы, но и получившей значительные материальные выгоды и территориальные приобретения (порт Киао-Чау и подмандатные острова на Тихом океане).

«...Вести войну с Японией, — говорил Ленин, — мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она, по понятным вполне условиям, сейчас непосильна»².

Дальневосточный комитет РКП(б), получив из Москвы директиву—воздержаться от немедленной советизации Дальнего Востока, 29 марта вынес постановление: «От советизации Дальнего Востока отказаться; предложить областной земской управе распространить свою власть (особым законом) на все области Дальнего Востока; дополнить ее состав шестью членами: 2—от Приморья, 2—от Амура и по 1—от Сахалина и Камчатской области»³.

Для организации вооруженных сил при временном правительстве областной земской управы был создан военный совет, возглавлявшийся коммунистами и вождями

² Ленин. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 7

³ Постановление дальневосточного областного комитета РКП(б) за 1920 г.

партизанского движения. До событий 4—5 апреля во главе военного совета были гг. Лазо, Сибирцев и Луцкий.

31 марта, согласно полученной директиве центра, временное правительство приморской земской управы опубликовало декларацию о распространении власти на Приморскую, Амурскую, Камчатскую области и КВЖД. Перечисленным областям предложено было выслать своих представителей во Владивосток и на областной съезд. Этой мерой имелось в виду объединить освобожденные от белых области под властью временного правительства Приморской земской управы с центром во Владивостоке. Окончательное разрешение вопроса о форме власти предоставлялось назначенному в Никольске-Уссурийске на 1—2 апреля областному съезду трудящихся Дальнего Востока.

Областной съезд, несмотря на указы с мест о восстановлении советов, постановил: «Ввиду особого международного положения на Дальнем Востоке поддержать временное правительство и считать целесообразным распространить его власть на весь Дальний Восток»¹.

С этого дня японское правительство принимает активные меры к свержению власти временного правительства и восстановлению власти белогвардейцев под предлогом якобы «вызывающего поведения в отношении японцев русских войск», а также с целью «недопущения распространения большевизма на Дальнем Востоке». В это же время японцы вели лицемерные переговоры с правительством земской управы об условиях «наиболее дружественных взаимных отношений».

Сводки иностранного статистического бюро во Владивостоке подтверждают подготовку японцев к выступлению: в порту Цуруга (Япония) пакгаузы и склады военного ведомства были заполнены огромным количеством военного снаряжения. Около 30—31 марта 1920 г. это снаряжение было перегружено на суда, отправленные в неизвестном направлении. В конце марта в японской прессе появилось сообщение о предстоящих в апреле «обычных» маневрах японского флота, которые должны были состояться между Японией, Кореей и Сахали-

ном с возможным заходом части эскадры во Владивосток.

В конце марта и начале апреля японское население края спешно эвакуировалось во Владивосток и Японию.

Во Владивостоке были созданы особые пункты, куда в случае тревоги должно было собраться японское население.

Во второй половине марта во Владивосток прибыли суда с японскими войсками, легкой и горной артиллерией, пулеметами, снарядами, военными автомобилями и разным военным грузом.

В последних числах марта, по сведениям жителей прибрежной полосы Уссурийского залива, японцы высадили войска на восточном берегу полуострова.

В разведывательное отделение штаба наших войск поступали следующие сведения: в Хабаровске, под видом эвакуации, японцы перевезли патроны в свои казармы на Артиллерийской горе и, чтобы замаскировать эту перевозку, отправили на станцию несколько возов мебели и еще какого-то груза. Японцы ежедневно подвозили снаряды и военные припасы в Никольск-Уссурийск, возводили вокруг казарм укрепления и рыли окопы. Стягивались войска и в Раздольное.

Особое оживление наблюдалось во Владивостокском районе. Здесь производились усиленные разведки и маневрирование в направлении Седанки, района Второй речки и фортов. На станции Океанской была расквартирована рота японцев.

Мы насчитывали 2—3 тыс. бойцов, в то время как японцев, по определению нашего военного командования, было до 12 тыс., а по данным иностранного статистического бюро, — даже около 40 тыс. У нас не было артиллерии—у японцев же имелось до 5 батарей и кроме того крупная артиллерия броненосца «Хизен». Все наши военные склады оружия и снаряжения находились под японской охраной. Наши части на руках имели очень ограниченное количество патронов.

Наших войск было примерно в 5 раз меньше японских. Кроме того наши войска уступали японским в организации, вооружении и дисциплине. Значительную часть наших военных сил составляли восставшие и перешедшие на нашу сторону бывшие белые части. Командирами и инструкторами этих частей были в большинстве перешедшие к нам офицеры, к которым партизаны питали недоверие.

¹ «Дальневосточное обозрение» № 295 за 1920 г.

1/8 Требования (... 10 апреля)
Многоуважаемый комендант революционного войска (на ст. Угольная)

По велению японского коменданта я смею требовать вам следующие

Во 1-ых: Не позволяйте вашим вооруженным войскам в пределах этой территории действовать, так как через море Япония к России осталась неразделенной. Будет ли повелевать своим солдатам обезоруживать и японцам на время отдавать все оружие, снаряды, и все военные вещи

Во 2-ых: Если бы Ваше войско пожелало отступить к нашей территории или попытается убежать, то я решительно буду вступить в военные действия со всей силой оружия. Напротив, если Ваше войско будет обезоружено и исполнит наши требования, то ничего не стану повредить вашим людям в их жилищах).

И смею просить следующее: по получении этого письма принести ко мне ответ в полчаса

Начальник Японского Гарнизона на ст. Угольная»

ОТВЕТ

Заранее заготовленный провокационный ультиматум японцев: «Требование (... 10 апреля). Многоуважаемый комендант революционного войска (на ст. Угольная). По велению японского коменданта я смею требовать вам следующие: Во 1-ых: Не позволяйте присутствия Ваших вооруженных военных в пределах, где японская армия действует, так как переговоры Японии к России остался несостоятельным. Во 2-ых: Вы повелевайте своим солдатам обезоружение, и я прошу на время отдавать нам все оружие, снаряды, и все военные вещи. Во 3-их: Если бы Ваше войско показало отказ к нашей требованье или попытается убежать, то я решительно буду вступить в военное действие со всей силою, оружиею. Напротив, если Ваше войско будет обезоружено и слушает наше требование, то ничего не стану повредить (и даже похорану в . . . . .). И смею просить следующее: по получении этого письма принести ко мне ответ в полчаса.

Начальник Японского Гарнизона на ст. Угольной».

Партизанские отряды — основное ядро наших войск — только начинали осваиваться с новой для них городской обстановкой и требованиями регулярной армии. Нужно признать теперь, что ввод основных партизанских сил в места расположения японских гарнизонов был тактической ошибкой.

Такой же ошибкой было и то обстоятельство, что при размещении наших гарнизонов упустили возможность японского нападения. В результате оказалось, что в таких крупных центрах, как Владивосток, Никольск-Уссурийск и Хабаровск, наши части оказались в невыгодном стратегическом положении.

Японское военное командование заявило в декларации 31 марта о том, что не имеет никаких враждебных замыслов по отношению к советской России и что после эвакуации чехословацких воинских частей японские войска покинут Сибирь. Однако,

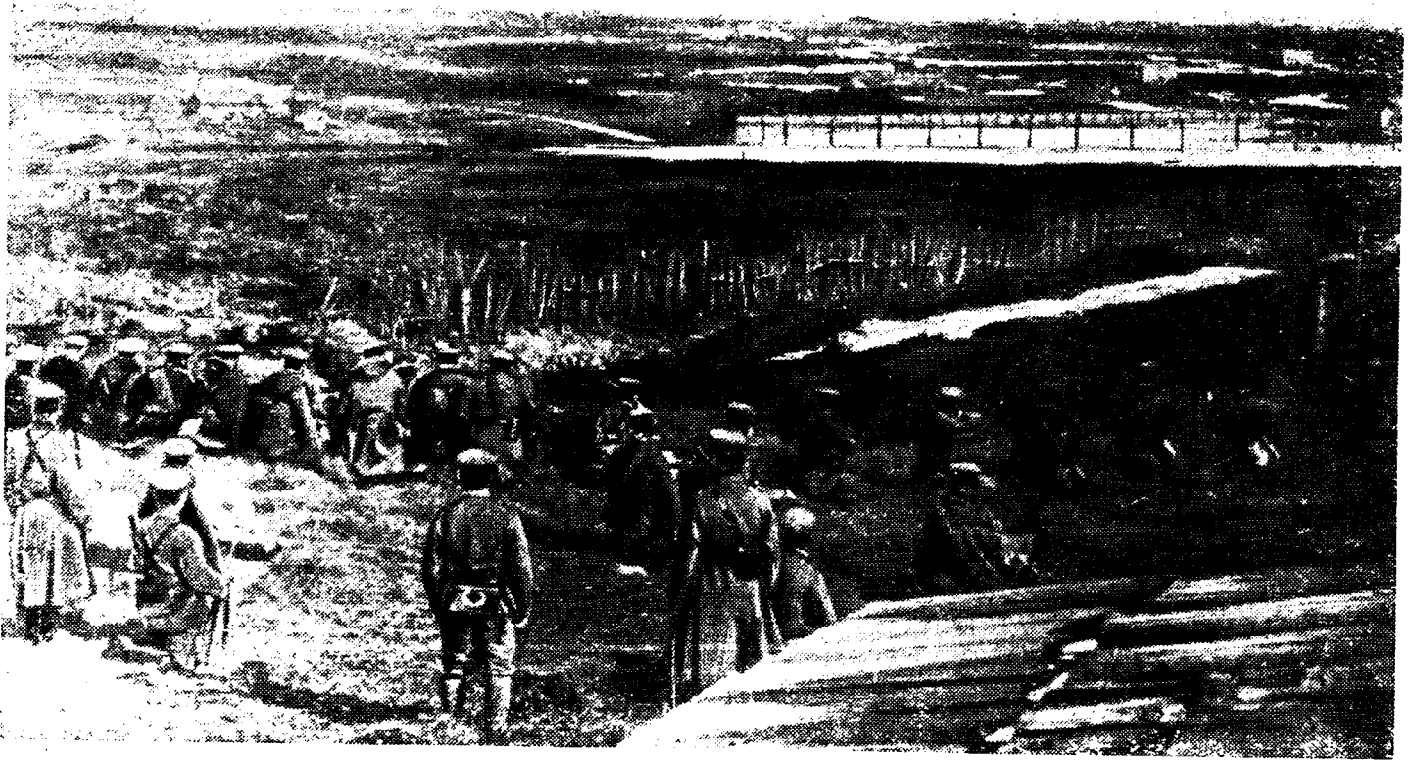
1 апреля в связи с этой декларацией японское командование пред'явило ряд требований, которые сводились к следующему: 1) японские войска во время пребывания на Дальнем Востоке пользуются всем необходимым; 2) все прежние соглашения и распоряжения, касающиеся японских войск, остаются в силе; 3) русские служащие в японских войсках не могут подвергаться каким-либо притеснениям; 4) временное правительство принимает соответствующие меры против организаций, опасных для японских войск; 5) вредная для японской армии пропаганда прекращается; 6) обеспечивается право собственности и безопасность жизни для всех японских жителей¹.

Несмотря на то что после рассмотрения этих требований в русско-японской согласительной комиссии мы приняли все шесть условий, наша уступчивость не дала желаемых результатов, так как японцы вовсе не намерены были идти на соглашение, а лишь хотели выиграть время для подготовки военного выступления.

Ведя эти переговоры, японское военное командование одновременно принимало меры к осуществлению своих истинных замыслов. Последняя сводка разведывательного отделения штаба наших войск в эти дни была уже полна тревожных сведений: во Владивостоке на Эгершельце (часть Владивостокского порта) японцы укрепляли стены своих казарм мешками с песком. 2 апреля, после обеда, японцы заняли северную батарею в конце Ленинской улицы, втащили туда пулеметы и спрятали их в укреплении. 2 апреля на пароходе «Ниитакки-Мару» отбыли японские мирные жители. С утра 2 апреля производилась усиленная перегруппировка японских войск. Город был наводнен японскими караулами. К вечеру доступ русским на улицы Линевича, Посьетскую и Тигровую был прекращен. Работа радиостанции на Русском острове была приостановлена. 3 апреля, в час дня, на чердаке дома аптеки Боргес (угол Ленинской и Алеутской) японцы установили два пулемета и вели оттуда непрерывные наблюдения за областной земской управой. Для этой же цели были установлены пулеметы под прикрытием мешков с песком на балконе гостиницы «Централь».

Без всякого повода японские солдаты задерживали на улицах русских граждан. 3 апреля японские солдаты пытались разоружить наших милиционеров, стоявших на

¹ «Красное знамя» № 45 за 1920 г.

Военные действия японцев против большевиков за Хабаровском.

посту на Светланской (Ленинской) улице. Все указывало на то, что японцы готовят вооруженное выступление и провоцируют наши части и отдельных солдат.

Ярким примером такой провокации был следующий факт. В конце марта в Хабаровске был устроен парад войскам гарнизона и партизанам. Во время этого парада японские офицеры на автомобиле «везжали в ряды стоявших на параде войск, вызывая этим возмущение войск».

Наконец, 4—5 апреля 1920 г. с необычайной наглостью, коварством и жестокостью японцы осуществили вооруженное выступление.

Показания очевидцев и официальные документы следственной комиссии выявляют следующую картину выступления японских интервентов.

Во Владивостоке еще за 2 дня до выступления японцами были повреждены все телеграфные провода. Таким образом Владивосток оказался совершенно изолированным. 4 апреля японское военное командование задержало наш бронепоезд «Единение России». Затем, японские войска заняли вокзал, гауптвахту, комендантское управление, штаб крепости и помещение конвойной команды. При занятии вокзала двумя ротами японских солдат был сильно избит один русский гражданин за то, что у него на шапке была красная звезда. Око-

ло 11 час. ночи японцы заняли станции Первой и Второй речек. В это же время в разных частях города появились цепи японских солдат. К комендантскому управлению прибыл отряд японцев во главе с офицером, потребовавшим снять красный флаг со здания и сдать оружие. Несмотря на возражения, команда была разоружена. Одновременно японцы приступили к разоружению остальных наших частей, расположенных в различных местах города.

Многие помещения, занятые нашими войсками и военными учреждениями, были подвергнуты обстрелу.

Особенно ожесточенно обстреливали японцы здание временного правительства областной земской управы, был даже дан один орудийный выстрел с броненосца «Хизен». Обстрел продолжался до 6 час. утра, после чего толпа японских солдат, взломав прикладами наружную дверь, ворвалась в помещение и стала разыскивать в подвале среди спрятавшихся служащих родственников членов правительства. Кабинеты председателя правительства, его секретаря и помещения канцелярии были обысканы и разгромлены. Столы вскрывались ружейными прикладами, мебель была изломана, солдаты стреляли в окна, двери и потолки. Все бумаги были забраны. Несгораемая касса была взломана, из столов некоторых служащих были похищены деньги, и даже денежный сундук из кабинета секретаря исчез.

...ночи Владивосток обстреливался японскими солдатами.

Утром 5 апреля японские войска напали на наши части, расположенные в Гнилом углу и составлявшие главные наши силы. Не принимая боя, согласно данной нашим военным командованием директивы, наши части под ружейным и артиллерийским обстрелом начали отступать по направлению к Шкотову. В некоторых местах японцы пересекли нам путь, и наши войска вынуждены были возвратиться в свои казармы, где были обезоружены японцами и взяты в плен. Через японские цепи прорвалось около тысячи человек.

Разоружая наших бойцов, японцы жестоко издевались над ними: их выводили на улицу со связанными руками и ставили на колени, вещи их были сложены в помещении школы, облиты бензином и подожжены.

После занятия японскими войсками станции Океанской трое русских солдат, только что вышедших из лазарета, были расстреляны, а трое раненых живыми зарыты около дороги¹. В материалах комиссии по расследованию событий 4—5 апреля 1920 г. имеется масса фактов зверской расправы японской военщины с мирным и безоружным населением.

Особую жестокость проявили японцы по отношению к корейскому трудящемуся населению, которому, по заявлению в печати

¹ Показание жены офицера 35-го полка Олесовой (Материалы следственной комиссии приморской земской управы по расследованию событий 4—5 апреля 1920 г.).

генерала Араки, японские империалисты были якобы призваны оказать «помощь» на территории советского Дальнего Востока².

Жители Новокорейской слободки подали на имя иностранных консулов во Владивостоке следующее заявление: «Мы, жители Новокорейской слободки, уже в продолжение нескольких дней испытываем репрессию со стороны японцев. Японцы сожгли дома мирных жителей, магазин, школу и редакцию корейской газеты. Японцами были арестованы наши дети и мужья, подвергнуты избиению и уведены неизвестно куда, несмотря на все эти факты никто не берет нас под защиту, никто не поддерживает нас. Мы просим произвести расследование действий японских солдат и в будущем защитить нас от невозможных репрессий со стороны японцев»³.

В этом заявлении из-за боязни новых репрессий со стороны японцев не все факты зверств японцев были изложены, например: при сожжении школы в огне погибла и группа корейцев, о чем в заявлении не упоминается, а уведенные «неизвестно куда» корейцы в действительности были убиты. Отдельных корейцев японцы подвергали нечеловеческим пыткам и истязаниям.

Установить точное количество убитых в эти дни не представляется возможным, так как японцы немедленно сжигали трупы убитых, зарывали или топили в бухте.

Разгрому подверглись и стоявшие в пор-

² Брошюра Садао Араки «Задачи Японии в эпоху Сиова».

³ «Красное знамя» от 9 апреля 1920 г.

у пленение японцев на Красную речку.

ту наши миноносцы. Японцы разобрали машины, исковеркали важнейшие части, растащили имущество.

В ночь на 5 апреля были арестованы члены военного совета: тт. Лазо, Сибирцев и Луцкий. Они были выданы русским белогвардейцам, которые сожгли их в паровозной топке на станции Муравьев-Амурская (теперь ст. Лазо).

Утром 5 апреля японцы разгромили помещения профессиональных союзов, находившихся в центральном бюро профсоюзов Владивостока. Был произведен тщательный обыск всего здания, до чердаков включительно. Разыскивали главным образом ответственных работников, требуя у сторожей, под угрозой расстрела, чтобы те указали их местонахождение. В 10 час. утра к зданию центрального бюро подехали два японских автомобиля, на которые было погружено все имущество профсоюзов, как-то: пишущие машинки, канцелярские дела, книги, бланки и пр. Ночью 7 апреля часть забранного имущества была возвращена.

Станция Океанская, на линии Уссурийской железной дороги, была занята японцами утром 5 апреля. Русские военные части ушли в сопки. Со станции Надеждинской партизаны уехали на запад, в сторону Кипарисова. В целях задержки продвижения японских войск по линии железной дороги туннель был взорван нашей охраной в двух местах.

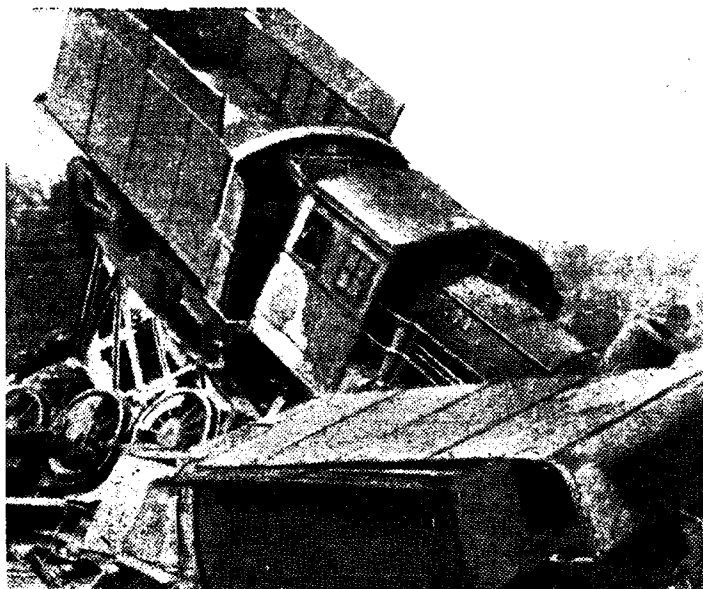
В районе Первой речки японцы взломали все замки материальных складов Уссурийской железной дороги и приставили своих часовых с запрещением выдавать русским какие-либо материалы без разрешения японского командования.

В Раздольном в ночь на 5 апреля японское военное командование вызвало к себе «для переговоров» всех русских офицеров, состоявших в частях народно-революционной армии в качестве командиров. Прибывших к японскому штабу офицеров японцы встретили выстрелами, спаслось только несколько человек. Затем японские войска напали на наши части, размещенные в казармах. Захваченный врасплох, наш гарнизон после непродолжительного боя с большими потерями отступил в сопки. Японцы освободили всех находившихся в тюрьме контрреволюционеров и по их указанию начали производить расстрелы русских мирных граждан, заподозренных в сочувствии советской власти. Вся базарная площадь была усеяна трупами людей и лошадей.

Обстрел Хабаровска японской артиллерией с Орлова поля.

Вечером 4 апреля в Шкотове были получены сведения о занятии японцами станции Угольная. Часть партизан ушла в сопки, по направлению к Раздольному. В это время по всем сопкам, с севера к Майхе, были уже рассыпаны японские цепи. Около 2 час. ночи казармы партизан были окружены японцами, поставившими у выходов пулеметы. Японское командование предъявило партизанам ультиматум о разоружении. Не желая сдаться, большая часть партизан ушла по направлению к кирпичному заводу и там залегла в ров с целью оказать японцам сопротивление, но японцы заранее устроили здесь засаду, и партизаны были расстреляны с тыла. Из осмотра трупов выяснилось, что большинство имело пулевые раны в затылок и спину. Другая же часть партизан попала на расставленные японские цепи с

Взорванный японцами в Хабаровске поезд.

пулеметами и понесла большие потери убитыми и ранеными. Легко раненые уползли в сопки.

Обстрел казарм и бой закончились около 8 час. утра, но только в 3 часа дня японское командование разрешило местному населению подобрать раненых около казарм, в других местах города это разрешено было сделать только на следующее утро. 150 убитых партизан и множество раненых — таков был итог разгрома в Шкотове. В ночь на 6 апреля японцы разожгли большие костры и сжигали на них своих убитых.

В Никольске-Уссурийске японцы напали на наш гарнизон в 4 часа утра 5 апреля. С утра же начались и массовые аресты русского и корейского населения при участии бывших калмыковских офицеров. Все члены общественных и профсоюзных организаций, а также делегаты областного с'езда трудящихся были арестованы и со связанными руками отправлены в лагерь военнопленных, но в тот же день все, за исключением корейцев, были освобождены.

Бой в Никольск-Уссурийске длился до 7 час. утра. Центром сражения были река Суйфун и крепостной вал. Наши части, захваченные врасплох, не могли оказать должного сопротивления.

Крестьяне ближайших селений снабжали наши войска всем необходимым и сами вступали в отряды.

Японцы заняли все склады, а на станции захватили паровозы, большинство которых было приведено в негодность.

В Спасске около 8 час. утра по сигнальному револьверному выстрелу японские

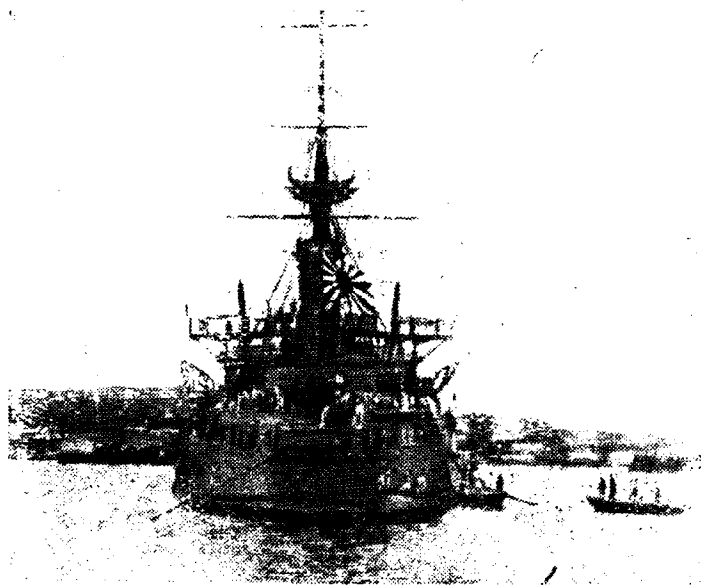
войска подвергли ружейному, пулеметному и орудийному обстрелу казармы наших частей. Обстреливались также и гражданские учреждения: вокзал, почта, земская управа. После упорных боев в отдельных пунктах наши части, отбивая атаки японцев, а местами и нанося им чувствительные потери, отошли в сопки. В числе их были: партизанский отряд Борисова, весь личный состав авиашколы, перешедший на сторону партизан при перевороте 31 января, во главе с начальником школы Ивковым, железнодорожный батальон, рабочие и мастеровые авиомастерских, члены ревкома. Наши части в Спасске понесли большие потери.

В Хабаровске 11 марта был создан уездный исполнительный комитет советов, избранный чрезвычайным с'ездом трудящихся и партизанских отрядов. В конце марта в уезде проводились выборы делегатов на областной с'езд трудящихся. Между русским и японским гарнизонами в Хабаровске сразу создались напряженные отношения, еще более обострившиеся после событий 12—14 марта в Николаевске на Амуре, когда в результате внезапного нападения японского гарнизона, нарушившего установленное с партизанами соглашение, почти весь японский гарнизон был партизанами разгромлен (сдалось в плен 132 японских солдата из общего количества 700, остальные, отказавшись от сдачи, были убиты в бою и частью погибли в горевших домах).

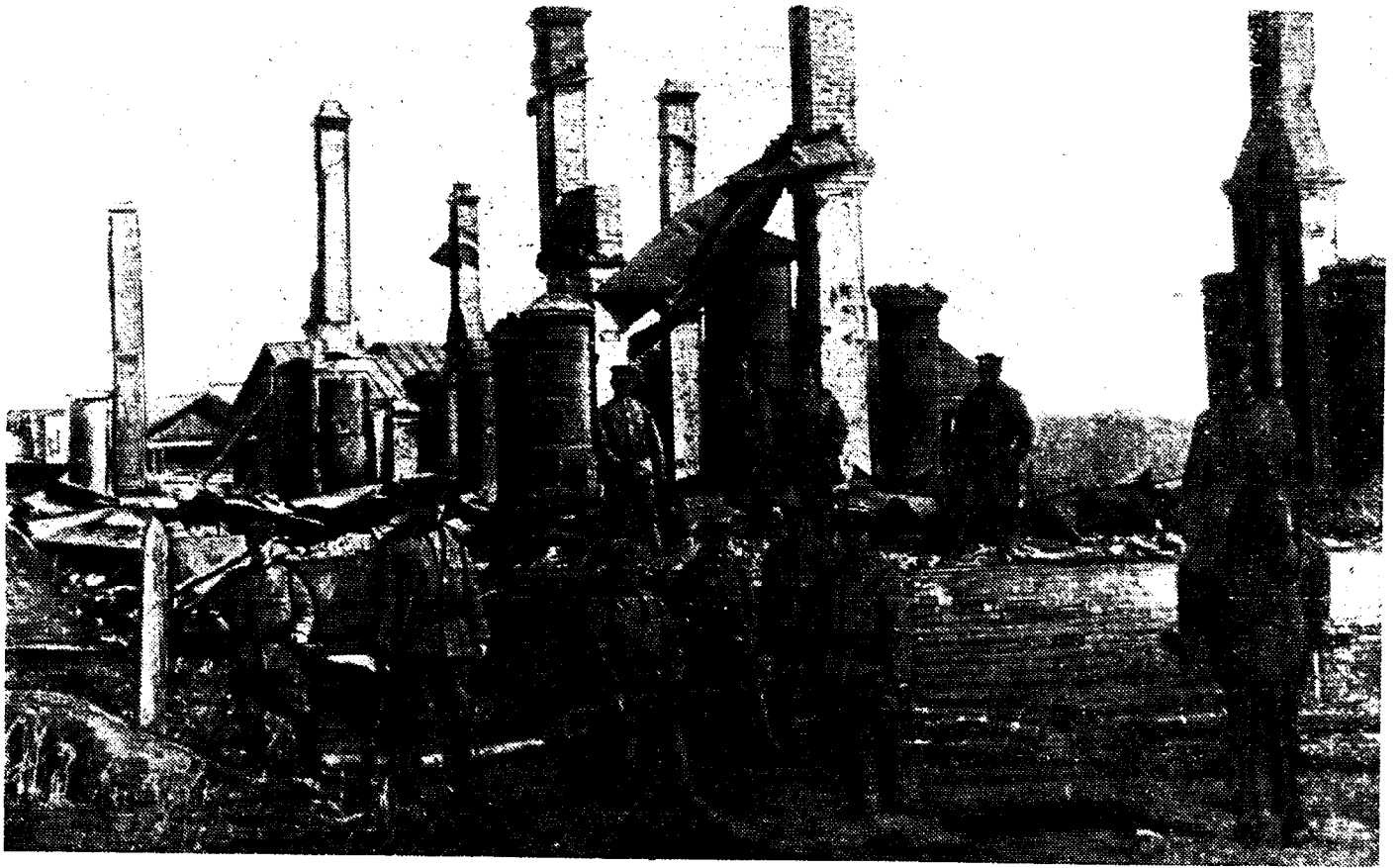
Не подлежит сомнению, что нападение японских войск в Николаевске на Амуре было подготовлено японским правительством с целью создания «инцидента» для оправдания дальнейших действий японского правительства, в том числе вооруженного выступления 4—5 апреля. Это подтверждается и фактом затяжки японской стороной посылки делегации в Николаевск для ликвидации начавшихся там боевых действий.

Телеграмма же о прекращении военных действий в Николаевске, составленная в результате совещания наших властей с японским командованием и подписанная командующим японскими войсками генералом Ямада, командующим русскими войсками Булгаковым, японским консулом Сугино и комиссаром по иностранным делам Гейцманом, была послана только 14 марта, когда военные действия уже заканчивались.

3 апреля представители японского военного командования официально заявили комиссару по иностранным делам Гейцману о

Японский броненосец «Хиземи», обстреливавший советские берега.

Сгоревшее от японских снарядов здание в Хабаровске.

том, что они получили распоряжение от своего правительства об эвакуации японских войск из Хабаровска.

Отпечатанные в типографии, эти заявления были вывешены на ряде железнодорожных станций (в Никольск-Уссурийске и др.). Лицемерные действия представителей японского правительства в Приморье были рассчитаны на то, чтобы усыпить бдительность русских властей и населения.

В ночь на 5 апреля связь Хабаровска с Владивостоком была прервана. Перед этим были уже получены тревожные сведения из Владивостока и Никольск-Уссурийска.

Утром 5 апреля было совещание нашего высшего военного командного состава. Японцы использовали момент. Около 9½ час. утра, когда жители Хабаровска, ничего не подозревая, приступили к своим обычным занятиям, когда дети шли в школы, японцы открыли артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь.

Под грохот внезапной канонады пешеходы, в том числе женщины и дети, металась по улицам, падая под пулями. Во многих местах города от снарядов возникли пожары. Главный огонь японцы направляли на здание исполкома и военного штаба (бывший кадетский корпус). Наши военные части, застигнутые врасплох, не имея ни бое-

вых приказов, ни общего командования, действовали по собственной инициативе.

Наиболее упорное сопротивление японцам оказали партизанские части, особенно отряд тов. Шевчука, занимавший район Военной горы и кадетского корпуса (ул. Серышева), и матросы амурской флотилии, занимавшие центр города и район вокзала.

Партизанские части и матросы дрались с японцами почти в течение суток, с боем уступая каждый шаг своих позиций во много раз превосходящему численностью и вооружением противнику. Только 6 апреля партизанские отряды начали отступать, частью на левый берег Амура, частью на Красную речку (в 6 км от города).

Отряд матросов почти весь погиб в неравном бою, из 300 чел. осталось в живых только 18. Двое суток японцы обстреливали город артиллерийским огнем. Были разрушены и сожжены все лучшие здания, убито и ранено до 2 тыс. мирных граждан.

Во Владивостоке японские захватчики все же несколько «сдерживались», считаясь с наличием в городе представителей других держав. В области они свирепствовали всюду: убивали безоружных, добивали раненых, заживо сжигали в домах мирных граждан, оставляли без помощи раненых народоармейцев, чтобы насладиться зрелищем их медленного умирания. Японской бело-

Штаб 1-й амурской дивизии в 1920 г. (справа налево): товарищи Кручина, Постышев П. П., Серышев, Мельников, Школин, Флегонтов.

гвардейщиной было убито несколько тысяч человек. Материальные убытки исчислялись миллионами рублей.

Кровавая расправа 4—5 апреля 1920 г. над трудящимися Приморья была организована японской военщиной для того, чтобы уничтожить наиболее активно сопротивлявшиеся захватническим планам японских империалистов слои населения и затем создать из остатков белогвардейщины в Приморье удобное японцам правительство.

Несмотря на то что наши вооруженные силы были выведены из городов, аппарат власти в области и частично во Владивостоке разгромлен, а лучшие представители коммунистической партии и вожди партизанского движения зверски убиты (Лазо, Луцкий, Мельников и др.), японцам нигде, за исключением Хабаровска, не удалось создать желательную для них власть в Приморье. Против интервентов решительно выступили трудящиеся Дальнего Востока, рабочие, партизаны, крестьяне. Их героическую борьбу возглавила коммунистическая партия, пользовавшаяся в массах исключительным авторитетом.

Организации РКП(б), перешедшие после событий 4—5 апреля на нелегальное положение, продолжали свою работу. 5 апреля

временное правительство приморской областной земской управы вручило японскому представителю во Владивостоке Мацудайре ноту протеста по поводу вооруженного выступления 4—5 апреля.

Ночью 5 апреля областным комитетом РКП(б) во Владивостоке был создан областной ревштаб в составе Кушнарева, Губельмана, Власовой и Панкратова. Областной ревштаб должен был организовать районные и волостные ревштабы для сбора оружия, мобилизации населения, создания партизанских баз и пр.

В Амурскую область посланы были для ведения военной работы и организации регулярной армии тт. Постышев и Серышев. Приходилось почти заново создавать вооруженные силы в тайге и сопках, так как все крупные пункты и станции по линии железной дороги, от Владивостока до Хабаровска, были заняты японскими войсками, все склады оружия и военного снаряжения были захвачены японцами. В Хабаровске японцы создали белую власть из старой городской думы во главе с крупным домовладельцем Лихойдовым. По области, в сфере влияния японских гарнизонов, сохранилась власть временного правительства приморской областной земской управы.

6 апреля во Владивостоке были проведены массовые партийные и профсоюзные собрания, проходившие под лозунгом «Долой интервенцию, да здравствует советская Россия!» Были вынесены протесты против действий японского военного командования и нарушения суверенных прав России. Временным правительством областной земской управы была создана специальная комиссия с иностранными представителями для расследования событий 4—5 апреля в области. Эта комиссия собрала огромный документальный материал, изобличающий провокационные, разбойничьи действия японского военного командования.

Партизанские отряды и части народно-революционной армии, ушедшие из Хабаровска, начали концентрироваться на левом берегу Амура и на Красной речке. Партийные и военные работники занялись реорганизацией отступивших частей. Чтобы преградить японцам путь в Амурскую область, нами были взорваны два пролета амурского железнодорожного моста. Левобережная же группа наших войск, подкрепленная вскоре частями Амурской области, вела успешные бои с японцами.

Когда Амур открылся для навигации, японцы под прикрытием канонерок предприняли высадку десанта на левый берег, но огонь наших бойцов потопил суда, и японцы с большими потерями должны были отступить.

Военные действия на левом берегу Амура (Восточный фронт) были прекращены в результате соглашения 29 апреля 1920 г. между военным советом во Владивостоке и японским военным командованием о так называемой нейтральной зоне. Эта зона устанавливалась по линии железной дороги от Владивостока до Уссури. Согласно договору, все наши вооруженные силы отводились за 30-километровую полосу от линии железной дороги в районе нейтральной зоны и мест расположения японских гарнизонов. В пределах нейтральной зоны нам разрешалось иметь только небольшое количество вооруженной милиции и сверх того, в виде исключения, во Владивостоке небольшой резерв милиции, переименованный впоследствии в дивизион народной охраны. В Приморье наши вооруженные силы, преимущественно из бывших партизан, сосредоточены были в Анучине, расположенном в глуши тайги и являвшемся базой партизанской борьбы 1918—1922 гг.

На протяжении 1920—1922 гг. японские интервенты не раз еще пытались утвердить свою власть на Дальнем Востоке, но все их попытки кончались неудачами. Не помогли японцам и образованные ими бутафорские белогвардейские правительства Меркулова, Дитерихса. В боях под Волочаевкой (февраль 1921 г.), под Спасском (октябрь 1922 г.) разгромлены были последние силы белогвардейцев, поддерживаемых японцами. Японская интервенция была закончена.

Жертвы японского выступления во Владивостоке.

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА

В ОХОТСКО- КАМЧАТСКОМ КРАЕ В XVIII ВЕКЕ

Период первоначального накопления капитала в России характеризовался бурным развитием колониальной экспансии царизма.

Прямой грабеж «инородцев», проводимый нередко под флагом собирания податей и дани—«ясака», был одним из важнейших источников обогащения «служилых» людей, купцов и помещиков Московского царства.

Особенно привлекала последних Сибирь, изобиловавшая дорогим пушным зверем. Отсюда стремление русских купцов и помещиков проникнуть все дальше на восток, вглубь Сибири, в места, богатые драгоценными мехами, тем более, что с XVII в. количество добываемых мехов в Сибири в связи с хищническим уничтожением зверя начало падать, а цены на меха на мировом рынке возросли.

О существовании Камчатки первыми узнали якутские казаки. В конце XVII в. группа казаков спустилась к Ледовитому океану. Повернув на восток и обогнув Чукотскую землю через Берингов пролив (еще до открытия его Берингом), казаки основали Анадырский острог (крепость) в низовьях реки Анадыря.

В 1695 г. приказчиком Анадырского острога был назначен дослужившийся до пятидесятника якутский казак Владимир Атласов. Разведав через казака Морозко о Камчатке, Атласов и 60 служилых и промысленных людей в начале 1697 г. выехали из Анадырска.

В том же году они покорили несколько камчадалских острожков, обложили жителей их ясаком (данью) и заложили острог на Камчатке (Верхнекамчатск).

В 1700 г. на помощь казакам был прислан из Якутска боярский сын Кобелев с новым отрядом казаков. Отряд Кобелева проник на юг Камчатки. В 1704 г. пятидесятник Колесов с отрядом казаков прошел до конца полуострова и обложил ясаком всех камчадалов.

Сибирские меха вывозились на европейские и азиатские рынки. Особенно высоко ценились сибирские соболя, которые, как отмечала одна торговая книга XVII в., «по всем землям в цене»¹.

В «Известиях о торгах сибирских»² подчеркивалось крупное значение для соболиной торговли, с одной стороны, китайских и турецких рынков, а с другой—особое внимание уделялось характеристике тех широких возможностей для реализации мехов, которые имелись и на рынке внутреннем.

«В России знатные особы издавна к хорошим соболям привыкли. Они знают им цену и не жалеют за добрый товар платить большие деньги... Недособоли отпускаются как в Китай, так и в Россию, турки и греки их весьма любят»³.

Все это особенно стимулировало искателей наживы «проведать» тот край, где «соболей невероятное множество» и где коренное население «при покорении своем за ясак соболиный не только не спорили, но, напротив того, весьма казакам смеялись, что они променивали ножик на 8, а топор—на 18 соболей»⁴.

Именно под этим углом зрения «покоритель» Камчатки Атласов в своей «сказке» и освещает весь свой поход. Пришли к Пенжинской губе, столкнулись с «пешими коряками»⁵ и первым делом Атласов отмечает: «А соболей-де у них в устье реки Пенжины нет». Пришли к «люторским острогам»—и опять в первую очередь о соболях: «Соболи-де от них по горам недалече белые, а соболей-де они не промышляют, потому что в соболях они ничего не знают».

¹ Временник Московского общества истории и древностей Российских, 1850. Т. VIII.

² Журнал «Ежемесячные сочинения» за 1756 г.

³ Журнал «Ежемесячные сочинения» за 1756 г., март, стр. 200—201.

⁴ Крашениников С. П. «Описание земли Камчатки». СПб. 1755. Т. I, стр. 215.

⁵ «Пешими», в противоположность «оленым», назывались коряки, занимавшиеся рыболовством.

Наконец, пришли на Камчатку-реку, и здесь уже Атласов с удовлетворением отмечает, что «соболи-де и лисицы у них в земле есть много»¹.

Однако в общем пути «расширения вширь» российского торгового капитала на Дальнем Востоке Камчатка была лишь небольшим подустанком.

На Камчатке дороги разветвлялись.

Цепь Курильских островов вела к Японии, цепь Алеутских—к Америке.

На эти два пункта и были устремлены в этот период все помыслы русских феодалов и купцов.

Уже в 1713 г., через каких-либо пятнадцать лет после появления русских на Камчатке, якутский воевода поручил Козыревскому проведать о находящихся близ Камчатки островах и о Японии: «Какими путями в сию землю проезд, какое там в потреблении оружие; могут ли жители оной иметь дружбу и торговлю с русскими, подобно китайцам, и что им годно из Сибири»².

О необходимости проникновения в Японию и Америку писал в своих предложениях, датированных апрелем 1730 г., капитан Беринг: «Не без пользы было бы, чтобы охотской или камчатской водяные проходы до устья реки Амур и далее, до Японских островов выведать: понеже надежду имеем, что тамо нарочитые места можно находить. И с теми некоторые торги установить, также ежели возможность допустит и с японцами торг завести, чтоб не к малой прибыли Российской империи впредь могло сказаться»³. И дальше: «признаваю, что Америка или иные между оной лежащие земли не очень далеко от Камчатки... и буде подлинно так, то можно будет установить торги с тамошними обретающимися землями к прибыли Российской империи»⁴.

Как же русские завоеватели использовали захват Камчатки?

В первый период своего пребывания там они, не разрушая старого способа производства, ограничились лишь сбором ясака, ибо «и способ грабежа опять-таки определяется способом производства», как указал Маркс. «Нация с развитой биржевой спеку-

ляцией не может быть ограблена таким же способом, как пастушеский народ»⁵.

Торговых взаимоотношений на первом этапе колонизации между русскими пришельцами и коренным населением мы почти не наблюдаем, так как не было необходимости давать что-либо взамен того, что могло быть получено применением «непосредственной силы», в чем, по Марксу, и заключается «существенный момент так называемого «первоначального накопления».

И если ввиде ясака, предназначавшегося для «государевой казны», собиралась преимущественно пушнина, то ввиде чащины—сбора в пользу сборщиков—шли не только остатки пушнины, но и все остальное, что имелось у коренного населения.

«А ежели и впредь будут такие поборы излишиша,—говорил в своей «сказке» родовой старшина Начика, — то нам придти будет в всеконечную нищету, понеже с нас берут ясачную казну, а сверх ясаку берут по три лисицы, а ежели лисиц нету, то берут по три соболи, а соболи нету, то берут куклянками и собольными собаками. И что у нас имеется, то все берут вместо чащин»⁶.

Пытавшиеся протестовать туземцы истреблялись огнем и мечом.

От многочисленного прежде племени анаулов не осталось никаких следов. Анаулы были истреблены. И такое истребление «немирных» народов—не единичный случай: это была система «утренней зари капиталистической эры производства», это было лишь точное выполнение директив правительствующего сената.

«1742 года февраля 3 дня в собрании правительствующего сената докладывано: ...Во искоренении ж оных немирных чюкч поступать по мнению, объявленному в... доношении статского советника Ланга, а именно, на оных немирных чюкч военною оружейною рукою наступить, искоренить вовсе»⁷.

Это о чукчах. А несколько позже то же самое о коряках:

«И посланным в Охоцкую канцелярию указом велено для представленных от той Охоцкой канцелярии резонов, призвав всемогущего бога на помощь, всех изменников коряк военною ружейною рукою по-

¹ Две сказки Атласова. «Чтения Общества истории и древностей Российских». 1891. Кн. III, стр. 6—7.

² Г. С. «Монах Игнатий Козыревский». «Сибирский вестник». 1823 г. Ч. II, стр. 29.

³ «Первое морское путешествие россиян». СПб. 1823, стр. 106.

⁴ Там же, стр. 105.

⁵ Маркс. Т. XII, ч. 1-я, стр. 188.

⁶ Ленинградское отделение Центрального исторического архива. Фонд экспедиции Беринга, д. № 3, л. 140. Все цитируемые ниже материалы хранятся там же.

⁷ Фонд сената, 1-й департамент, д. № 71, л. 543.

бить и вовсе без всякого милосердия искоренить»¹.

«Опустошение и обезлюдение следовали за ними везде, куда только ни ступала их (завоевателей) нога» (Маркс).

Факт за фактом перед нами раскрывается система, столь гениально запечатленная Марксом в главе о первоначальном накоплении, система «предательств, подкупов, убийств и подлостей».

«А всех поголовно мужеска и женска полу малых и больших побито ста с два человек и больше и при том взято в плен малых мужеска полу пять, больших женок семь, итого двенадцать»,—доносил капитан Шатилов, начальник экспедиции против коряков (1751 г.). Перечислив заслуги свои и подчиненных, Шатилов в заключение просит за «радетельную» службу награды рангом.

В 1753 г. группа коряков, спасаясь бегством от завоевателей, пристала на байдарке к одному утесу, и, поднявшись на приготовленных заранее ремнях в расщелину утеса, убрала за собой ремни. Пещера была на расстоянии десяти сажень от земли и сорока сажень от вершины утеса, вход в нее был заложен приготовленным лесом.

Тогда каптенармус Байбородин распорядился «утвердить сверху утеса ремни, и по тем-де ремням от земли поднят был один казак и два человека из коряк и подаваемые были им травяные снопы, обливая нерпичьим жиром, чтоб крепко от того жиру горели, и зажгли у той щели вход... и убили-де из тех изменников в той щели одного человека, а достальных всех сожгли, которых-де воров трупы ради опознания вытаскивали»².

Так из году в год шло истребление «инородцев».

Но колонизация вызывала решительное сопротивление народов Камчатки.

Документальный материал показывает бесконечную цепь крупных и мелких восстаний среди камчадалов и коряков, карательные походы против чукчей.

Методами физического уничтожения оставших колонизаторы пытались удержать в подчинении остальных: «От такого военного страха и другие ясашные и неясашные народы от бунту и измены иметь будут

воздержание и от время до времени верно-поданными быть»³.

Почти столетие длилась на Камчатке борьба с завоевателями.

С каждым десятилетием сопротивление националов становится все упорнее. Ружье—преимущество колонизаторов—часто уступало количественному превосходству туземцев и прекрасному знанию ими местности.

Это особенно заметно при изучении истории восстаний чукчей, которые оказывали наибольшее сопротивление завоевателям.

В одном из первых открытых столкновений с чукчами, во время похода сотника Нижегородова в «чукотскую землицу», в 1731 г., из семисот чукчей убито было около четырехсот пятидесяти, в плен взято сто пятьдесят и лишь ста удалось спастись. Завоевателей же в этом столкновении было убито двое и легко ранены семьдесят человек⁴.

А в 1747 г. у устья реки Орловой чукчи нанесли отряду майора Павлуцкого (сам майор был убит) такое поражение, что из сибирского приказа было велено произвести точное расследование происшедшего и все материалы отправить в Москву, так как местные власти подозревались в сокрытии истинных размеров поражения и обвинялись в том, что «о прибытии означенными немирными чукчами с реченным майором Павлуцким может писано отсюда якобы необстоятельно, об уроне в людех с рапортом партии сотника Ивана Отласова не сходственно»⁵.

Захватывая огнестрельное оружие, националы быстро научились им владеть. В восстании 1731 г. засевшие в Нижнекамчатском остроге камчадалы, завидев приближающихся русских, «стали на них из острогу палить из пушек и из мелкого оружия»⁶.

Среди отнятых у коряков ценностей вроде лисиц, красных и сиводушных, фигурирует еще совсем недавно столь страшное для них «огненное» оружие.

Видоизменяется и техника обороны: с приходом колонизаторов увеличивается число укрепленных острожков. В записях Я. Генса сообщается, что «изменник Валыч построил острог становой и землю в полдерева осыпан, а обретается-де в том остроге изменников сот с пять, бобровских и курильских, а оружия у них имеется пять

¹ Фонд сената, I департамент, д. 750, л. 584—587.

² Там же, д. № 750, л. 633—638.

³ Там же, л. 584—587.

⁴ Экспедиция Беринга, д. № 77, л. 371.

⁵ Фонд сената, I департамент, д. 1552, л. 234.

⁶ Экспедиция Беринга, д. № 3, л. 103—104.

пищалей и что-де на оных изменников в малолюдстве идти не подлежит»¹.

Кроме того появились технически очень простые, но прекрасно защищавшие укрепления из саней.

Путь к таким «крепостям» обычно преграждался ловко замаскированными капканами и ловушками.

Имели место и попытки объединения туземцев для совместной борьбы с завоевателями. Не только камчадалы, но и издавна враждовавшие между собою коряки и чукчи (коряки нередко добровольно шли к русским для помощи в их борьбе с чукчами, угонявшими коряцкие стада) пытаются наладить друг с другом связь.

Имеется очень любопытное показание «ясашного иноземца» Петра Орликова, который в 1746 г. был отправлен для тайного расследования местонахождения посланных для сбора ясака служилых, долго не возвращавшихся обратно.

Будучи на Озерной реке, у камчадалов, Орликов узнал, что к ним «чукчи-де, коряки и юкагиры на погромление здешнего нижнего Камчатского острога... в споможение придти хотят». Кроме того, что «коряки-де с чукчами замирение возымели, объявляя: доколе-де нам между собою иметь брань и от русских терпеть, мы-де их, чтоб они на нашей земле не были, всех до единого искореним»².

План действий, по словам Орликова, намечался следующий: для помощи камчадалам при взятии Нижнекамчатского острога приходят чукчи, коряки и юкагиры. Часть из них будет ожидать очередного прихода русских судов из Охотска. Суда эти предполагалось захватить обманным путем. Сюда же придут и «две байдары олюторов с женами и детьми». «А другие-де пойдут, совокуплясь с тигильскими, на погром в Большерецкий и Верхний остроги». Для осуществления этого плана, по словам Орликова, юкагиры и чукчи уже заперли колымскую дорогу.

И хотя такого объединения туземцев, по существу, не произошло, лето 1746 г. и весь 1747 г. ознаменовываются одновременными большими восстаниями и чукчей и коряков, причем корякам даже удалось уничтожить Акланской острог.

Но ни захват огнестрельного оружия, ни постройка укрепленных острожков, так же, как и запоздалые попытки объединения, не

могли, конечно, быть серьезным препятствием дальнейшему продвижению русских колонизаторов. И если чукчи фактически остались до конца «недопокоренными», то это лишь потому, что борьба с ними велась недостаточно последовательно, с большими промежутками, что объяснялось отсутствием у чукчей предметов, годных для ясака.

В 1740 г. сенат постановил вовсе прекратить походы против чукчей. Но вскоре они возобновились и особенно усилились в конце 40-х и начале 50-х годов.

Одним из важных факторов усиления наступления на чукчей было опасение русских колонизаторов, что чукчи объединятся с коряками.

На Камчатке как и во всей Сибири сразу же после прихода завоевателей устанавливался институт рабства. В 1730 г., читаем мы в показаниях Федора Харчина, одного из руководителей восстания камчадалов: «Комиссар Иван Новгородов посылал ко мне на Еловку за сбором ясашным брата своего Матвея, и брал он с меня за сродников моих двойной ясак, да сверх одного ясаку себе брал по три голов с человека за чашину соболями или лисицами, а у кого взять нечего и лопатю (одеждой) мужским и женским полом»³.

Взятые в рабство «ясашные люди» и захваченные пленники не только обращались в холопство здесь же, на месте, но вывозились и продавались далеко за пределами Камчатки, в частности в Якутск, этот центр российской работорговли. «И у многих побрали жен и детей,—читаем мы в сенатских материалах,—и так уже набрали много, что в Якуцку мало таких козаков есть, у кого б ясашных людей в холопах не было, и к тому же многое число продают разного чина людям, которые развозят по иным городам»⁴.

По переписи 1724 г., «за исключением действительно служащих разных чинов людей в подушном складе» в Верхнекамчатском остроге числилось разночинцев 27 и у них холопов 101, в Большерецком—разночинцев 34 и у них холопов 109 и в Анадырском—разночинцев 6 и холопов у них 27⁵.

Однако рабство на Камчатке носило не плантационный характер. Раб не применялся в производстве, а использовывался преимущественно для личного обслуживания.

³ Там же, д. № 5, л. 556—559.

⁴ Собрание повелений верховной власти. 1733, № 38, л. 298.

⁵ Канцелярия Синода, 1700, д. № 188—504.

¹ Экспедиция Беринга, д. № 3, л. 73—74.

² Фонд сената, 1-й департамент, д. № 1552, л. 60—61.

* * *

При изучении колонизации Камчатки необходимо всегда иметь в виду следующие моменты: использование колонизаторами начинающейся классовой дифференциации среди угнетенных народов, использование национальной розни и опора на религию.

Положение М. Н. Покровского, что «на Востоке царизм был настолько материально сильнее покоряемых, что ему не приходилось искать здесь политической опоры на местах», так как «головог насилия было достаточно», совершенно справедливое для периода первых военных столкновений русских с туземцами, не может быть, однако, распространяемо и на период «мирного освоения» народов Камчатки, период, ознаменовавшийся многочисленными восстаниями.

Опорой российского самодержавия среди восставших племен являлись родовые старшины, «лутчие иноземцы», владельцы оленьих стад, державшие в зависимости своих многочисленных «сродников» и награждаемые впоследствии за верность кортиками и красными кафтанами.

Тайоны (старшины), как правило, становились во главе каждого восстания, они же, как правило, каждое восстание предавали.

Российская колонизация, сужая для тайонов до минимума базу эксплуатации, естественно, толкала их в оппозицию, вместе с тем политика задабривания, проводившаяся русскими в отношении тайонов, и воз-

Чувотские таманы.

можность за счет других сохранить свою собственность и какую-то базу для эксплуатации, заставляли их идти в союзе с русскими.

Степан Харчин, активный участник и руководитель восстания камчадалов 1731 г., проходившего под руководством его брата тайона Федора Харчина, бежал от восставших и перешел на сторону русских, за что впоследствии вместо брата был назначен тайоном в Камчатском острожке между озерами Кайначем и Еловкою.

В одной из инструкций этого периода предписывается выяснить, «что у тех народов князей и лучших людей», переписать их и «иметь с ними ласку и привет и бережение, чтоб они великому государю служили верно и радетельно, и улусных своих людей от всякой шатости унимали, а иных немирных иноземцев под его великого государя великодержавную руку призывали, и за такие их службы великого государя милостью обнадеживать и кто из них такую службу покажет, о том писать в Якуцк, и может за такие службы прислано будет великого государя милость, подарочное жалованье, смотря по ним службе».

Ориентировка на местную аристократию сочеталась с испытанным способом натравливания одной народности на другую: коряки натравливались на чукчей, тунгусы—на коряков и т. д.

С тунгусов, бывших вместе с русскими колонизаторами в походе против коряков в 1748 г., «на тот 748 год до получения из сената указу, велено (ясаку) не взыскивать и взятых в плен коряк от них не отбирать»¹.

«Все ясашные народы безгласны сами по себе, их старшины разных наименований составляли аристократию, выгодную для завоевателей»²,—читаем мы в записке о Сибири генерал-майора Мусина-Пушкина. И не даром в ряде мест старшины и их семейства освобождались от ясака, который за них платило остальное население.

Могущественным средством в руках колонизаторов была также церковь.

Миссионер обыкновенно шел совместно со служилым и получал свою долю в общем грабеже населения.

Как только Атласов привез первые сведения о Камчатке, туда был направлен архимандрит Мартиан.

¹ Фонд сената, 1-й департамент, д. № 689.

² Фонд министерства внутренних дел, департамент общих дел, 111-е отделение по 2-му столу, д. № 45. 1836 г.

Советская Камчатка. Камчатские пионеры в лагере. 1925 г.

Прибыв в 1705 г. на Камчатку, Мартиан в 1711 г. принял участие в бунте казаков и убийстве трех камчатских приказчиков. При дележе имущества убитых Мартиан получил «шубу соболью лапчатую, да Петра Чирикова грабленных дворовых людей камчадальской породы, некрещенных робят, иноземским названием Шомка, да Чистяк, да Володимира Отласова дворовую девку крещеную Настасью»¹.

Колоритной фигурой среди камчатских миссионеров был Игнатий Козыревский. Первую половину своей деятельности Козыревский провел на Камчатке, «попрося у бога милости оружейным боем», а вслед за этим постригшись в монахи из-за опасения наказания за ряд совершенных преступлений, заботился о том, чтобы «камчадальская земля с тамошними народы, не знающими истинного бога, просияла б святым крещением».

Укрепленные остроги — Большерецкий, Нижнекамчатский, с одной стороны, и Успенская пустынь и Покровский монастырь, с другой— вот результаты деятельности Козыревского.

В 1730 г. газета «Санкт-Петербургские Ведомости» возвестила о прибытии в Москву этого камчатского героя. Однако вскоре выяснилось, что Игнатий Козыревский, по-

мимо того, что в свое время был наказан плетью, прибыл в Москву «беспашпортным», после побега из монастыря, а в 1711 г. руководил убийством В. Атласова.

Таковы были миссионеры. Столь же «ревностными» христианами являлись и сами казаки.

По установившемуся обычаю, надевание креста означало, что вновь крещеный всецело принадлежал своему крестному отцу. Поэтому христиане-казаки, без устали крестившие националов, нередко оставляли своих жен и детей некрещеными.

Таким образом, борьба камчадалов против крещения была по существу борьбой за сохранение своей личной свободы.

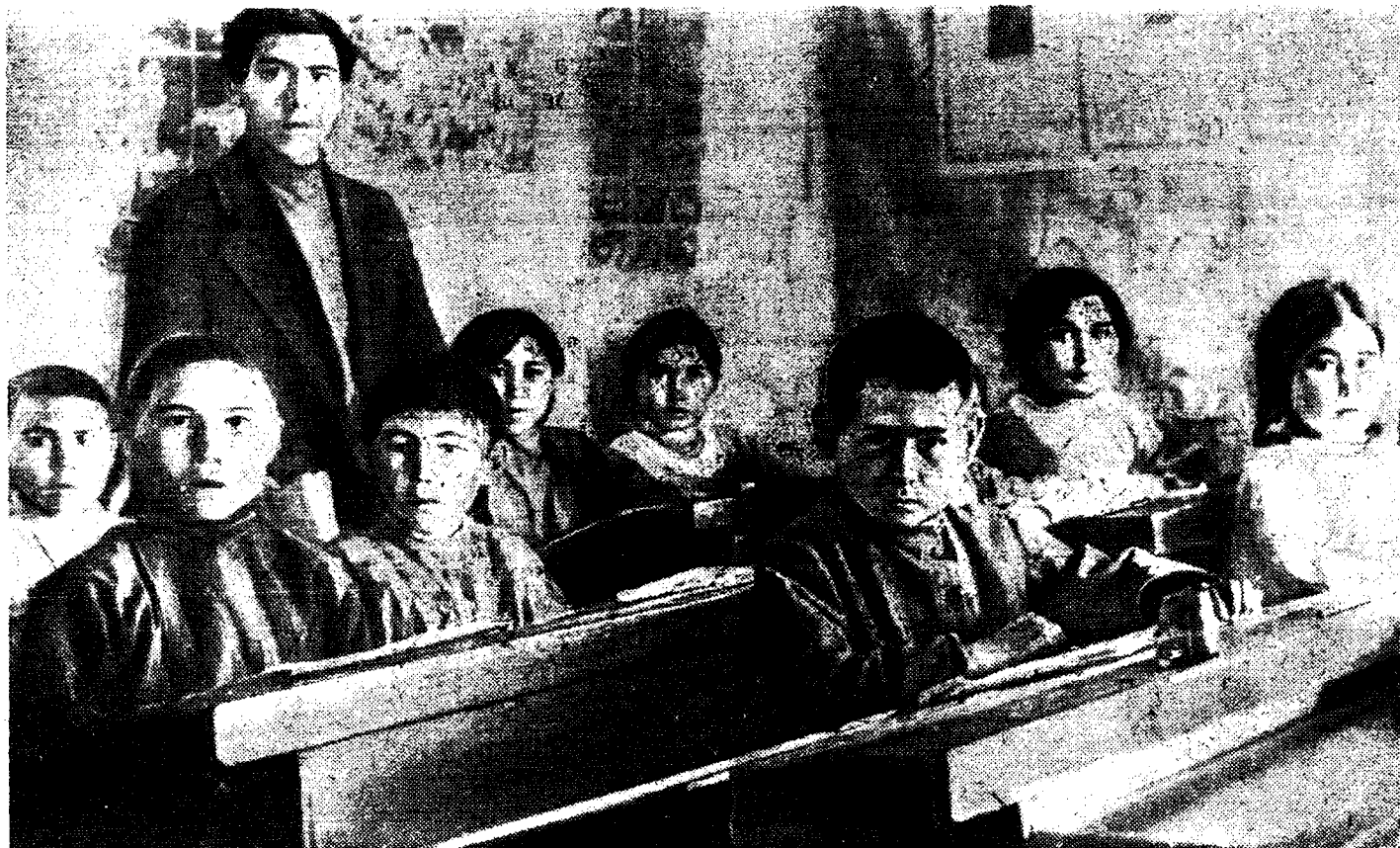
Несмотря на льготы, дававшие крещеным, массовое крещение туземцев имело место лишь тогда, когда сопротивление становилось уже совершенно невозможным.

Таким образом, насаждение христианства на Камчатке закрепляло результаты, достигнутые оружием.

Непосредственно за подавлением восстания среди камчадалов началось их массовое крещение, и уже во второй половине 40-х годов XVIII в. камчатский архимандрит заявил, что ему среди камчадалов делать нечего, так как все они уже окрещены.

Иначе обстояло дело с чукчами, которые так и остались «недопокоренными».

¹ «Памятники сибирской истории». Т. I, стр. 491.

Советская Камчатка. Школа в Кирганаки.

Лишь через 100 лет—в 40-х годах XIX в.— в донесениях из камчатской епархии попадают сведения о принятии христианства... одним или несколькими чукчами.

Результаты колонизации сказались весьма скоро. По подсчетам Атласова, в конце XVII в. «камчадалских иноземцев от Еловки речки до моря 160 острогов. А в остроге в одной зимней юрте, а в иных острогах в 2 юртах живет людей человек по 200 и по 150»¹. На основе этих данных Л. С. Берг² приходит к выводу, что камчадалов в низовьях Камчатки жило в это время около 25 тыс. С. Патканов³, на основе данных Крашенинникова для 1741 г., считает число камчадалов в 12—13 тыс. душ. А в 1897 г., по официальным данным, камчадалов насчитывалось лишь около 4 тыс.

Хотя эти данные не совсем точны, они все же ярко показывают темп вымирания камчадалов.

В течение двадцати лет, отделяющих одну ревизию (перепись) от другой (третья

¹ Две сказки В. Атласова. 1891, кн. III стр. 6—7.

² Берг, Л. С. «Открытие Камчатки и камчатские экспедиции Беринга». Гиз. М. и П. 1924.

³ Патканов, С. О. «О приросте инородческого населения Сибири», стр. 134. СПб. 1911.

1761—1767, четвертая—1781—1797), число ясашных камчадалов в Нижнекамчадалском округе уменьшилось от занесенной русскими эпидемии оспы больше чем в два раза.

По третьей переписи числилось ясашных 2219, а по четвертой—всего лишь 981.

Европейская культура предстала перед камчадалами во всем ее блеске еще в период походов Атласова. Первыми ее подарками был лазоревый бисер и... сифилис.

* * *

«Существование капитализма без национального гнета,—отмечал в своих резолюциях X съезд нашей партии,—так же немислимо, как немислимо существование социализма без освобождения угнетенных наций».

На Камчатке начало освобождения угнетенных, эксплуатируемых народов приходится на конец 1922 г., когда на полуострове окончательно были ликвидированы белобандиты.

За 12 лет существования советской власти Камчатка из края, который «постепенно клонился к упадку», где «средства к жизни истощались», куда «культура и образование не проникали»⁴, превратилась в край

⁴ Слюнин, Н. «Охотско-камчатский край», стр. 92. СПб. 1900.

передовой рыбопромышленности, в край, где процент охвата обучением детей школьного возраста в среднем равен 48¹.

«Естественный процесс вымирания туземного населения», как именовали буржуазные ученые непрерывное уменьшение коренного населения Камчатки, не только приостановился, но, наоборот, народности Севера культурно растут и количественно увеличиваются.

Прекрасную иллюстрацию этого положения дает сравнение статистических данных об эволюции числа националов в советской и японской частях Сахалина. В то время как в Карафуте (японская часть Сахалина) мы наблюдаем быстрый процесс вымирания туземного населения (в 1925 г. «естественная» убыль туземных народностей Карафуте была равна 11%), по данным пробной переписи УНХУ РСФСР, в 1932 г. гильяки на Советском Сахалине дали 20,8% естественного прироста.

За последние четыре года 50-тысячное туземное население Камчатки увеличилось на 10 тыс.².

На Камчатке, где до революции не было

¹ В Чукотском округе—48%, в Корякском—57%, в Охотском — 38%. цифры заимствованы из «Советского Севера» № 1 за 1934 г.

² «Советский Север» № 1 за 1934 г.

почти ни одного промышленного предприятия, в 1932 г. было уже 10 рыбоконсервных, 7 береговых и 10 пловучих крабоконсервных заводов. Продукция рыбопромышленности с 1928 по 1934 г. возросла почти в 10 раз.

По данным Акционерного Камчатского О-ва, общая сумма капитальных вложений на Камчатке в течение первой пятилетки равнялась 50 714 тыс. руб. Из них 74,1% было вложено в промышленность, в частности в рыбопромышленность.

Огромное внимание уделяется развитию сельского хозяйства на Камчатке. Посевная площадь по социалистическому сектору в 1932 г. по сравнению с 1930 г. возросла почти в 6,5 раз, а по единоличному сектору—почти в 4 раза.

Восстанавливается разрушенное царизмом и интервентами пушное хозяйство края. Ныне Камчатка—основной поставщик соболя в Советском союзе (более 1/3 всей продукции).

Вторая пятилетка, предусматривающая «ускоренный экономический и культурный подъем отсталых национальных республик и областей, в отсталости которых еще до сих пор сказывается наследие царско-колониального режима», еще более резко преобразит облик Советской Камчатки.

ВОССТАНИЕ КРЕПОСТНЫХ

ПОМЕЩИКА КАЛАНТАРОВА 1853 Г.

В начале XVIII в. беглые крестьяне из Воронежской губернии, пробравшись в свободные Ставропольские степи, поселились на берегу реки Кумы. Началось привольное житье: земля жирная, плодородная, нет ни помещиков, ни урядников. Но в 80-х годах XVIII в. царское правительство переселило в это село, известное под названием «Урочище-Привольное», казенных крестьян¹ из Центральной России. А в 1798 г. кавказская казенная палата продала всех этих крестьян помещику Зотову и назвала село Маслов Кут. Опять наступила крепостная неволя.

В 1825 г. маслокутских крестьян купили помещики, братья Калантаровы, которые вели крупную торговлю хлебом. В 1838 г., согласно доверенности, полученной от братьев, имением управлял хвалившийся своей «культурностью» отставной «ротмистр гвардии Герасим Калантаров». Он «обратил все свои мысли к извлечению из имения сколько возможных больших выгод в свою пользу»². Положение барщинных крестьян было ужасно. Каждому давался такой урок, который выполнить в обязательные 3 дня не было никакой возможности. Поля находились за 70 верст от села, а поездка туда и обратно не засчитывалась. Тяжесть условий усугублялась тем, что детям и подросткам давались совершенно непо-

¹ Казенными, государственными считались крестьяне, выполнявшие ряд повинностей в пользу государства и не принадлежавшие отдельным помещикам.

² Архив революции. 3-е отд. 4-я экспед. Дело № 118. О неповиновении крестьян помещика Калантарова, л. 59.

сильные уроки, и родители вынуждены были отрабатывать за них эти уроки. Очень часто только что отработавших на барских полях крестьян приказчик опять посылал на какую-нибудь «неотложную» работу. За малейшееслушание и «нерасторопность» налагались штрафы, например: «распашка вне очереди и сверх плана господской земли, перевозка хлеба, соломы и земли на плотины»³. Барщинному крестьянину не оставалось времени для работы на своей пашне. Группа оброчных⁴ выполняла непосильные оброки. В среднем семья, состоящая из «одного тягла, одного сына старше 17 лет, 2 сыновей моложе 17 лет, должна была выплачивать оброк не менее 300 руб. и 450 мер пшеницы»⁵. Земли у крестьян было мало. Чтобы уплатить такой большой оброк, приходилось арендовать землю у своего же помещика, «который для этой цели брал казенную землю по 8 коп. за десятину, а отдавал оброчным по 2 руб.». Малооброчные⁶, «по уговору» с помещиком должны были работать 4 недели в году, но фактически они работали во много раз больше. Оброчные и малооброчные обязаны были перевозить на своих волах господский хлеб, оставляя свой хлеб неубранным. Крестьяне назначались в далекие обозы, но «поездки эти в счет не принимались, хотя эта работа по затрате времени и силы была чрезвычайно трудной... Волы и лошади падали, крестьяне оставались без тягла»⁷. Эксплоатация крестьян «культурным» помещиком-купцом на этом не заканчивалась. Буквально вся жизнь крестьян зависела от произвола помещика. Так например он даже запрещал продавать хлеб на стороне и молотить зерно не на его, помещичьей, мельнице; за право разводить виноградники взимал по 25 руб. Помещик отбирал у крестьян для своих нужд дома, сараи, повозки, бочки, кадки и т. п. «Брал в дом к себе, отнимая от малолетних детей, кормилиц. Детей в плохой одежде зимой выгонял жать камыши. Женщин с грудными детьми посылал жать камыши за 15 верст от села. Отдавал крестьян в услужение своим приказчикам. Взыскивал с некоторых крестьян

³ Там же, стр. 60.

⁴ Оброчными назывались крестьяне, которые вместо работы на барской запашке должны были ежегодно платить помещику оброк деньгами или продуктами.

⁵ Цитир. дело, л. 63.

⁶ «Малооброчные» платили меньший оброк, но зато должны были обязательно работать на помещика месяц в году.

⁷ Там же, л. 64.

рекрутские деньги, а потом еще посылал их в рекруты. Насиловал девушек и крестьянских жен»¹. За малейшую провинность жестоко наказывал крестьян, их жен и детей розгами, избивал кнутом и палками, кулаками и ногами. Многие после таких пыток умирали. В расправах помещику помогали управляющий, приказчик, старшина. Приказчик Яков Заика избил «Авдотью Судакову и бывшего у нее на руках в это время грудного сына, оба через несколько времени от побоев умерли»².

Калантаров, развивая все большую торговлю хлебом и вином, принудительно скупал у крестьян хлеб по ценам дешевле рыночных, заставляя их покупать кислое, забракованное на рынке, вино. На этих операциях он зарабатывал большие деньги.

Масловокутские крестьяне уже в начале XIX в. писали жалобы, посылали ходяков к «высшему начальству». Помещик отдавал ходяков в солдаты, ссылал в Сибирь. Наконец, в 30-х годах один ходок добрался до Петербурга и подал в Сенат жалобу на неправильную передачу крестьян в крепостное пользование. Крестьяне в жалобе писали, «что они люди вольные как казаки». Жалобу отклонили, признав «права помещика на них верными». Крестьяне не успокоились, подали другую жалобу проезжавшему по Кавказу наследнику-цесаревичу (будущему царю Александру II). Эта жалоба попала к Николаю I, и снова «даже всевышним повелением они признаны во владение своих помещиков». В 1845 г. крестьяне жалуются в Сенат на Калантарова, который «разорил совсем и наказывает плетью и палками». Сенат распорядился «предупредить» помещика. Калантарова «предупредили», но положение крестьян не изменилось. Ходока же наказали палками и сослали в Сибирь. В этом же году Герасим Калантаров был избран губернским предводителем ставропольского дворянства.

Убедившись, что жаловаться помещикам на помещика бесполезно, масловокутские крестьяне изменили образ действий. В 1845 г. пятигорский уездный исправник доносил кавказскому наместнику, что «крестьяне стреляли в Калантарова»³. А через 5 лет, в начале декабря 1850 г., вспыхнуло восстание. Крестьяне Неувейтайленко, Осип Скопаченко и Алексей Беляков «подобрали 89 крестьян, хотели ночью поджечь мельницу и в общей суматохе замыслили убить

помещика Калантарова, приказчиков, управляющего и эконома». Благодаря чьему-то предательству Калантаров узнал о замышлявшемся восстании и вызвал из Пятигорска жандармов, жестоко расправившихся с крестьянами. Наказание производилось на площади в течение 3 дней, «с особой жестокостью был наказан Неувейтайленко, который после наказания харкал кровью и через три месяца помер»⁴.

Шесть руководителей этого заговора были отправлены в Сибирь, но эта жестокая расправа не испугала крестьян. Место сосланных в Сибирь заняли новые вожаки: Василий Кикоть, Василий Славянский, Макушенко и отставной солдат, слепой старик Величко. Под их руководством 2 января 1853 г. «за время отсутствия помещика, при назначении на работу крестьяне оказали послушание, потом стали набирать охотников действовать заодно, а нежелающих принуждать побоями: разогнали распорядителей, сменили атамана»⁵.

На другой день в село приехал отряд земской полиции, которому крестьяне оказали явное сопротивление.

Когда восставшие узнали, что для усмирения их посланы войска, они начали строить баррикады.

В Маслов Кут были направлены 900 казаков и 4 легких орудия. 11 января войско под командой капитана Лизогуба прибыло в село. К этому времени «толпа крестьян в количестве 2 тыс. душ с женщинами и детьми заняла площадь около церковной ограды. Крестьяне были вооружены железными кистенями, вилами и дубинами, оставив себя с двух сторон повозками с бочками, наполненными водой»⁶. Войско расположилось на той же площади бивуаком. Капитан Лизогуб начал уговаривать крестьян разойтись. Восставшие ему отвечали: «Помещик наш владеет нами незаконно, притесняет нас, мы люди вольные и до тех пор не разойдемся, пока не обявят нам о нашей свободе»⁷.

12 января в Маслов Кут приехал ставропольский губернатор Волоцкий, чтобы лично руководить усмирением. В этот же день он направил к восставшим привезенного из Георгиевска священника Василия Попова.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Рапорт наместника Кавказа князя Воронцова шефу жандармов, л. 57.

⁶ Там же. Рапорт ставропольского жандармского штаба капитана Лизогуба шефу жандармов, л. 7.

⁷ Там же, л. 7.

¹ Цитир. дело, л. 75.

² Там же, л. 70.

³ Там же, л. 77.

Этот священник пользовался в округе большой популярностью. Ему было поручено уговорить крестьян разойтись. Но «когда священник самоотверженно старался образумить их словами божьими, они требовали, чтобы он удалился»¹. Тогда сам губернатор под'ехал к восставшим. В ответ на его уговоры разойтись «крестьяне подняли вверх кистени и вилы и закричали: «Мы люди вольные, мы не хотим помещика и не пойдем с площади. Ура! Свобода! Ура! 2»». Губернатор стал уверять их, что если они разойдутся, он сам расследует жалобы. В ответ восставшие опять закричали: «Помещик нас обижает, разорил совсем, мы дали друг другу строжайшую клятву и готовы на все, лишь бы получить свободу»³. Рассерженный таким упорством, генерал спросил, чего же они хотят. Двухтысячная толпа в один голос закричала: «Волю, волю хотим!»⁴.

Губернатору надоели бесплодные переговоры, и он приказал стрелять из орудий.

¹ Цитир. дело. Рапорт наместника Кавказа князя Воронцова шефу жандармов, л. 37.

² Там же. Рапорт ставропольского жандармского штаба капитана Лизогуба шефу жандармов, л. 9.

³ Там же, л. 37.

⁴ Там же.

Первым выстрелом были двое убиты и один ранен. Но толпа даже не шелохнулась. Рассвирепевший губернатор Волоцкий приказал дать из орудий несколько залпов...

Через несколько дней после подавления восстания наместник Кавказа князь Воронцов рапортовал шефу жандармов: «Таким образом бунтовавшее скопище рассеяно и усмирено. Убито 79 человек, ранено и контужено 158 человек, из них 44 умерло потом»⁵. Количество убитых и раненых, безусловно, преуменьшено. Память о восстании жива еще по сей день. Старики, которые слушали об этом рассказы очевидцев, все в один голос говорят, что убитых было «около 500 душ».

Расстрелом не закончилась расправа крепостников с восставшими крестьянами. Шесть месяцев заседал смешанный военный суд. 6 мая 1855 г. был вынесен приговор. На разные сроки тюремного заключения было приговорено 556 чел., из них 64 сосланы в Сибирь и отданы в солдаты.

Так закончилось одно из крупных крестьянских восстаний накануне реформы «освобождения» крестьян 1861 г.

⁵ Там же, л. 41.

А. Мишулин

СТРАНИЧКИ ИЗ ИСТОРИИ

АССИРО- ВАВИЛОНИИ

1

Реки Тигр и Евфрат текут параллельно на расстоянии почти 2 тыс. км.

То сближаясь, то отдаляясь, они образуют восьмерку, разделяя Месопотамию (Двуречье) на два овала: северозападный, более обширный, образует собственно Месопотамию, юговосточный называется Сенаар. В более плодородной и лучше орошаемой части Месопотамии (среднее течение Тигра, район его многоводных притоков) оформилось государство Ассирия. В Сенааре (назывался также Савад, т. е. Черная земля) сложилось большое государство Вавилон (третье тысячелетие до нашей эры).

Первыми, по историческим данным, в долине Тигра и Евфрата появились так называемые шумерийские племена (четвертое тысячелетие до нашей эры). До сих пор еще не ясно, к какой этнографической ветви они принадлежали: некоторые считают, что они были близки к семитам, другие, наоборот, полагают, что шумерийцы коренным образом отличались от семитов. Наконец, есть основание утверждать о родстве их с дравидскими племенами античной Индии, на что указывают такие ученые, как Холл, Сейс и Д. Маршалл.

Судя по дошедшим до нас документам (главным образом таблички, найденные при раскопках старосумерийских городов, особенно Лагаша¹), хозяйственная организация

первобытных племен Сенаара и Месопотамии почти не отличалась от хозяйственной организации египетских номов. Земля в Сенааре и Месопотамии была общинной собственностью. Самостоятельных, основанных на индивидуальной земельной собственности крестьянских хозяйств, подобных крестьянским хозяйствам Греции и Рима, там не было. Все управление землей сосредоточивалось в руках или жреческой касты или просто чиновничьей бюрократии, которая периодически производила разделы земли, наблюдала за сбором урожая и руководила выполнением крестьянством кабальных повинностей.

Вслед за периодом последних шумерийских царей, объединивших Нижний Тигр и Евфрат, наступил период так называемого Шумеро-Аккадского царства (около 2800 г. до нашей эры). В Нижнее Двуречье вторглись семиты. Их цари Саргон и его сын Нарамсин царствовали приблизительно между 2800 и 2500 гг. до нашей эры. Хозяйственно-политический строй Сенаара в эту эпоху опять-таки во многом напоминал строй древнего царства в Египте.

Новые передвижения народностей: эламитян, аморитян и других—вызвали перенесение политического центра из южных городов Сенаара на север. Вскоре выдвинулся новый центр—Вавилон,—вокруг которого сложилось Вавилонское царство (около 2200 г. до нашей эры). Знаменитым представителем вавилонского периода является известный царь Хаммураби, оставивший после себя ряд дошедших до нас исторических документов, из которых следует указать на важнейший—«Кодекс законов Хаммураби»². В этот период Ассирия находилась в подчинении у Вавилона.

После распада Вавилонского царства (около 1800 г. до нашей эры), которое сохранилось лишь в размерах небольшого округа около Вавилона, возникли государства касситов и хеттов.

Но и эти империи в XV—XIII вв. до нашей эры распались.

Тогда главную роль в долине Двуречья заняла Ассирия, подчинившая себе и Вавилон.

² Имеется русский перевод Волкова в серии «Культурно-исторические памятники Древнего Востока», под ред. проф. Тураева, или в хрестоматии «Древний мир в памятниках его письменности». Ч. 1-я «Восток». 1916.

¹ Лагаш — шумерийский город в Сенааре.

Около XIII в. до нашей эры в Ассирии начался технический переворот—железные орудия и оружие получили массовое распространение. Ассирийцы выступили в передней Азии пионерами железного века. В этом была причина того, почему им удалось подчинить Вавилон и создать могущественное Ассиро-Вавилонское царство, которое только в VII в. было раздроблено и завоевано двинувшимися с востока племенами мидян и халдеев.

На этом развитие государств Двуречья Сумерийско-Аккадского, Вавилонского и Ассирийского,—связанных между собой известной исторической преемственностью, а также единством хозяйственно-политической системы, культуры, быта и понятий, как бы оборвалось.

2

Долину Тигра и Евфрата пересекали многочисленные торговые пути, способствовавшие развитию торгового капитала. Интересы торгового капитала нашли яркое отражение в официальной идеологии государств Двуречья.

Централизованное руководство орошени-

Стела свода законов царя Хаммураби (Лувр. Париж).

ем долины, регламентация всей хозяйственной и общественной жизни царскими постановлениями, колоссальная роль царской бюрократии—все это создавало представление, что царь—организатор всей жизни на земле, божественный руководитель земных дел. Весь текст законов вавилонского царя Хаммураби пронизан идеей недостижимого авторитета и божественной власти царя.

Царь называется там «непорочным князем», «несравненным царем», «благожелательным пастырем», «царем могучим среди царей», «царем-законодателем» и «владыкой».

Однако, более мощное, чем в Египте, развитие торгового капитала, рост товарооборота определили то, что в Вавилоне рано стали выделяться представители торговли и обмена. Власть царя в Вавилоне поэтому не имела такого резко выраженного деспотического характера, как в Египте. Это отразилось в том же кодексе Хаммураби, в котором была гарантирована некоторая свобода торговцам, купцам и ремесленникам, но вместе с тем подчеркивалось, что они, как и крестьяне,—подчинены, в первую очередь, авторитету божественной власти царя. «Поистине, Хаммураби—владыка, который для своего народа как бы отец во плоти; он был покорен слову Мардука, своего владыки, и потому одержал для Мардука победу вверху и внизу, радовал сердце Мардука, своего владыки, доставил навсегда благоденствие народу, правил страну справедливо»¹.

На основе ряда пунктов кодекса можно судить о положении рабов в Вавилоне. Например статья 282-я устанавливает наказание за нарушение покорности раба. «Если раб,—говорится там,—скажет своему господину: «Ты не господин мне»—то по изобличении его им, как своего раба, господин может отрезать ему ухо» Вместе с тем в ряде мест кодекса неоднократно подчеркивается благоденствие всего народа под властью великого царя. Препаранды «надклассовости», полезности царской власти была направлена к тому, чтобы затушевать классовые противоречия, доказать народным массам справедливость существующего строя.

В Вавилоне как и в Египте жрецам— крупным рабовладельцам и землевладельцам— было вверено наблюдение за разливами рек. Так как разливы происходили не-

¹ Законы вавилонского царя Хаммураби, перевод Волкова.

регулярно, жрецы должны были точно определять время этих разливов и возвещать народу о погоде и ее изменениях. Это заставило жрецов изучать небесные явления и стимулировало развитие астрономической науки. Поскольку небесные явления приобретали значение хорошего или худого знамения для земледельческого населения долины, естественно возникло обожествление явлений природы и в первую очередь тех явлений, которые влияли на разливы рек и успехи земледелия. Жрецы брали на себя посредническую роль между волей богов и людьми. Кроме того, жрецы вели вокруг храмов обширные коммерческие операции, требуя для этих операций ссуд со стороны государства.

Именно это обстоятельство и заставило Хаммураби точно установить правовые нормы торговой политики, ибо самостоятельные торговые операции жречества и накопление ими больших сокровищ угрожали политическому могуществу и божественному авторитету царя.

Господствующим классам и в Вавилоне, и в Ассирии противостояла вся масса трудового крестьянства и рабов. Орудием порабощения этой массы было не только голое насилие, но и ряд мероприятий царей, создавших видимость защиты угнетенных, например, законы об охране слабых от сильных, об ограждении крестьян и рабов от чрезмерной эксплуатации и т. д.

Особое значение в одурманивании масс имели идеи так называемых «божественных санкций», суть которых заключалась в том, что тот или иной закон царя трактовался как высшее, божественное откровение. Не царь и его чиновники устанавливали законы, а боги, якобы, передают их царю для безусловного и точного проведения в жизнь. За невыполнение или нарушение этих законов боги могли, как было сказано в кодексе Хаммураби, напустить «беспросветную тьму», вызвать «иссыкание водных источников» и в частности «высыхание Тигра и Евфрата у истоков», вызвать «смуту и восстание»¹, и т. д.

Но как ни безупречна была святость богов и как ни высок был авторитет божественной власти царя, массы в момент обострения классовой борьбы сбрасывали покров дурманившей их мистики и выступали, как против царей, так и против самих богов.

¹ Кодекс Хаммураби, указанный выше, перевод Волкова.

Царь Ассурбанипал и божество Ассур. Древнеассирийский рельеф (Эрмитаж. Ленинград).

3

Сумерийцы, как и египтяне, в свой кочевой (номадный) период прошли стадию первобытного тотемизма².

² Обожествление животных.

Ассурбанипал на троне. Древнеассирийский рельеф (Британский музей).

С переходом к земледелию основную роль в религии шумерийцев начали играть анимистические представления, развившиеся позднее в культ природы.

Большую роль в ранних анимистических верованиях шумерийцев играли злые духи, причинявшие общественные и личные бедствия людям. Особенно страшны были так называемые «семь духов бездны», которые представлялись в виде жгучих, опустошительных ветров или мучающих людей вампиров, или просто исчадий ада. «Семь духов бездны» были сначала добрыми духами, но потом они восстали против Ану — великого божества неба. В наказание за это великий Ану сделал так, что духи были свергнуты с неба и превращены в источник зла. В представлении шумерийцев существовало еще около 600 других, более мелких злых духов.

Основным способом воздействия на злых духов являлась магия. Особенно широкое распространение магия получила в Вавилоне. Носителями магической мудрости в Вавилоне были волхвы, также выполнявшие ряд религиозных функций. Они применяли белую, т. е. направленную к добру, и черную, направленную к злу, магию, выступали с различного рода магическими талисманами, амулетами и заклинаниями, которые должны были отгонять злых духов.

Наиболее популярным талисманом было изображение того самого «духа», или беса, на которого надо было воздействовать, ибо бес, по народному поверью, увидев свое

отвратительное изображение, неизбежно в страхе убегал. Особенно ужасный вид придавали шумерийцы и древние вавилоняне изображению беса «югозападного ветра», дувшего, очевидно, с Аравийской пустыни и вызывавшего засуху и голод в стране. Он имел голову мертвеца с козьими рогами, собачье туловище с четырьмя крыльями и руки, напоминающие лапы кровожадного зверя.

Наряду с этими талисманами употреблялись и другие средства укрощения бесов: различные мази, душистые масла (вроде елея у христиан), окропление водой, а также заклинательные формулы и разного рода обряды.

Великой божественной силой добра, перед которой не могли устоять силы бесов, было верховное существо — бог Илу, первоисточник всего мироздания.

С укреплением и развитием земледельческой культуры в Сенааре это отвлеченное божество принимало более конкретные формы. Засуха, гроза, дожди, небо, вода — персонифицировались в образе того или иного божества.

Так создавался культ бога Таммуз и богини Иштар, культ, характерный для аграрных условий древнего Вавилона. Бог Таммуз был богом растительности и плодородия. Он умирал осенью, и каждую весну Иштар, его супруга, богиня любви и покровительница материнства, вызывала его к жизни.

Специфической особенностью религии вавилонян был ее астральный характер, обусловленный огромным значением в хозяйственной жизни страны небесных явлений.

Наблюдение за состоянием неба, погоды и наступлением разливов для своевременной подготовки к полевым работам приводило к одухотворению, в первую очередь, именно таких явлений, которые, по представлению вавилонян, непосредственно влияли на благосостояние земледельца. Так, главным вавилонским богом стал «бог весеннего солнца» — Мардук. Наблюдение за луной и значение фаз ее для определения погоды и разливов привели к созданию культа лунного бога — Сина. Мардук во времена Хаммураби и позже приобрел значение верховного покровителя царя и всей его династии. Позднее, с возвышением Ассирии, ассирийцами были восприняты вавилонская культура и религия. Но среди ассирийских богов главным были бог Ассур (или Ашур) и богиня Иштар.

Тиглат — Пилезар, нападающий на город. Вельефное изображение на стенах Ниневийского дворца (Британский музей).

Изучение основных верований ассирийцев и вавилонян о происхождении мира, о победе света над мраком, о сотворении человека и борьбе за его бессмертие, о его грехопадении, о всемирном потопе раскрывает влияние ассиро-вавилонской мифологии на мифологию израильтян. Важнейшими источниками для изучения верований ассиро-вавилонян являются семь табличек библиотеки царя Ассурбанипала (VII в. до нашей эры), показания жреца Беросса (III в. до нашей эры), миф об Адапе, исследованный английским ученым Ленгданом, а также сказание о потопе.

Сказание о потопе имело основой, очевидно, бывшее когда-то наводнение, причинившее большие общественные бедствия. В Сенааре и особенно в его южной части разливы Тигра и Евфрата довольно часто переходили в сплошное наводнение. В ранний период истории народы Сенаара были совершенно бессильны в борьбе с водной стихией. Но и разливы более позднего времени оживляли в народной памяти сказание о всемирном потопе.

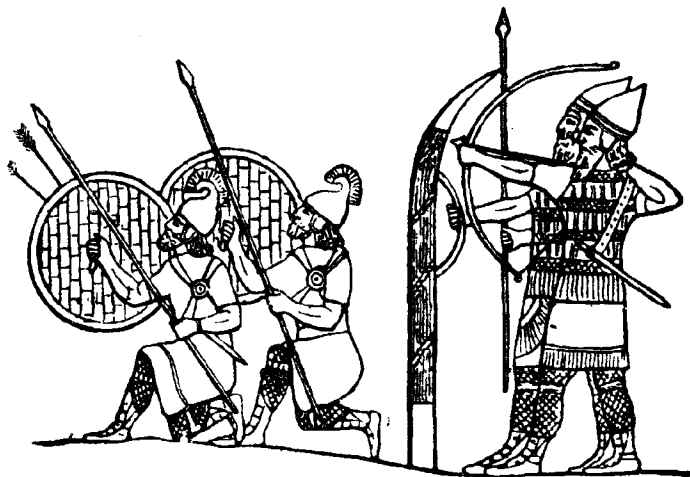
4

Как в Египте, так и в Вавилоне жрецы были правой рукой царя и его бюрократии, держа массы в тисках духовного порабощения.

Как и в Египте заупокойный культ в Вавилоне открывает существо классовых отношений того времени¹.

В связи с заупокойным культом, в связи с выяснением того, что считалось грехом, раскрывается картина острых социальных противоречий в Ассиро-Вавилонии. Вот выдержки из исповеди-заклинания, которая дошла до нас из библиотеки Ассурбанипала: «Не говорил ли он дурного... Не позволил ли он говорить неправду... Не поссорил ли он отца с сыном, сына с отцом... Не согрешил ли он против бога... богини... Не обвешивал ли он, не обсчитывал ли фальшивыми деньгами... Не лишал ли он законного сына наследства и не давал ли его незаконному... Не проводил ли он неверной границы и не отказывался ли проводить правильную... Не похищал ли платья ближнего своего... Не восставал ли он против начальства... Не старался ли во имя замышлен-

¹ О заупокойном культе вавилонян и ассирийцев можно судить на основе небольшого числа документов: «Песнь о Гильгамеше», «Сказание о нисхождении Иштар в ад», на основе заклинательных псалмов и формул, дошедших до нас из библиотеки Ассурбанипала

Ассирийская фаланга под стенами осажденного города.

ной несправедливости преследовать и отвергать, уничтожать и губить правого, грабить, злодействовать...»²

Эта выдержка свидетельствует о распространении таких фактов, как обмеривание, обвешивание, грабеж, а также и об острой социальной борьбе, о чем говорят такие термины, как «насилие», «несправедливость», «восстание против начальства».

Важнейшим идеологическим орудием подчинения масс была идея блаженства загробной жизни для тех, кто беспрекословно подчинялся на земле установлениям господствующих классов.

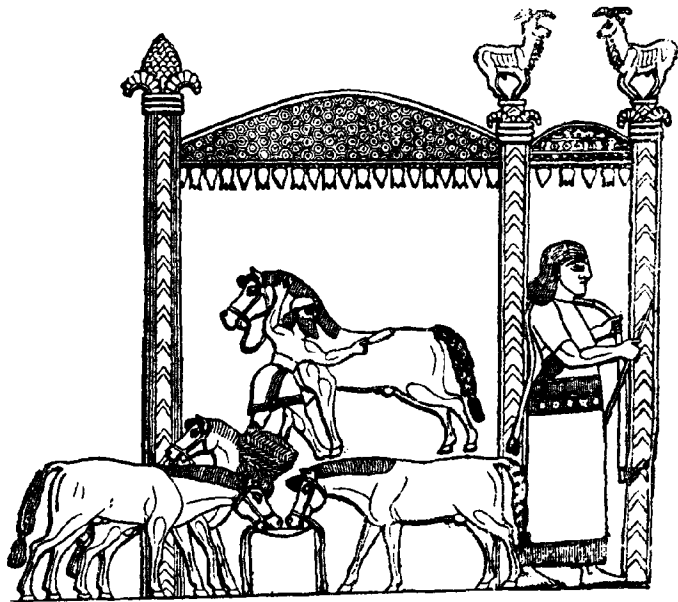
Но вся мощь царского и божественного авторитета не могла, однако, убить в массах протест против невыносимых условий жизни. Так, еще в шумерийский период, во времена гегемонии лагашского царя

² См. книгу Тураева «Классический Восток», стр. 254. Издательство Брокгауз-Ефрон, под ред. Струве. Л. 1924, или в сборнике «Древний Восток», стр. 33, под ред. Тураева, док. № 25.

Ассирийцы считают убитых. Из ниневийских барельефов.

Ассирийский рельеф из Нимруда.

Эннатума, было всеобщее восстание крестьянских масс, свергнувших царя. Этим восстанием началось широкое освободительное движение, которое под руководством диктатора Урукагина закончилось рядом реформ в пользу бедных: уничтожены были неправильные поборы, упразднены чиновничьи должности, отобраны у жрецов и светских сановников храмовые земли и владения.

В дальнейшей истории Вавилона в ряде документов повторяются довольно часто упоминания о «смуте и восстаниях».

Восстания эпохи ассирийского царства, как например, восстание крестьянства в 763 году до нашей эры против царского правительства, перерастали нередко в целые революционные движения под знаменем борьбы против жречества и создавшейся вокруг храмов аристократии. Так например приведенный к власти революцией 763 года, вышедший из низов царь Тиглат-Палас-

Рельеф из дворца Санхериба в Куйунджике.

сар III, полководец и реорганизатор армии на широких демократических началах, и его преемник Салманассар V всю свою политику строили на борьбе против жречества.

Нужно, однако, заметить, что вожди, приходившие к власти в результате восстаний масс, борясь с рабовладельческо-деспотическим строем, защищали свои интересы, интересы торгового капитала. И тем, не менее, совместная борьба открывала широким массам глаза на социальную несправедливость. Массы начинали понимать значение аппарата жрецов, предназначенного для обмана народа. В VIII в. началось широкое движение против существовавших культов. Для характеристики содержания этого движения можно сослаться на два интересных документа этой эпохи: табличку о «Невинном страдальце» и «Диалог господина и раба о смысле жизни»¹.

Повесть о «Невинном страдальце» наполнена большим социальным содержанием. Это рассказ страдающего человека: «...Куда ни обращусь,—бедствие. Напасти увеличилось, благоденствия не нахожу... Насгроение людей меняется непрерывно: они голодны—подобны трупу; они сыты—чувствуют себя богами; им хорошо—они говорят о восхождении на небо; они подавлены—говорят о сошествии в преисподнюю... Как превратно все на свете».

Несмотря на то что, как видно из текста повести, «страдалец» занимал довольно приличное положение в обществе, он был охвачен общим недовольством¹. Этот в высшей степени интересный документ говорит о тех явлениях и классах, по отношению к которым «страдалец» был настроен оппозиционно. «Невинный страдалец» разочарован в религии: «...Я всегда думал о мольбе и молитве, молитва была моим правилом, жертва—моим законом, день богослужения—радость сердца моего, день почитания богини—мои прибыль и богатство». Но теперь «страдалец» вынужден заявить: «предначертание бога—темнота...»

«Страдалец» был в оппозиции не только к господствовавшей тогда религии, но, как это видно из дальнейшего текста, и к жрецам, ибо жрецы бессильны помочь страдальцу. Если религия неспособна помочь народу, то тем более ее жрецы бессильны уничто-

¹ Табличка дана в переводе Б. Тураева в «Классическом Востоке», стр. 255—256. Диалог—в переводе Струве, см. «Религия и общество», сборник 1926 г. Ленинград.

жать нужду народа... «Жрец «бару»—говорит «страдалец»,—не предсказал будущего, жрец «шакну», не добился моего оправдания при возлиянии, к жрецу «закику» пошел, но и он не дал мне услышать ответ... Как превратно все на свете!»

Такая уничтожающая характеристика жрецов говорит, что «страдалец» целиком и полностью разочаровался в жреческом классе.

«...Я уподобился рабу, — говорит «страдалец», — яростный вырыл для меня яму. Пошли мне избавителя: на мой вопль открой для врага яму. День — вздохи, ночь — слезы, месяц — вопли, год — скорбь. Я дошел до конца жизни». Этот отрывок бросает свет на социальные отношения того времени. Ссылки на «яростного» или указание на «врага», на борьбу с которым «страдалец» призывает избавителя, и, наконец, сравнение «страдальцем» самого себя с «рабом» — все это говорит, что классовая борьба в тот период была, очевидно, настолько обострена, что ставила перед борющимися классами вопрос «о должном», «о справедливом», «о переоценке всех ценностей» как в области политики, права и классовой морали, так и в области религиозных представлений.

Мы предполагаем, что этот документ относится именно к смутным VIII и VII вв., когда в Ассирийском царстве происходили крупные социальные сдвиги. Корни этих сдвигов—в развитии торгового капитала, который в условиях восточного, как и античного способа производства, не являлся агентом производства, а стоял над производством. Торговый капитал не только означал эпопею захватнических походов, наступление на старую храмовую иерархию, но повлек и сдвиги в низших социальных слоях. Крестьянство, раньше угнетенное землевладельческой и храмовой знатью, было порабощено теперь представителями торгового капитала. Немногочисленные новые хищники концентрировали в своих руках всю систему эксплуатации крестьянских и рабских масс. Это означало и постепенный распад старой жреческой аристократии, сходящей с исторической сцены. Торговый капитал разлагал старые общинные отношения, но новых отношений создать не мог.

Нигде, может быть, этот социальный кризис, характерный для периода ассирийских царей Тиглат-Палассара (745—727 гг. до нашей эры), Саргона младшего (722—

Санхериб на троне. Рельефное изображение на его дворце в Ниневии.

705 гг.) и Синнахериба (705—681 гг.), не нашел такого полного своего отражения, как в более позднем документе—«Диалоге господина и раба о смысле жизни».

Диалог посвящен религиозно-политическим темам. Сначала господин высказывает желание—и раб спешит подтвердить и одобрить его. Затем господин отказывается от высказанного желания—и слуга опять одобряет его отказ и высказывает доводы в пользу отказа. Так повторяется несколько раз. Лейтмотив «Диалога»—полный скептицизм, отчаяние, мысли о тщетности всех человеческих надежд на счастье в земной и «небесной» жизни. Нет надежд на царя

и на его милости, нет удовлетворения в мести и прощении, нет счастья в женщине, в пирах и в веселье. «Диалог» заканчивается восклицанием господина: «...Слуга, я хочу тебя убить и заставить тебя идти передо мной!»—на что раб отвечает: «Воистину только три дня будет жить владыка мой после меня».

Этот документ интересен тем, что в нем одновременно выражается бессилие и отчаяние представителей антагонистических классов тогдашнего общества, страдавших от разлагающей роли торгового («допотопного», по Марксу) капитала в тогдашних исторических условиях.

Этот «Диалог» раскрывает сущность эпохи, когда подготовлялась гибель общества и классов—без могильщика. В «Диалоге»—полная безнадежность по поводу активных выступлений против существовавшего строя. Ведь «...человека, поднявшего восстание, или убивают... или ослепляют, или схватывают, или же кидают в темницу». Харак-

терно, что в эту эпоху у представителей эксплуатируемой массы впервые создаются атеистические идеи. В «Диалоге» выражено сомнение в реальности надежд на бога и на загробную жизнь.

Но, несмотря на эти сдвиги, крестьянские массы и рабы не имели еще социально-экономических возможностей для того, чтобы стать классом—организатором новой общественной формации.

Оба класса гибли. «Я тебя убью»,—говорил господин. «Только три дня после меня будешь жить, владыко»,—отвечал раб господину. В данных исторических условиях не могло быть еще революционного переустройства общества. Поэтому такое общество распадалось или завоевывалось.

В 538 г. до нашей эры Ассирия Ново-вавилонского периода или правления халдейских династий окончательно пала под ударами персов. С этого периода гегемония в Малой Азии переходит к возвысившейся персидской державе.

Слуга с собакой. Нововавилонская терракотовая пластинка.

Р. Маркова

ПРОТОКОЛЫ IV (ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОГО) СЪЕЗДА РСДРП (23/IV—8/V 1906 г.).

Институт Маркса — Энгельса — Ленина
(ИМЭЛ). Партиздат. М. 1934. 6 руб., в перепл.
7 руб. 692 стр.

1

В серии протоколов съездов и конференций ВКП(б), издаваемой Институтом Маркса—Энгельса—Ленина, особый интерес представляют вышедшие из печати протоколы IV (объединительного) съезда РСДРП¹. Протоколы IV, так называемого «объединительного» съезда дают картину чрезвычайно напряженной борьбы двух политических партий внутри формально единой российской социал-демократии и явля-

¹ Протоколы IV (объединительного) съезда РСДРП впервые были изданы в 1907 г. в Москве и переизданы Истпартом в 1926 г.

В обработке, редактировании и утверждении протоколов первого издания принимала участие главным образом меньшевистская часть съезда. Может быть, поэтому в протоколы не вошел ряд докладов и речей Ленина на съезде: по аграрному вопросу, об отношении к Государственной думе, о современном моменте и классовых задач пролетариата и заключительное слово по вопросу об отношении к Государственной думе. Речи же Ленина, вошедшие в протоколы, были переданы меньшевистской редакцией крайне неполно и неточно.

Этот очень существенный пробел поправляется в издании протоколов 1934 г. тем, что в отделе «Материалы съезда» вместо отсутствовавшей в протоколах речи Ленина по аграрному вопросу дается его брошюра «Пересмотр аграрной программы рабочей партии», а протоколам предпосылается прекрасный, ярко и четко иллюстрирующий работу съезда «Доклад об объединительном съезде РСДРП», написанный Лениным в марте 1906 г. для питерских рабочих. Это помогает читателю быстро войти в курс обсуждавшихся на съезде вопросов и более отчетливо уяснить большевистскую линию в съездовской борьбе.

В отличие от прежних изданий материалы и приложения съезда протоколов издания 1934 г. значительно дополнены рядом новых документов, резолюций и проектов резолюций. В числе проектов резолюций, отстаивавшихся большевиками на съезде, дается написанный Лениным проект резолюции о Государственной думе.

Все принятые съездом резолюции в это издание в отличие от прежних включены полностью.

ются исключительно ярким историко-партийным документом.

«Объединительный» съезд происходил весной 1906 г., накануне выборов во II Государственную думу. Революционная борьба в стране после разгрома царизмом декабрьского вооруженного восстания в Москве еще продолжалась. Политические и экономические забастовки, крестьянские восстания, движения в войсках указывали на возможное нарастание в стране нового революционного подъема. Главной политической задачей пролетариата по-прежнему оставалась задача «доведения до конца демократической революции», а самой насущной и центральной задачей партии—«подготовка сил и организация пролетариата к вооруженному восстанию, как высшей, достигнутой движением, формы борьбы»².

Соответственно задачам подготовки сил для нового, еще более могучего революционного натиска на самодержавие большевики ставили и решали вопрос о крепко сплоченной, единой революционной социал-демократической партии.

Тактика сближения с меньшевиками вызывалась необходимостью завоевания на сторону большевиков тех рабочих, которые еще шли за меньшевиками. Но объединение с меньшевиками мыслилось только при условии сохранения идейной и организационной самостоятельности большевиков, при условии четкого размежевания обеих партий. «Мы не должны смешивать политику объединения двух частей с спутыванием обеих частей,—писал Ленин ЦК.—Объединить две части—согласны. Спутать две части—никогда... Мы же должны все усилия и все помыслы направить к сплочению, к лучшей организации нашей части партии... Если мы будем хорошо сплоченны, вполне организованны, если мы от себя удалим всяких кисляев и перебежчиков, тогда наше твердое ядро, хотя бы не очень большое, поведет за собой всю ораву «организационной туманности»³.

Съезд не привел, да и не мог привести к действительному объединению. Предшествовавшая съезду борьба двух партий, особенно обострившаяся в период революционной бури 1905 г., с исключительной отчетливостью развернулась на IV (объединительном) съезде партии. «Крупным идейным делом съезда» поэтому явилось не объединение, а «ясная и определенная размежевка правого и левого крыла социал-демократии»⁴.

**

Съезд собрался в Стокгольме (Швеция) в составе 111 делегатов с решающими голосами, 22—с совещательными и 12 представителей национальных с.-д. организаций (социал-демократы Польши и Литвы, Бунд, латышская с.-д.). Из числа решающих голосов 62 принадлежали меньшевикам и 46—большевикам. Центр (примиренцы), составлявший на съезде

² Ленин. Т. IX, стр. 35.

³ Ленин. Т. VIII, стр. 247.

⁴ Ленин. Т. IX, стр. 222.

ничтожную группу, по всем основным вопросам съезда примыкал к меньшевикам. Таким образом меньшевики имели на съезде большинство.

Борьба началась с первых же заседаний съезда—при выборах президиума, при обсуждении порядка дня съезда. Президиум был выбран по списку меньшевиков в составе Плеханова, Дана и Ленина. Лишь после длительных прений большевикам удалось добиться включения в порядок дня основного вопроса—оценки текущего момента и классовых задач пролетариата. Ожесточенная борьба завязалась и по поводу включения в повестку дня вопроса об объединении с национальными с.-д. организациями. Представители последних, руководимые желанием принять активное участие в решениях съезда, настаивали на обсуждении этого вопроса в первую очередь. Но меньшевики, расхажившие с ними по ряду тактических вопросов революции (оценка момента, бойкот I думы), боясь ослабить свое преобладание на съезде и усилить позицию большевиков, отклонили их требование.

Бурно проходили и заседания мандатной комиссии. Мандаты большевиков касались меньшевистским большинством съезда. После ряда инцидентов первая мандатная комиссия (их было две), председателем которой был примиренец, целиком вышла в отставку—факт, по определению Ленина, «из ряда вон выходящий, не виданный на прежних съездах»¹.

Первым вопросом на съезде был вопрос о пересмотре аграрной программы.

Принятая на II съезде аграрная программа, выдвигавшая требование возвращения крестьянам земель, отрезанных у них при отмене крепостного права в 1861 г. (так называемые «отрезки»), устарела.

Задача пересмотра аграрной программы встала перед партией в 1905 г. в связи с разрыванием крестьянского движения. Большевистский III съезд, не разрешая формально вопроса о пересмотре программы, в тактической резолюции об отношении к крестьянскому движению, по существу, уже наметил новые требования партии по аграрному вопросу, приняв решение о поддержке всех революционных мероприятий крестьянства, вплоть до конфискации помещичьих, казенных и прочих земель. Требование это было связано с требованием немедленной организации революционных крестьянских комитетов.

На декабрьской конференции большевиков в Таммерфорсе пункты об отрезках и возвращении выкупных платежей по предложению Ленина были из программы изъяты. Конференция подтвердила решение III съезда о поддержке крестьянского движения вплоть до конфискации земли. В связи с общей тактической линией большевиков в революции требование это, связанное с захватом политической власти, превращалось в требование осуществления ленинской идеи национализации земли.

Меньшевики заняли по аграрному вопросу принципиально иную позицию, рассчитанную на установление буржуазной власти, а не на

победу революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Накануне съезда объединенный ЦК создал специальную комиссию, которой и была поручена разработка аграрного вопроса к съезду. Комиссия свела все выявившиеся внутри с.-д. точки зрения по аграрному вопросу к четырем основным и представила съезду четыре проекта резолюций: Ленина, Рожкова, Маслова и Финн-Енотаевского. Сама комиссия в большинстве своем стала на точку зрения Ленина, проект которого и фигурировал потом как проект большинства аграрной комиссии объединенного ЦК РСДРП.

Проект Ленина, рассчитанный на доведение до конца буржуазно-демократической революции и перерастание ее в революцию социалистическую, требовал:

1) конфискации всех церковных, монастырских, удельных, государственных, кабинетских и помещичьих земель;

2) учреждения крестьянских комитетов для немедленного уничтожения всех следов помещичьей власти и помещичьих привилегий и распоряжения конфискованными землями;

3) при определенных политических условиях («если же решительная победа современной революции в России обеспечит полностью самодержавие народа, т. е. создаст республику и вполне демократический государственный строй») — отмены частной собственности на землю и передачи всех земель в общую собственность всего народа (национализация земли).

На съезде с двумя основными докладами по аграрному вопросу выступали: от большевиков—Ленин, от меньшевиков—Джон (Маслов). Программа Маслова требовала «отчуждения» и передачи частновладельческих земель (крупное землевладение) в руки крупных областных самоуправлений (муниципализация). Вопрос о форме экспроприации помещичьей земли оставался в меньшевистской программе открытым, так как термин «отчуждение» мог толковаться по-разному, вплоть до выкупа. С докладом выступали: Плеханов, защищавший точку зрения Маслова, Шмидт (П. Румянцев), отстаивавший в основном программу большинства аграрной комиссии и Борисов (С. Суворов). Программа Борисова, оригинальная по построению, ближе всего примыкала к ленинской. Но вместо национализации Борисов выдвигал раздел земель в собственность крестьян.

Прения развернулись главным образом вокруг докладов Ленина и Маслова—Плеханова. Ленин выступал с докладом первый (доклад его в протоколы не вошел). Он подверг уничтожающей критике меньшевистскую программу муниципализации. Большевистский проект не революционен, говорил Ленин, потому, что в нем вместо конфискации (отчуждение без выкупа) говорится об отчуждении вообще, и потому, что в нем нет призыва к революционному способу осуществления аграрного переворота; он неприемлем для крестьян, так как «муниципализация означает: наделы земли возьми себе даром, а за помещичьи плати аренду земству. Революционные крестьяне не пойдут на это. Они скажут либо: поделим все земли между собой, либо сделаем все земли собственностью всего народа». Большевистский проект вреден,

¹ Доклад об «объединительном» съезде. Ленин. Т. IX, стр. 181.

«если обусловить его «демократизмом» вообще, а не специально республикой и выборностью чиновников народом»¹.

Доклад представителя меньшевиков Маслова был бесцветен, сух и неубедителен. «Нельзя было придумать более невыгодной для меньшевиков фигуры, — вспоминает о нем участник съезда А. В. Луначарский, — как этот самый товарищ Джон (Маслов), после огневых речей Ленина. Какой-то помятый, потертый, нерешительный и вялый взошел он на трибуну и стал буквально мямлить свою речь. При криках «громче» он чуть повышал свой голос, а потом опять впадал в бормотанье. От времени до времени он останавливался, словно у него завода нехватило, и довольно долго беспомощно висел на трибуне. Плеханов, сидевший неподалеку, суфлировал тогда сердитым шопотом, бросая ему несколько фраз, и Джон, получивши новый завод, опять некоторое время тянул свою канитель»².

Маслова «выручил» Плеханов, идейный вождь и вдохновитель меньшевиков на съезде. Заняв самую непримиримую позицию по отношению к ленинской аграрной программе, Плеханов выступил с яркой защитой меньшевистской программы. Он обвинял Ленина в «утопии», в возрождении «бунтарства», «народовольчества» и спрашивал, где при осуществлении национализации земли гарантии от реставрации.

Ориентируясь на длительный период власти буржуазии в России, Плеханов утверждал, что национализация земли в таких условиях опасна и вредна, что национализация земли не даст гарантий от реставрации.

В заключительном слове Ленин дал яркую и горячую отповедь Плеханову. Ссылку Плеханова на «отсутствие гарантий от реставрации» Ленин назвал «политическим оружием буржуазии против пролетариата», «чисто кадетской идеей». Ленин подчеркнул, что единственной, абсолютной гарантией от реставрации является победа пролетарской революции на Западе, а «если говорить об относительной и условной гарантии от реставрации, то тогда, — говорил Ленин, — придется сказать следующее: условной и относительной гарантией от реставрации является только то, чтобы революция была осуществлена возможно более решительно, чтобы она была проведена непосредственно революционным классом, при наименьшем участии посредников, соглашателей и всяческих примирителей, чтобы эта революция была действительно доведена до конца»³. И в этом отношении проект Ленина давал максимум гарантий от реставрации.

Выступая на съезде против меньшевистского проекта муниципализации, Ленин высказывался и против программы раздела, заявляя, что раздел «ошибочен», потому что не учитывает будущего, т. е. перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, но «не вреден», ибо раздел земли предполагает решительное уничтожение

старых, феодальных форм землевладения. «Не о том идет речь, — говорил Ленин, — чтобы навязать крестьянам национализацию вместо раздела... Речь идет о том, что социалист, беспоощадно разоблачая мелкобуржуазные иллюзии крестьянина насчет «божьей земли», должен уметь показать крестьянину путь вперед»⁴. Чтобы не разбивать голосов против меньшевистской муниципализации, Ленин голосовал за программу раздела.

После напряженной борьбы съезд незначительным большинством голосов утвердил меньшевистскую программу с рядом поправок, принятых под давлением большевиков.

«Вместо первоначальной масловской программы, — иронизировал Ленин — получилась, как острили на съезде, «кастрированная» программа. В ней смешаны, в сущности, и национализация (известные земли поступают в общенародную собственность), и муниципализация (часть земель — в распоряжение крупных органов местного самоуправления), и, наконец, раздел. При этом вполне точного определения того, когда стоять за муниципализацию и когда за раздел, ни в программе, ни в тактической резолюции нет. Программа получилась в конце концов не подкованная на все четыре ноги, а со всеми четырьмя хлюпающими подковами»⁵.

2

Вторым вопросом, вызвавшим горячие прения, явился вопрос об оценке текущего момента и классовых задач пролетариата. От большевиков с докладом по этому вопросу выступал Ленин (доклад его в протоколы съезда, к сожалению, также не вошел), от меньшевиков — Мартынов. Большевики и меньшевики резко расходились по вопросу о формах движения, о путях развития революции, о роли классов в революции. Большевики звали к подготовке нового могучего революционного натиска и главной формой борьбы считали легальную парламентскую работу, а вооруженное восстание, борьбу широких пролетарских и крестьянских масс. Меньшевики же полукровенно и трусливо ориентировались на либеральную буржуазию, на Думу, на парламентские формы движения, на компромисс самодержавия с буржуазией.

Беспринципность и оппортунизм меньшевиков особенно ярко обнаружилась в прениях по вопросу о конституционных иллюзиях. Одни утверждали, что борьба с конституционными иллюзиями — постоянная задача социал-демократии, а не специальная задача момента. Другие (Плеханов) считали борьбу с конституционными иллюзиями анархизмом. Полная беспомощность, растерянность меньшевиков выразились в том, что они, будучи в большинстве, сами сняли свою резолюцию по вопросу об оценке момента, настояв на том, чтобы совсем не принимать резолюции по этому вопросу. Этот маневр, основным мотивом которого было, конечно, желание меньшевиков

¹ Ленин. Т. IX, стр. 186.

² «Пролетарская революция» № 5, стр. 102. 1926.

³ Протоколы IV (объединительного) съезда, стр. 132—133. 1934. Ленин. Т. IX, стр. 150—151.

⁴ Доклад об «объединительном» съезде. Ленин. Т. IX, стр. 198.

⁵ Доклад об «объединительном» съезде. Ленин. Т. IX, стр. 199—200.

развязать себе руки в своей практической, по существу кадетской, работе, явился, по словам Ленина, «высшим проявлением практического оппортунизма»¹.

С речью по вопросу об оценке момента в прениях выступил Сталин. Он подчеркнул отрицание меньшевиками идеи гегемонии пролетариата и наметил большевистскую схему развития революции. «Если, — говорил Сталин, — по мнению товарищей меньшевиков, нам нужна не гегемония пролетариата, а гегемония демократической буржуазии, тогда само собой ясно, что ни в организации вооруженного восстания, ни в захвате власти мы не должны принимать непосредственного активного участия. Такова «схема» меньшевиков. Наоборот, если классовые интересы пролетариата ведут к его гегемонии, если пролетариат должен идти не в хвосте, а во главе текущей революции, то само собой понятно, что пролетариат не может отказаться ни от активного участия в организации вооруженного восстания, ни от захвата власти. Такова «схема» большевиков»².

Ожесточенные прения на съезде вызвал третий, основной вопрос повестки дня — об отношении к Государственной думе. Вопрос этот предreshался уже дискуссией о текущем моменте. Речь шла не о бойкоте выборов в Думу: в большинстве мест России они уже закончились. Речь шла о том, чтобы обеспечить последовательную социал-демократическую позицию там, где выборы предстояли (Кавказ, Сибирь). Ленин, выступавший с докладом по вопросу об отношении к Думе после Аксельрода, изложившего точку зрения меньшевиков в длинном, невероятно абстрактном и сухом докладе, резко высмеял оптимистическое отношение меньшевиков к Думе. Ленин подверг жесточайшей критике меньшевистскую, оппортунистическую оценку Думы как воплощения «чистой идеи» народного представительства, а не как органа определенных элементов буржуазии, органа, служащего интересам определенных классов.

Особенно напал Ленин на следующую фразу в пятом пункте резолюции меньшевиков: «Впервые увидя на русской почве новую, самим царем вызванную к жизни, законом признанную, власть, вышедшую из недр нации» и т. д. «Не добавить ли к ним, — иронизировал Ленин, — «и господом богом ниспосланную»³. «Дума не есть власть на самом деле, — говорил Ленин. — Ссылка на закон не устанавливает, а ослабляет всю вашу аргументацию и все ваши агитационные лозунги, вытекающие из этой резолюции. На «закон» и на «волю царя» будет всего охотнее сослаться Витте, препятствуя малейшей попытке Думы выйти за пределы ее сведенной до смешного компетенции. Не социал-демократы, а «Русское Государство» извлекает пользу из таких доводов, как ссылка на царя и закон»⁴.

¹ Ленин. Т. IX, стр. 205.

² Протоколы IV (объединительного) съезда, стр. 235. 1934 г.

³ Доклад об «объединительном» съезде, т. IX, стр. 212.

⁴ Протоколы IV (объединительного) съезда, стр. 298. 1934. Т. IX, стр. 163.

В результате едкой критики Ленина и других делегатов-большевиков меньшевики почувствовали, что «пересолили», и сами внесли предложение выбросить из резолюции отмеченную выше фразу.

По вопросу об отношении к Думе съезд принял меньшевистскую резолюцию, осуждавшую тактику бойкота и признававшую необходимой поддержку Думы, поскольку она явится оппозиционной по отношению к правительству.

Последним вопросом, в котором съезд снова затронул проблемы текущего момента, был вопрос о вооруженном восстании.

Большевики — докладчик Винтер (Л. Б. Красин) — считали, что партия должна сосредоточить все силы на подготовке, организации и проведении вооруженного восстания. Меньшевики, повторявшие за Плехановым «не надо было братья за оружие», снимали вопрос о восстании, осуждали его, хотя и боялись заявить об этом открыто.

В резолюции меньшевиков, которую большевики справедливо называли на съезде резолюцией «о невооруженном восстании», не было прямой оценки декабрьского восстания. Обвиняя большевиков в бланкизме, меньшевики в этой резолюции настойчиво призывали к противодействию всем попыткам возложения пролетариата в вооруженное восстание.

При обсуждении резолюции произошел характерный для меньшевиков инцидент. Плеханов предложил поправку к первому пункту резолюции, в которой выражение «революционная борьба, выдвигая непосредственно задачу вырвать государственную власть (подчеркнуто нами. — Р. М.) из рук самодержавно-крепостнического правительства», заменил, без ведома докладчика-большевика, кадетскими словами «вырвать права». Эта оппортунистическая поправка, смутившая даже часть примиренчески настроенных меньшевиков, вызвала горячий протест со стороны большевистской части съезда. В результате споров Плеханов сам снял свою поправку до голосования. «Снял под тем (дипломатически, может быть, и искусным, но встреченным улыбками) предлогом, что не стоит особенно спорить из-за «стилистики»⁵.

В дополнение к меньшевистской резолюции о вооруженном восстании съезд принял положившее решение о партизанских выступлениях, высказавшись против партизанских выступлений и в частности против экспроприации казны, сделав исключение лишь для складов оружия и боевых припасов.

3

Без обсуждения съезд принял резолюцию меньшевиков о профессиональных союзах и резолюцию об отношении к крестьянскому движению. Вопрос о слиянии с национальными социал-демократическими организациями был также решен без особых прений.

Съезд закончил свою работу принятием нового устава партии.

Параграф первый устава был утвержден в формулировке, которую Ленин отстаивал на II съезде партии и которая уже была принята

⁵ Ленин. Т. IX, стр. 181.

III большевистским съездом. Разногласие при обсуждении его вызвало внесенное большевиками примечание: «Члены партии, меняющие место жительства, имеют право во всяком случае входить в местную партийную организацию».

Большевики, исходя из создавшейся на съезде перспективы остаться в меньшинстве в партийных органах, внесли это примечание с целью обеспечить себе право входить в организации для борьбы с меньшевиками. «Примечание это, — писал Ленин в своем докладе о съезде, — имело то значение, чтобы сделать невозможной мелкую свару и склоку, вышибание из организации несогласно мыслящих, отказ меньшевиков допускать большевиков и обратно. Партия растет. Она становится широкой. Надо покончить с борьбой за места. Все учреждения партии выборные. В низшие же организации партии вход должен быть вполне свободен для всех членов партии. Только тогда идейная борьба не будет грязниться организационной склокой»¹. Большевики отклонили примечание большевиков, но «в доказательство своих лояльных намерений» внесли следующую резолюцию, принятую съездом: «Съезд отклонил примечание к первому пункту как излишнее и само собой подразумевающееся».

В основу организации партии съезд положил принцип демократического централизма, с выборностью, подотчетностью и сменяемостью всех должностей партии, но вопреки настоянию большевиков сохранил двоецентризм, поскольку и ЦК и редакция ЦО избирались съездом.

В повестке дня съезда стоял еще вопрос об отношении к буржуазным партиям. На съезде, однако, меньшевики, сославшись на отсутствие времени, уклонились от разбора этого важнейшего принципиального вопроса и вместо конкретной резолюции об отношении к буржуазным партиям в России приняли решение, сводившееся только к подтверждению резолюции Амстердамского международного конгресса об отношении к буржуазным партиям вообще. «В историю наших с.-д. съездов, — иронизировал Ленин в связи с этим, — это постановление войдет именно как курьез. В самом деле, разве не все постановления международных социалистических конгрессов обязательны для с.-д. партий всех стран? Какой же смысл выделять и подтверждать одно из таких постановлений? Где и когда видано, чтобы национальные с.-д. партии, вместо решения вопроса об отношении к той или иной буржуазной партии своей страны, ссылались на общее всем странам отношение ко всем буржуазным партиям вообще?.. Выбирать же такой «средний» путь: вопроса о русских партиях не рассматривать, а международное решение общего вопроса подтвердить, это значило только показать перед всем миром свою растерянность»².

Съезд еще раз показал, что меньшевики искажали задачи буржуазно-демократической революции и роль классов в ней, наглядно демонстрируя свою позицию превращения пролетариата в «хвост» либерально-монархической буржуазии. В противовес этой оппортунистиче-

ской позиции меньшевиков большевики на съезде показали всю последовательность и революционную четкость своей тактики. Большевики противопоставили пораженческой позиции меньшевиков линию борьбы за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Оказавшись на съезде в меньшинстве, большевики однако не были разбиты, они ушли со съезда с твердым и глубоким убеждением в правильности своей позиции. «Я впервые видел тогда Ленина в роли победленного, — вспоминает И. В. Сталин, — он ни на ноту не походил на тех вождей, которые хныкают и унывают после поражения. Наоборот, поражение превратило Ленина в сгусток энергии, вдохновляющий своих сторонников к новым боям, к будущей победе. Я помню, — пишет Сталин, — как мы, делегаты-большевики, сбившись в кучу, глядели на Ленина, спрашивая у него совета. В речах некоторых делегатов сквозила усталость, уныние. Помнится, как Ленин в ответ на такие речи едко процедил сквозь зубы: «Не хныкайте, товарищи, мы наверняка победим, ибо мы правы». Ненависть к хныкающим интеллигентам, вера в свои силы, вера в победу — вот о чем говорил тогда с нами Ленин. Чувствовалось, что поражение большевиков является временным, что большевики должны победить в ближайшем будущем»³.

Ю. Красовский

Андре Моруа «Карьера Дизраэли». Перевод С. А. Лопашева. Предисловие П. С. Когана. Кооперативное издательство «Север». М. 1934. 391 стр. 3 р. 75 к. 10 000 экз.

Середина XIX в. — «эпоха Виктории» — является «золотым веком» английской буржуазии. «Эпоха Виктории» — высшая точка торжества английской промышленной буржуазии не только на внутреннем, но и на внешнем рынке, время полного расцвета английского могущества. Это время превращения старой, землевладельческой Англии в передовую, промышленную страну, играющую первую скрипку в концерте европейских держав. Промышленный переворот, борьба с французской революцией и Наполеоном, низвержение Наполеона, энергичное освоение вновь захваченных колоний, быстрое развитие промышленности — вот те вехи, через которые проходит Англия по пути к превращению во «владычицу морей», в сильнейшую морскую державу мира. Окончательно — железом и кровью — покоряется Индия; Китай вынужден открыть свои порты для иностранцев, военные экспедиции пролагают путь торговцам и промышленникам. Миллионы чер-

¹ Ленин. Т. IX, стр. 219.

² Там же, стр. 220.

³ И. В. Сталин «О Ленине», стр. 25—26. 1934.

нокожих и желтокожих рабов попадают в орбиту европейской «цивилизации», становясь предметом неслыханной эксплуатации и грабежа. Сотни и тысячи миссионеров проникают в отдаленнейшие колонии и страны.

Хищнические инстинкты, жажда богатства и наживы, неограниченная и безжалостная эксплуатация ради удовлетворения своих личных, эгоистических желаний — эти отвратительные черты победившей буржуазии проявляются во всей полноте. Безудержная жажда наживы идет рука об руку с бешеной борьбой честолюбий, с борьбой за власть.

Эта эпоха создала Бенджамена Дизраэли — великого карьериста и политика, одного из самых больших карьеристов всех времен и народов. Сын еврея, человек, казалось, не имевший никаких данных для карьеры в старой, консервативной Англии, он сумел преодолеть все препятствия, вырваться на широкую политическую арену, стать парламентским лидером, затем премьер-министром и превратиться в лорда Биконсфильда. Он стал вождем консервативной Англии, «величайшим английским государственным деятелем», по мнению многих буржуазных историков, вершителем мировой политики.

Сын своего времени — эпохи воинствующего капитализма — он вобрал в себя все наиболее яркие и типичные черты этой бурной и агрессивной эпохи. С самого начала своей жизненной карьеры он проявил непомерное честолюбие. Жажда власти и богатства, цинизм, хитрость и расчетливость — все это было брошено им на борьбу за карьеру. Годы юности Дизраэли, с одной стороны, — годы срывов и поражений, с другой — годы умелого лавирования среди многочисленных подводных камней, подготовка к будущим большим сражениям. Каждое поражение (а их было немало) являлось уроком; с каждым годом Дизраэли приближался к цели, которую он поставил перед собой еще в детстве, — стать крупным политическим деятелем. Неудачные попытки издательской деятельности, скандальный литературный дебют, громкий провал его кандидатуры на выборах в парламент — все это не смущает предприимчивого «Диззи»: он продолжает упорно добиваться своего.

Выступив впервые на парламентских выборах в 1832 г., Дизраэли еще три раза выставлял свою кандидатуру (каждый раз с треском проваливаясь), пока, наконец, в четвертый раз, в 1837 г., не прошел в парламент. В борьбе за парламентское кресло Дизраэли полностью проявил все свои характерные черты: полнейшую беспринципность и неразборчивость в средствах. Выступив сначала как радикал, он после трех поражений меняет фронт на 180° и выступает как консерватор, защитник интересов лендлордов.

Выступая за высокие хлебные пошлины, Дизраэли и сделал карьеру. Во всей своей дальнейшей политической деятельности Дизраэли оставался тем же беспринципным демагогом, быстро меняющим свои взгляды. То он выступал в роли защитника угнетенной Ирландии, то сам же вводил там чрезвычайное положение; сегодня — протекционист, завтра — сторонник свободной торговли; сегодня он был против расширения избирательных прав, завтра проводил радикальную избирательную ре-

форму; прекрасный оратор и софист, он умел доказать все, что ему хотелось, жонглируя самими противоречивыми идеями и фактами. В этом смысле Дизраэли является наиболее полноценным образцом буржуазного парламентского деятеля.

Превратившись в консерватора, Дизраэли медленно, но верно подымается по иерархической лестнице. В 1842 г. он организует и возглавляет в парламенте группу «Молодая Англия»; в 1848 г. он становится лидером консервативной партии; в 1852 г. — канцлером казначейства, или, другими словами, министром финансов в кабинете Дерби. Попытавшись проводить политику свободы торговли, политику либералов, он менее чем через год уже не был министром и снова восседал на скамье оппозиции. В 1868 г. Дизраэли — снова кратковременный премьер-министр; в 1874 г. он, наконец, становится у «кормила власти», начав самый блестящий период своей деятельности. С этого момента начинается та огромная популярность Дизраэли, которая сопровождает его почти до самой смерти (1881 г.). Этот период отмечен активной внешней политикой, захватом ряда новых колоний, покупкой Суэцкого канала (1875 г.) и, наконец, Берлинским конгрессом (1878 г.), на котором Дизраэли совместно с Бисмарком наносит России, победившей Турцию, большое дипломатическое поражение, заставив ее отказаться от всех притязаний и сведя нанеет все ее победы.

Такова в общих чертах фигура этого великого карьериста и честолюбца, являвшегося выразителем интересов определенной социальной группы.

«Эпоха Виктории», как мы уже говорили выше, была временем высшего расцвета промышленной буржуазии. К середине XIX в. господство буржуазии достигло своего апогея. К этому времени старые политические партии — тори и виги, имевшие традиционно историческое значение: сторонников короля и оппозиции королю, — получили новое социальное содержание. Тори — консерваторы — были в основном выразителями интересов земельной аристократии и земельных собственников; виги — либералы — отражали интересы промышленной буржуазии (преимущественно текстильных фабрикантов). В 70-х годах в социально-экономической структуре Англии происходят резкие изменения. Тяжелая металлургия начинает занимать доминирующее положение в английской промышленности. Английская металлургия, выступая на мировом и местном рынках, конкурирует с американской и немецкой металлургией. Английские крупные промышленники начинают поддерживать протекционистские требования крупного землевладения и на этой основе сближаются с ним. В Англии создается блок тяжелой промышленности с крупным землевладением и с финансовым капиталом; на этой базе возрождается и создается сильная консервативная партия. Либеральная партия, наоборот, начинает постепенно склоняться к упадку.

Дизраэли — идеолог этого нового консерватизма, выражающего интересы блока тяжелой промышленности, крупного землевладения и банковского капитала. Политика Дизраэли 70—80-х годов целиком диктуется интересами этих групп, и они определяют основные политические методы Дизраэли: усиление государ-

ственной власти, агрессивная внешняя политика, ориентация на союз с самоуправляющимися колониями для создания мощного рынка.

Небезынтересно отметить, что сам Дизраэли был крупным финансовым магнатом и находился в тесной связи с финансовыми кругами (в частности с Ротшильдом).

Для более полной характеристики политической философии Дизраэли обратимся к еще одной из сторон его деятельности — к его литературному творчеству.

Дизраэли занимает довольно крупное место в английской литературе: им написано более десятка романов на очень боевые темы.

Его первый роман «Vivian Grey» (1826 г.) интересен главным образом только как автобиографическая характеристика самого Дизраэли, проповедывание им теории героя, которму «все позволено». Более поздние романы «Coningsby», «Sybil» и «Tancred», относящиеся к 40-м годам, дают нам общее представление о политически-философских взглядах Дизраэли. Все они отражают идеи «Молодой Англии», политической группы, организованной Дизраэли. У народа и аристократии, утверждал Дизраэли, по существу, нет противоположных интересов—это недоразумение, не имеющее под собой никакой почвы. Родовая аристократия — квинтэссенция всего лучшего и ценного, что есть в нации; значение рода и расы огромны; род является не только выражением естественного и духовного отбора, но и служит могущественным стимулом для воспитания благородства человеческого духа. Дизраэли настаивает на религиозно-моральном и социально-политическом союзе между двумя «нациями», двумя классами—правящими и производящими. Сильная королевская власть, союз с трудящимися классами, возрождение значения церкви — вот три кита его программы «демократического торизма», программу, которую он в художественной форме изложил в своих романах.

Исходя из теории «демократического торизма», существо которой заключалось в обосновании необходимости подкупа верхушки рабочего класса, Дизраэли, в свою бытность у власти, провел ряд мероприятий: радикальную реформу 1866 г.; реформу, освобождавшую профсоюзы от ряда юридических тягот; закон о сооружении дешовых жилищ для рабочих; закон об охране труда женщин и малолетних на фабриках и заводах и т. д. Все эти реформы проводились под лозунгом «социального мира». Дизраэли хотел доказать, что консервативная партия под руководством королевской власти — настоящая защитница интересов трудящихся.

Ранний либерализм Дизраэли весьма пригодился ему в старости: проповедуя «социальный мир», консерватор Дизраэли оперировал радикальной фразеологией, усвоенной им в молодые годы.

Подводя итоги всего сказанного, мы считаем возможным сделать следующий вывод: Дизраэли,—несомненно, крупная и характерная для Англии XIX в. личность; его жизнь, его политическая деятельность дают очень много для понимания ряда важнейших событий социально-политической истории Европы в период торжества промышленной буржуазии, в период,

когда Англия приближалась к эре империализма.

Дизраэли интересен, как крупный буржуазный политический деятель, предвосхитивший в период кануна империализма характерные для эры империализма методы экономического и политического господства буржуазии и идеологического порабощения пролетариата.

А потому вполне понятно, что мы с большим интересом встретили недавно выпущенную издательством «Мир» книгу известного французского писателя Андре Моруа «Карьера Дизраэли». Это не историческая монография, не исторический очерк. Это роман-биография, жанр, получивший широкое распространение как в западной, так и в советской литературе (Тынянов, Штрайх и др.). Поэтому нельзя предъявлять к ней больших научных требований. Книга Моруа—это увлекательное описание гоолокружительной карьеры Дизраэли, но не больше. Автор—крупный буржуазный писатель—сравнительно мало интересуется социально-общественной физиономией своего героя; главное его внимание устремлено на личность великого карьериста, его жизнь и окружающий быт. Книга Моруа ценна тем, что, рисуя яркими, живыми красками фигуру Дизраэли, она передает ощущение эпохи, воспроизводит картину беспощадной борьбы хищников между собой, разоблачает, может быть, помимо субъективного желания Андре Моруа, всю мерзость и лицемерие буржуазного парламентаризма. Моруа отнюдь не страдает ни излишним морализированием, ни интеллигентским идеализмом: его Дизраэли не лишен ни одной своей отрицательной черты, он, как будто, показан так, как есть; но... никак нельзя согласиться с автором предисловия, утверждающим, что «книга Моруа подкупает тем, что в ней нет романтики и идеализации...» Это, конечно, далеко не так: в ней есть и романтика и идеализация. Да, Моруа не скрывает отрицательных черт Дизраэли, которого, конечно, трудно причисать под идеал либерально-буржуазной благопристойности; но Дизраэли, по Моруа,—поэт своей эпохи; поэт политической борьбы и риска; Дизраэли в своем роде «сверхчеловек»; его беспринципность, его цинизм, его эгоцентризм возводятся Моруа чуть ли не в идеал. Дизраэли у Моруа вырастает в весьма привлекательную в своей «отрицательности» личность. Весьма симптоматичен в этом отношении эпиграф к книге (из самого же Дизраэли): «Жизнь слишком коротка, чтобы быть незначительной». Нотки такого мирозерцания явственно звучат в книге Моруа, и игнорировать их никак нельзя.

К данной книге, талантливой и острой, требовалось бы марксистское предисловие, в котором надо было бы вскрыть социальный облик Дизраэли, остановиться более подробно на политической деятельности Дизраэли, дать общую картину общественной и экономической жизни Англии XIX в. Этого нет в предисловии И. С. Когана. Предисловие в достаточной мере бледно: это — восхваление и славословие, без попыток какого-либо анализа. Между тем Моруа стоит на правом фланге французской литературы, в его произведениях немало реакционного, чуждого нам (взять хотя бы его «Ариэль», книгу, развенчивающую бунтаря

Шелли, или последнюю его работу о Тургеневе).

Возвращаясь к книге Моруа, следует отметить, что хотя субъективно в ней есть вредные элементы, зависящие от идеалистической установки автора, но объективно — у советского читателя — карьеризм и политиканство Дизраэли, пусть даже «гениальный карьеризм», не могут вызвать никакой положительной оценки, не могут найти никакого идеологического отзвука. Книга Моруа вступает в противоречие с ее авторской направленностью: она перерастает в обличительную книгу, разоблачающую перед советским читателем буржуазную Англию и ее родное детище — великого карьериста Бенджамена Дизраэли.

Н. Ковбас

Базельский конгресс I интернационала 6—11 сентября 1869 г. Институт Маркса—Энгельса—Ленина. Подготовила И. Бах, под редакцией В. Адоратского, с предисловием М. Зоркого. Партиздат. 1934. 189 стр. 1 р. 75 к. + перепл. 75 коп.

Начатая ИМЭЛ публикация серии «Протоколы конгрессов и конференций I интернационала» является фактом огромной политической и исторической важности.

Эта серия поможет широкому ознакомлению с историей I интернационала, с той упорной борьбой, которую вели Маркс и Энгельс за создание международной партии пролетариата.

Недавно вышедший из печати «Базельский конгресс I интернационала 1869 г.», рисующий всю сложность обстановки, в которой Маркс и Энгельс вели борьбу против прудонистов и бакунистов, представляет большой политический интерес.

Базельский конгресс был поворотным пунктом в истории I интернационала. На этом конгрессе был нанесен сокрушительный удар прудонизму. Застрельщиками борьбы против Маркса после конгресса стали бакунисты.

Отсутствие Маркса на конгрессе, как будто, повышало шансы противников марксизма. Прудонисты и бакунисты начали наступление на делегатов Генерального совета, сторонников Маркса, по основным вопросам порядка дня: о земельной собственности и о праве наследования.

Несмотря на то что Маркс задолго до конгресса готовил к нему членов Генерального совета, некоторые из них под напором прудонистов и бакунистов на конгрессе растерялись, сомневаясь в его успешном исходе. 6 сентября 1869 г. Лесснер писал Марксу: «Тут такой сумбур, такая погоня за славой, что просто не знаешь, с чего начать. Бакунин со своими телохранителями интригуют во всю»¹. В письме от 7 сентября Лесснер подчеркивал: «Твое отсутствие — самый

большой ущерб, который когда-либо был нам нанесен; большинство еще думает, что ты приедешь, хотя я им с самого начала сказал, что тебя задержало сильное недомогание, а также и работы для Генерального совета и т. д. Ясно, что всякие Бакунины, Гегги и пр. пикнуть не посмели бы»².

Маркс хотя и не присутствовал на конгрессе, но подготовил к конгрессу два блестящих доклада: доклад о работе Генсовета за период с Брюссельского конгресса (1868 г.) и доклад о праве наследования.

Годовой отчет Генсовета давал яркую картину стачек, или, как их называл Маркс, «партизанских боев рабочего класса против капитала», охватывавших все большие и большие отряды пролетариата разных стран.

Стачки стали повсеместным явлением: бастовали ленточники в Базеле, строительные рабочие и наборщики в Женеве, сталелитейщики в Серене, углекопы в Бориннаже, хлопчатобумажники в Соттевиль-ле-Руан, горняки в Сент-Этьене, Рив-де-Жье и Фюмери, сучильщики шолка в Лионе. Большинству этих стачек Интернационал оказывал моральную и материальную поддержку.

Отчетные выступления делегатов с мест показывают, что успешное руководство Интернационала стачками и присоединение к Интернационалу новых организаций вызвали сильную тревогу среди буржуазии. Маркс писал в отчете, что швейцарские капиталисты следующим образом оценивали I интернационал: «Товарищество впервые занесло в добрый старый город Базель современный бунтарский дух»³.

«При таких затруднительных обстоятельствах, — сказано в отчете, — явилась блестящая идея — возложить на алтарь общественного негодования козла отпущения, всегда находящегося под рукой, а именно Международное товарищество рабочих»⁴.

Прочитанный на конгрессе отчет Маркса на французском и немецком языках был заслушан с величайшим вниманием: «Чтение то и дело прерывалось бурей одобрения»⁵. Написанный 65 лет назад, этот доклад и сейчас звучит как страстный обвинительный акт против современной буржуазии.

Большой интерес представляют прения по земельному вопросу.

Французские делегаты, взывая к «науке», отстаивали идею сохранения мелкой крестьянской собственности, но выступления Шемале, Толена, Мюра и истерически злобным воплям Ланглуа против коммунизма был дан дружный отпор со стороны большинства делегатов, объединившихся вокруг сторонников Маркса. Проведенная Марксом накануне конгресса предварительная работа среди членов Генерального совета дала необходимые результаты, несмотря на моменты сомнений и неуверенности, имевшие место в начале конгресса.

Это хорошо иллюстрирует выступление члена Генсовета, тредюниониста Бенджамина Леккрафта. Леккрафт заявил, что «он стоит за то, чтобы земля была собственностью государства

² Там же, стр. 149.

³ Там же, стр. 13.

⁴ Там же, стр. 20—21.

⁵ Там же, стр. 150.

¹ «Протоколы», стр. 146 (разрядка моя. — Н. К.).

и обрабатывалась государством на пользу всему обществу,—не под руководством привилегированного меньшинства, осуществляющего государственную власть в ущерб широким народным массам, а под руководством правительства, призванного заботиться о благе всего общества». Лекрафт «хотел бы, чтобы земля обрабатывалась в крупном масштабе, с использованием всех сберегающих труд машин, какие только можно применить, и чтобы наука работала ко всеобщей выгоде»¹.

Лесснер отмечал, что «крупное сельское хозяйство неизмеримо выгоднее мелкого, но в настоящее время вся выгода, которую оно приносит, попадает в карман немногих... Наука решила вопрос, и решила его в пользу общественной собственности на землю»². Резолюция конгресса, признающая необходимость ликвидации частной земельной собственности и обобществления ее, была принята 53 голосами против 8 при 10 воздержавшихся.

Бакунин, голосовавший за резолюцию сторонников Маркса по земельному вопросу, сберегал силы, чтобы дать бой по вопросу о праве наследования. Создав в рядах Интернационала подпольную организацию, Бакунин собирался на Базельском конгрессе захватить руководство Интернационалом в свои руки. Стремясь обеспечить себе большинство на конгрессе, Бакунин не останавливался даже перед подделкой мандатов. В публикуемом впервые письме Маркса Де Папу Маркс цитирует письмо Перре³, в котором сказано следующее: «...их (бакунистов.—Н. К.), маневр состоял в том, чтобы послать в Базель исключительно членов Альянса Гегга, Броссе, Бакунина... Такого рода приемы безнравственны. Они уехали раньше нас, чтобы подготовить свои интриги в Базеле... Мартино, делегат невшательской секции, имел мандат, подписанный братом Гильома, — ложный, фальшивый мандат, доказательств у нас в руках»⁴.

Подготавливая удар по вопросу о праве наследования, отмена которого должна была послужить, по мнению Бакунина, «исходным пунктом социального движения», и стараясь в качестве делегатов конгресса подобрать побольше своих сторонников, Бакунин жестоко просчитался. Юнг, получив доклад Маркса о праве наследования, с полным основанием заявил: «Теперь мы во всеоружии»⁵. В своем докладе Маркс со всей остротой вскрыл истинную подоплеку бакунинской доктрины и подверг уничтожающей критике «сенсимонистские бредни», лежавшие в основе бакунинского учения о праве наследования: «Одна из крупных ошибок, сделанных лет 40 тому назад учениками Сен-Симона, заключалась в том, что они рассматривали право наследования не как юридическое следствие, а как экономическую причину нынешней организации общества... законы о наследовании являются не причиной, а следствием, юридическим выводом из

существующей экономической организации общества...»

Нам надлежит бороться с причиной, а не с следствием, с экономическим базисом, а не с его юридической надстройкой... Признать отмену права наследования от правой точкой социальной революции означало бы только отвлечь рабочий класс от той позиции, с которой действительно следует повести атаку на современное общество»⁶.

Доклад произвел сильнейшее впечатление на делегатов конгресса.

Но сторонники Маркса все же не смогли в прениях с достаточной убедительностью отстаивать идеи Маркса по вопросу о праве наследования. В то же время и Бакунину не удалось провести своих предложений. Конгрессом не было принято по этому вопросу никакой резолюции. Тот факт, что и резолюция Маркса не была принята, доказывает, что бакунисты и после Базельского конгресса представляли в I интернационале реальную опасность. Решительный бой бакунистам был дан на Лондонской конференции 1871 г., а на Гаагском конгрессе 1872 г. они были исключены из Интернационала.

«Анархисты, — писал Фр. Энгельс Ван-Паттену 18 апреля 1883 г., — начиная с 1867 года при помощи самых гнусных средств пытались стать во главе Интернационала, и Маркс был главным препятствием на их пути. В результате пятилетней борьбы анархисты были исключены из Интернационала на Гаагском конгрессе в сентябре 1872 года; человеком, который сделал больше всех для того, чтобы добиться этого исключения, был Маркс»⁷.

Содержательное предисловие тов. Зоркого вводит читателя в сущность борьбы Маркса с мелкобуржуазным социализмом и дает оценку значения Базельского конгресса в деятельности I интернационала. Тов. Бах, подготовившая «Протоколы» к печати, удачно справилась с довольно трудной задачей.

«Протоколы» снабжены: 1) материалами конгресса; 2) приложениями и 3) примечаниями и указателем имен. В разделе «Материалы конгресса» собраны разбросанные по протоколам резолюции и постановления конгресса и приведены более полно доклады комиссии по вопросам повестки дня конгресса. В «Приложениях» даны материалы, характеризующие деятельность Генсовета в период между Брюссельским и Базельским конгрессами и подготовительную работу к конгрессу, проделанную Генсоветом под руководством Маркса. Здесь же приведены и публикуемые впервые протоколы заседаний Генсовета за этот период.

Особый интерес представляют впервые публикуемые письма, тоже включенные в этот раздел, Де Папа, Юнга, Либкнехта, Лесснера и Лафарга к Марксу, написанные в период, предшествовавший конгрессу, и во время конгресса.

Оформлены «Протоколы» очень удачно. Иллюстрации (из музея ИМЭЛ) оживляют книгу. Но нужно высказать и кое-какие пожелания:

¹ «Протоколы», стр. 43.

² Там же, стр. 49.

³ Швейцарец, гравер, член бюро «Альянса», с конца 1868 г., являясь секретарем комитета Романской федерации, возглавлял борьбу Женевской секции против Бакунина.

⁴ «Протоколы», стр. 142.

⁵ Там же, стр. 152.

⁶ Там же, стр. 54—55.

⁷ «Архив Маркса и Энгельса». Т. I (VI), стр. 224.

распространить аппарат — примечания, указатель имен, прессы — и на разделы приложений и материалов конгресса, не ограничиваясь только основным текстом протоколов. Например на стр. 117, в отчете заседания Генсовета от 6 июля 1869 г. по вопросу о земельной собственности, выступает «автор», а кто этот автор, не указано. В указателе имен Маркс встречается семь раз, а страницы писем Маркса к Энгельсу не указаны. Энгельс в именном указателе совсем отсутствует, в то время, как на стр. 131, 132, 133, 138, 139 и 140 помещены его письма к Марксу. Нужно было бы дать и хронологию событий, связанных с деятельностью Интернационала за период между Брюссельским и Базельским конгрессами.

Выход тома, открывающего новые страницы из наследия Маркса и Энгельса, чрезвычайно своевременен и важен.

В. Круть

1. А. Д. ДМИТРЕВ. *Гайдамащина (из истории классовой борьбы на Украине в первой половине XVIII в.)*. «Дешовая историко-революционная библиотека». Издательство политкаторжан. М. 1934. 56 стр. 30 коп. 20 000 экз.

2. А. Д. ДМИТРЕВ. *Колиивщина (из истории классовой борьбы на Украине во второй половине XVIII в.)*. М. 1934. 44 стр. 25 коп.

В свое время на страницах журнала «Историк-марксист» (№ 3 за 1934 г.) указывалось на недоброкачество ряда книг, выпущенных «Издательством политкаторжан». Две рецензируемые брошюры относятся к этой категории книг.

Обе книжки, посвященные истории крестьянских войн XVIII в., весьма актуальны. Книжки о крестьянских войнах на Украине можно было бы только приветствовать, если бы содержание их соответствовало задачам марксистской исторической науки. К сожалению, нужно сказать, что брошюры эти немарксистские.

Остановимся на важнейших ошибках и недочетах каждой брошюры в отдельности.

В каждом из семи небольших разделов первой книжки есть ряд ошибок, нелепостей и безграмотных утверждений.

Уже на первой странице автор дает упрощенное понимание слова «гайдамак» и ограничивает район деятельности гайдамаков только Правобережной Украиной.

Говоря о предпосылках восстаний, автор пишет: «В середине XVIII века западная, приднепровская часть Украины в результате казацко-крестьянских восстаний сбросила с себя господство польских магнатов и шляхты и образовала казацкое государство под названием гетманщины» (стр. 5). Это типичная национально-буржуазная концепция. Разве можно «хмельничину» (крестьянскую войну середины XVII в.)

рассматривать как победу казацко-крестьянских восстаний, а гетманщину как казацкое государство? Гетманщина никогда не была политически самостоятельна, а всегда находилась под протекторатом Московского государства, временами Польши или Турции и являлась выражением господства украинских феодалов (казацких старшин) в союзе с феодалами какой-либо соседней страны.

Слишком упрощенно толкуется классовая сущность правящей казацкой верхушки: «...все старшинские должности в войске распределялись только между родственниками правящей казацкой верхушки» (стр. 9). И дальше вывод: «Последняя (правящая верхушка. — В. К.) таким образом превратилась в казацко-украинском государстве в господствующий над остальными казацкими массами класс» (стр. 9).

Не менее упрощенно автор излагает процесс закрепощения казаков и ограбления казацких земель: «Освободил пан-полковник казака от дворовых работ, на принуждение к которым и права-то не имел, и за это казак должен был отдать пану-полковнику половину своей рощи. Освободил пан-сотник своего казака от поездки по делам пана в город, и за эту милость казак должен был отдать пану поле» (стр. 11).

Сложный процесс закрепощения и особенно роль и сила внеэкономического принуждения, просто насилия, автором не вскрыты и не показаны, хотя он написал по вопросу о закрепощении больше 10 страниц.

Непонятно, зачем автор подробно останавливается на движениях, не имевших отношения к гайдамацким выступлениям (восстание под предводительством полковника Пушкаря, Палея и др.), и связывает эти движения с гайдамаччиной (стр. 19—22).

На стр. 22 мы читаем: «В 1714 году отвоеванная у Польши Левобережная Украина уже окончательно превратилась в колонию русского самодержавия». Ведь Левобережная Украина отвоевана не в 1714 г., а в 1654 г. и еще в конце XVII в. постепенно превращена была в колонию русского самодержавия.

Скучно и тягуче описывает автор положение крестьянства на Левобережье Украины. Здесь мы также находим погрешности в отношении исторических фактов, дат и т. п. Автор приводит длинные цитаты без указания источника, что свойственно не только этому разделу брошюры, но обеим брошюрам в целом.

Собственно гайдамацким восстаниям уделено мало места, да и то в чрезвычайно общих чертах: без указаний и достаточной характеристики отдельных восстаний, их руководителей и мест движения.

К примеру, о крупнейшем гайдамацком восстании в 1750 г., когда восставшие захватили в свои руки целые воеводства (Киевское, Брацлавское) и взяли приступом многие укрепленные города, как Умань, Винницу, Фастов, Радомысль и др., автор ограничивается несколькими строчками и не показывает размаха движения.

Неправильно оцениваются автором роль религиозного и национального моментов в восстании и причины сосредоточения движений преимущественно на Правобережной Украине (стр. 38).

Вторая брошюра, под названием «Колиив-

щина», имеет те же общие недостатки в отношении стиля, содержит много ошибок и погрешностей. Она посвящена одному, самому крупному гайдамацкому восстанию.

В первом разделе, под названием «Что такое коливщина и чем она интересна для нас», автор сводит это мощное движение лишь к отдельному моменту «гайдамачины» и в качестве причин, вызвавших это мощное восстание, особенно выдвигает национально-религиозное угнетение крестьянства со стороны польских помещиков.

«Поэтому они (польские помещики. — В. К.) насильно, — пишет автор, — под страхом наказаний и пыток, навязывали украинским крестьянам свою польскую католическую веру и преследовали их за то, что они не хотели исполнять церковных обрядов у польских ксендзов или униатских попов». Дальше, автор отмечает, что национально-религиозное угнетение «оказало большое влияние на ход и развитие коливщины» (стр. 7). Автор особенно преувеличивает роль православного духовенства в руководстве движением против польской шляхты.

В разделе «Как началась коливщина» мы находим весьма наивные рассуждения о том, что благодаря групповой борьбе польской шляхты вокруг кандидатуры на королевский престол началась гражданская война в Польше, положившая начало коливщине. Говоря о борьбе сторонников польского короля Понятовского, ставленника России, против шляхты, отстаивавшей свою независимость, автор усматривает за этими двумя борющимися лагерями главным образом борьбу католицизма с православием (стр. 10, 11).

«При помощи украинских православных иерархов и попов, — пишет автор, — царское правительство России стало разжигать среди этих крестьян религиозную и национальную вражду к польскому и еврейскому населению Правобережья» (стр. 11).

И дальше: «По всей Правобережной Украине началась усиленная агитация православного духовенства...»

Особенно подчеркивается автором роль в деле подготовки восстания игумена Матронинского монастыря Мельхиседека (Значко-Яворского), который якобы являлся главным вдохновителем всего восстания. На протяжении нескольких страниц читаем сплошные перепевы утверждений буржуазных украинских историков и находим места, явно заимствованные из отдельных их учебников или монографий. Приведем для сравнения два места: одно из брошюры автора, другое — из учебника буржуазного историка Украины А. Ефименко.

У автора на стр. 12 читаем: «И вот, по секретному распоряжению Мельхиседека, в монастырях и скитах, разбросанных по берегу и островам Днепра, по монастырским хуторам и мельницам в лесах Киевщины, монахи стали убеждать крестьян примкнуть к гайдамацким отрядам и встать против поляков и евреев на защиту «веры».

Это похоже на нижеследующее место из А. Ефименко: «Подготавливалось это движение и организовалось в монастырях и скитах, разбросанных по берегу и островам Днепра, по монастырским хуторам и мельницам в лесах Киевщины» (А. Ефименко «История украинско-

го народа». Вып. I и II, стр. 348. С.-Петербург. 1906).

Нет надобности подробно останавливаться на критике подобных взглядов и доказывать их ошибочность, но нужно отметить, что автор слишком часто пользуется подобными высказываниями буржуазных историков, извращая факты, преувеличивая и идеализируя вместе с этими историками роль духовенства.

Давая характеристику руководителя восстания Максима Железняка, автор фантазирует, пытается определить, так сказать, «душевное» состояние Железняка и личные мотивы, побудившие его стать во главе восстания; здесь на первое место выступают воздействие игумена Мельхиседека, а также властолюбие и мечты о гетманстве молодого послушника монастыря. Нет даже упоминания о пребывании Железняка в Запорожской сечи и его близости к казацкой старшине. В этих рассуждениях — ни грама научности и исторической правдивости. Они позаимствованы из работ отдельных украинских и польских буржуазных историков и мемуаристов. Автор непоследователен и часто сам опровергает утверждения, изложенные выше.

И игумен Мельхиседек выступает то в роли инициатора, чуть ли не единственного вдохновителя восстания, то в роли душителя движения.

Социальный состав восставших не вскрыт (крестьянство, казачество сечевое, городские ремесленники и др.); не показаны также с достаточной ясностью и формы движения. Автор слепо повторяет буржуазных и мелкобуржуазных историков, искажавших социальные корни и характер крестьянских восстаний.

Обстоятельства перехода на сторону восставших Ивана Гонты, сотника надворных казаков, владельца Умани графа Потоцкого, изображены извращенно. Мы имеем здесь в виду не только идеалистические размышления автора о мотивах, побудивших Гонту перейти на сторону восставших, но и извращение подлинных фактов, например утверждение о том (стр. 30), что якобы Гонта еще до встречи с Железняком повел своих казаков в наступление на Умань.

И Гонта и Железняк не показаны с действительной исторической правдивостью. Бесспорно, что вожди крестьянского движения облачались в тогу правителей отвоеванных у феодалов земель, но это отнюдь не умаляло их значения, как титул царя, присвоенный Пугачевым, не делал пугачевщину реакционным восстанием.

К сожалению, автор совершенно неверно охарактеризовал личности Железняка и Гонты. Если первого он всецело связал с судьбой Мельхиседека и сделал его слепым орудием в руках игумена, то второго представил раскаявшимся мужицким сыном, случайно добившимся почестей у магната Потоцкого, а затем перешедшим на сторону восставшего народа.

Разгром коливщины и обстоятельства ареста руководителей восстания даны слишком туманно и не без погрешностей с фактической стороны.

Неверно, что семья Гонты (жена и дочери) после наказания розгами была отправлена в ссылку в Сибирь, так как Гонта был польским подданным, а русские войска взяли из числа

участников восстания только запорожских казачков и кое-кого из православного духовенства; все остальные участники восстания были переданы польским властям.

Не соответствует действительности утверждение, что Железняк избежал русского плена при разгроме восставших под Уманью (стр. 34) и якобы в дальнейшем руководил восстанием. Железняк был схвачен русскими войсками и направлен (как русский подданный) в ссылку, по дороге бежал (в районе Сум, Харьковской губернии), но скоро снова был схвачен неподалеку от места побега и отправлен в Сибирь.

Отмеченные нами ошибки обеих брошюр не исчерпывают всех недостатков, так как нет возможности в рецензии перечислить все недостатки, а тем более доказать нелепость целого ряда мелких ошибочных утверждений, отдельных нелогичных фраз, противоречий и т. п.

Можно сделать общие выводы в отношении брошюр:

1. Они извращают действительную историю и протаскивают ряд установок буржуазных и мелкобуржуазных историков.

2. Погоня за «популярным» языком привела автора к чрезмерному упрощенчеству, к вульгаризации.

3. Книжки А. Дмитриева вредные, халтурные, и их не следовало печатать.

А. Уник

«ИСТОРИЯ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ» №№ 1, 2, 3.

Государственное учебно-педагогическое издательство. М. 1934. 1 руб. 15 300 экз.

Постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» поставило перед учителями истории задачу коренной перестройки работы. В помощь учителям Наркомпрос начал издавать сборники «История в средней школе».

Содержание вышедших трех сборников делится на два отдела: общие статьи и методические. К первому относятся научно-популярные статьи, а также статьи, знакомящие учителей с различными проблемами исторической науки.

Статьи первого отдела в сборнике № 1 были посвящены преимущественно разъяснению постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о преподавании гражданской истории. Особенно подробно вопросы исторического образования освещены в статье т. Панкратовой «Историческое образование—на уровень великих задач пятилетки». В сборниках №№ 2 и 3 напечатан ряд статей, помогающих учителю углубить его исторические знания. В сборнике № 2 даны две статьи по истории древнего Востока и древней Греции, по истории древних германцев.

Статья академика Никольского посвящена весьма интересному вопросу: «К какой обще-

ственно-экономической формации принадлежит общество древнего Востока?» Так как этот вопрос является спорным, то редакция представила слово представителям различных точек зрения: академику Никольскому, который считает, что в древнем Востоке был феодализм, и А. Авдиеву, утверждающему, что там имело место рабовладение.

Редакция считает, что обсуждение спорных вопросов будет активизировать учительскую массу на самостоятельную проработку сложных исторических проблем. Статья тов. Розенталя «Древние германцы» подвергает критике теории Допша и Петрушевского. Во второй статье тов. Розенталя — «Образование варварских государств» — дан конкретно-исторический материал по истории Европы с III по V в.

Статьи Лебедева «Булавинское восстание», Константинова «Аракчеевщина» посвящены ряду интереснейших фактов из истории России. Материалы статьи Константинова «Аракчеевщина» (сборник № 3) о дикой муштре детей военнопоселенцев в специальных школах-казармах должны быть использованы в классе.

Не менее интересен второй раздел журнала, посвященный методике преподавания истории. Одним из наиболее важных вопросов этого раздела является вопрос об учебнике, о его использовании преподавателем. Статьи «Профиль учебника истории» Наглиса (сборник № 1), «К вопросу о типе учебника по древней истории» проф. Сингалевича (сборник № 3), «Учебник истории в самостоятельной работе учеников» Гриневича (сборник № 3), «О работе учителя над учебником истории» Фохт, (сборник № 1) разрабатывают эти вопросы. В сборнике № 3 напечатаны конспекты подготовленных к печати учебников: истории древнего мира и истории средних веков. В сборнике № 3 напечатаны статьи акад. Никольского и проф. Ковалева «Как преподавать древнюю историю в 1934—1935 учебном году» и проф. Косминского «Как преподавать историю средних веков в 1934—1935 учебном году». В этих статьях учителя найдут практические указания о возможностях использования в этом году (пока выйдет новое издание) старых учебников Никольского и Гуковского, с учетом их ошибок, вскрытых постановлением СНК и ЦК ВКП(б). Надо все же отметить, что проблеме учебника сборники уделяют недостаточное внимание.

Больше всего материалов посвящено методике проведения отдельных уроков: конспекты уроков, стенограммы образцовых уроков, подведение итогов прошлогоднего опыта. Статья А. Фохт «Методика уроков истории» (сборник № 1) выясняет на конкретных примерах типы уроков по истории. Даны материалы по следующим вопросам: «Первые занятия по истории» (сборник № 1), «Древняя Греция» (сборник № 1), конспект урока «Древнегреческое рабство и стенограмма урока, который был дан по этому конспекту в одной из московских школ (сборник № 2), образцовый урок на тему «Борьба между патрициями и плебеями» (сборник № 1). Очень подробно, с привлечением большого материала составлена методическая разработка на тему «Великие географические открытия» (автор Соколов, сборник № 3). В разработке «Крестьянские войны на Украине» (сборник № 1) особенно ценным является конкретное указание о том, как можно

для этой темы использовать «Тараса Бульбу» Гоголя для показа ученикам контрреволюционной роли казацкой старшине, разжигавшей национальную и религиозную вражду, чтобы отвлечь внимание восставших крестьянских масс от основной задачи восстания—ликвидации крепостничества и помещичьего землевладения. Методическая разработка «Экономическое развитие и классовая борьба в 90-х годах» дает указания о том, как надо строить изучение определенных этапов истории СССР на основе работ Ленина. В ряде статей даны итоги опыта, конкретные примеры недочетов в преподавании истории, которые вскрыло постановление ЦК и Совнаркома. Таковы статьи об итогах преподавания истории в VI и VII классах ленинградских школ (сборник № 3) и статья, посвященная опыту московской школы им. Радищева (сборник № 1). Обращает на себя внимание статья Вороновой «Революция 1848 г. в Германии» (сборник № 3), в которой тов. Воронова рассказывает, как она пыталась в двух ленинградских школах пре-

одолеть «хотя бы некоторые недочеты программы» (стр. 145).

Ряд статей освещает отдельные вопросы методики: использование карты (сборник № 2), документация (две статьи в сборнике № 2), кино (сборник № 1), радио (сборник № 3), исторические экскурсии (сборник № 2), тетради по истории (сборники №№ 1 и 3) и т. д.

Сборники пока уделили недостаточное внимание характеристике исторических деятелей. Имеется лишь одна статья Ивановой «Леонардо да Винчи как тип нового человека эпохи Возрождения» (сборник № 2).

Необходимо также больше внимания уделить вопросам хронологии. Ближайшей задачей сборника является создание библиографического отдела, в котором надо давать аннотированные обзоры литературы по отдельным вопросам и систематические отзывы на новую историческую литературу.

Критика отдельных статей будет дана дополнительно.

ПО ИСТОРИЧЕСКИМ УЧРЕЖДЕНИЯМ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ КРАСНОЙ АРМИИ В 1933—1934 Г.

Научно-исследовательская работа Центрального архива РККА (ЦАКА) состоит главным образом в тематическом выявлении материалов, в подборе и систематизации документов для «Истории гражданской войны» и военных академий, в создании картотеки для выпуска серии тематических каталогов по всем этапам гражданской войны, в освещении руководящей роли вождей Октябрьской революции в гражданской войне и собирании материалов о героях гражданской войны.

Архив в своей работе применял метод суммарного описания дел, замененный впоследствии выявлением каждого отдельного важного документа, так как одно дело содержит материалы для разных тем.

Архив выявляет материалы о фронтах гражданской войны, однако только в пределах материалов фондов Реввоенсовета республики, фронтов и армий. Таким образом важнейшие документы дивизий, бригад, полков остались еще не выявленными.

Тематические каталоги, выпускаемые в 1935 г., по отдельным этапам гражданской войны, будут более полными, исчерпывающими и охватят те дела, которые поступили в Архив после составления фондов. Количество систематизированных карточек по истории гражданской войны за 1933 г. — 19 682, за первую половину 1934 г. — 19 070.

В 1935 г. будет проведена разработка фондов красногвардейцев и красных партизан. Этот участок работы очень важен, так как в Архив поступает большое количество заявлений бойцов гражданской войны о выдаче справок для получения партизанских книжек.

Архив проделал значительную работу по публикации документов Туркестанского фронта. Военная академия печатает материалы Архива для проведения практических занятий со слушателями и для кабинета по истории гражданской войны.

В целях популяризации ценных архивных документов нами опубликованы материалы в «Рабочей Москве», в «Красной звезде», в дивизионных газетах и т. д. В журналах пока были опубликованы лишь две статьи: «Центральный архив Красной армии» и «Будем учиться у Ленина» («Борьба классов»).

12 статей составлены для редакции Военной энциклопедии по истории 12-й армии, Каспийско-Кавказского фронта, 10, 12, 23, 24, 26 и 27-й дивизии, Запфронта и др. На 1935 г. редакция Военной энциклопедии просит дать 83 небольших статьи.

Кроме того работниками Архива проводится редактирование ряда статей и проверка их по архивным материалам.

С осени текущего года начата работа по подбору материалов и рассылке их через

культпропы областкомов и райкомов редакциям местных газет. Документы посвящены историческим датам разгрома контрреволюции на отдельных фронтах и участках гражданской войны.

Издан фондовый каталог и заканчивается подготовка материалов для более подробного каталога «Борьба за Царицын». Готовится к изданию целая серия каталогов по этапам гражданской войны. Объем каталога по Царицыну — около 26 печатных листов. Характерной особенностью для данного и последующих каталогов является (в отличие от существующих) метод группировки дел и документов в разрезе тематики истории гражданской войны. Такое построение каталога дает возможность найти нужный документ, не прибегая к Архиву.

На 1935 г. Архив готовит тематический каталог «Борьба с белополяками» в 12 печатных листов, а также материалы для сборника документов.

Работа для Института Маркса — Энгельса — Ленина (ИМЭЛ) началась в 1934 г. В фондах Архива оказалось большое количество автографов документов Ленина и Сталина, имеющих крупное историческое и военно-стратегическое значение. За 1934 г. найдены и переданы в ИМЭЛ 336 документов, объемом около 500 страниц.

Выставка «Фрунзе и разгром Врангеля» была организована в 1933 г. и одобрена военными учреждениями. На просмотре находится альбом-выставка «Ленин в гражданской войне». Заканчивается сбор материалов для выставок «Народы СССР в гражданской войне» и «Японская интервенция на Дальнем Востоке». Намечено издать эти выставки в виде фотоальбомов. Дополнительные документы и иллюстрации по выставке «Народы СССР в гражданской войне» дают возможность выпустить интересный сборник на эту же тему.

Работа группы «Героев гражданской войны» проводится согласно решению Комиссии при ЦИК СССР и по инициативе тов. Ворошилова. На Архив возложено выявление и собирание материалов, освещающих биографию и подвиги живых и погибших в гражданской войне героев. Комиссией при ЦИК намечено издание сборников о героях гражданской войны на основе материалов Архива. Планом 1934 г. были намечены три темы: «Октябрь в Москве», «Оборона Царицына» и «Перекоп». Работа по первой теме закончена, вторая заканчивается.

За первое полугодие 1934 г. написано 7860 карточек, проработано 2271 дело (московской Красной гвардии, 10-й армии, начиная со штаба и кончая отдельной ротой штаба Южного фронта, по теме «Перекоп», 1-й конной армии, 4-й армии, 6-й армии).

На конец 1934 г. и на 1935 г. намечены темы «Востфронт», «Оборона Ленинграда» и «1-я конная армия».

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН

ЖУРНАЛА „БОРЬБА КЛАССОВ“

ОТ РЕДАКЦИИ

Помещая в настоящем номере проект тематического плана, редакция просит читателей по примеру прошлого года принять участие в его обсуждении и улучшении. Проект, конечно, должен считаться сугубо ориентировочным. Не все темы, перечисленные в предложенном списке, могут быть освещены в течение 1935 года, часть из них перейдет в тематику журнала в следующем году. Но наш проект предусматривает ту основную тематику, которую редакция намечает в качестве конкретной программы, исходя из задач массового журнала в деле осуществления того поворота в области исторического образования, которого потребовало от всего исторического фронта майское решение ЦК партии и правительства. Перестройку своей тематики в соответствии с директивами ЦК партии и указаниями ее вождя товарища Сталина наш журнал начал еще со второй половины истекшего, 1934 г. В 1935 г. журнал пойдет по тому же пути, но более планомерно и систематически. Это путь популяризации конкретных исторических знаний в области древней, средней и новой истории, истории СССР и отдельных народов, входящих в его состав, истории ВКП(б) и Коммунистического интернационала, истории колониальных и зависимых народов. Наш журнал не ставит себе специально педагогических целей. Все же его тематика построена так, чтобы быть полезной в деле повышения квалификации преподавателя и пропагандиста в области истории. Редакция поэтому просит читателей, особенно этой группы, внести свои пожелания и предложения. Переходя к содержанию тематики, редакция считает необходимым указать, что она стремится в 1935 г. сочетать разнообразие исторической тематики с сохранением стержневых тем для каждого номера. Номеров, посвященных специально одной какой-нибудь тематике, редакция в 1935 г. намечает всего два: номер по истории Ленинграда, посвященный памяти тов. С. М. Кирова, и майский номер, посвященный годовщине решения ЦК ВКП(б) от 16 мая о преподавании истории в средней школе, в котором будет проведен смотр годовой работы средней школы в области преподавания истории и подведены общие итоги перестройки исторического образования в СССР. Ведущей тематикой нашего журнала в 1935 г. будет тематика по истории 1905 г. Редакция считает целесообразным расположить эту тематику не в одном специально «юбилейном» номере, а давать ее из номера в номер в соответствии с «историческим календарем» революции 1905 г.

Разбивка на отделы в журнале остается на 1935 г. приблизительно та же, что и в истекшем, 1934 г.:

1. История древнего мира.
2. История средних веков.
3. История нового времени.
4. История международного революционного движения и Коммунистического интернационала.

5. История СССР (включая историю отдельных народов, входящих в состав СССР).

6. История ВКП(б).

7. История гражданской войны.

8. История фабрик и заводов.

9. Вопросы преподавания.

10. Библиография.

11. Хроника.

12. Консультация.

В предстоящем 1935 г. мы вводим постоянным разделом «биографии исторических деятелей» и расширяем библиографию, вводя аннотации исторических журналов, полку книжных новинок, библиографию событий революции 1905 г., новинки книжной продукции за границей, планы издательства исторической книги и т. п.

Исходя из задач массового журнала, редакция расширяет хронику, документацию, консультации, а в соответствии со спецификой «юбилейного года» намечает давать в каждом номере «календарь событий 1905 г.». Кроме того в виде опыта редакция намечает помещение в хронике небольшого справочника под названием «Исторический словарь» с объяснением важнейших понятий, терминов и событий всеобщей истории.

Размеры, общий характер и оформление журнала в предстоящем 1935 году предполагаются прежними.

В 1935 г. РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА „БОРЬБА КЛАССОВ“ БУДЕТ ИЗДАНА „ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕЧКА“ (6 БРОШЮР ПО 2—3 ПЕЧАТНЫХ ЛИСТА), ПОСВЯЩЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯМ ДРЕВНОСТИ:

1. Революционные движения в Египте за 2 000 лет до нашей эры.

2. Гражданская война в Греции в эпоху пелопоннесской войны.

3. Революции в Иудее во 2—1 ст. до нашей эры.

4. Революционное движение в древней Спарте.

5. Революции рабов в древнем Риме.

6. Гибель античного мира.

ПРОЕКТ ГОДОВОГО ПЛАНА

„БОРЬБЫ КЛАССОВ“

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И СТЕРЖНЕВЫЕ ТЕМЫ ОТДЕЛЬНЫХ НОМЕРОВ

- № 1 (Январь)** Ленин и начало революции 1905 г. (9 января). Съезды советов СССР.
- № 2 (Февраль)** 15-летие побед в гражданской войне. Статьи по 1905 г.
- № 3 (Март)** III съезд партии. История политических партий, действовавших в революции 1905 г.
- № 4 (Апрель)** История Ленинграда. Номер посвящается памяти С. М. Кирова (в зависимости от количества материала номер, возможно, будет сдвоен).
- № 5 (Май)** Годовщина решения ЦК о преподавании истории. Номер посвятить в основном вопросам преподавания истории.
- № 6 (Июнь)** Массовые бои российского и международного пролетариата (Лодзь, Иваново-Вознесенск, Вена и др.) в 1905 г. Западная тематика на эту же тему.
- № 7 (Июль)** Армия и флот в революции 1905 г. Армии и революции на Западе.
- № 8 (Август)** Номер в основном посвятить Энгельсу.
- № 9 (Сентябрь)** Номер посвятить преимущественно внешней политике 1905 г. История империализма. Восток, в частности Япония.
- № 10 (Октябрь)** Всеобщая октябрьская стачка. История конституций («17 октября» в России) и ряд статей по Западу. Статьи по истории фашизма в разных странах.
- № 11 (Ноябрь)** Советы в 1905 г. в России. Из истории советов в других странах. Советы в Китае.
- № 12 (Декабрь)** Декабрьское восстание 1905 г. в России. Опыт восстаний в истории революционной борьбы на Западе.

Содержание номера по истории Ленинграда, посвященного памяти С. М. Кирова

Номер 4 «Борьбы классов» будет редакцией посвящен истории Ленинграда. Он готовится редакцией совместно с ленинградскими историками и посвящен памяти вождя ленинградских рабочих и большевиков, крупнейшего руководителя нашей партии С. М. Кирова, с именем которого связано последнее десятилетие борьбы и социалистической стройки.

В этом номере будет показана история Ленинграда начиная с основания столицы Петром I.

В разделе первом намечен ряд статей, посвященных истории основания Петербурга и его развитию в первой половине XVIII в. (экономика, строительство, быт).

Развитию социально-политической жизни Петербурга XVIII и начала XIX вв. посвящен ряд статей о правящей камарилье этого времени, о «рабочих людях» и первых рабочих волнениях, о Радищеве.

В разделе втором будут даны статьи о восстании декабристов в 1825 г. и о Петербурге Николая I, ряд очерков по истории возникновения рабочих районов с характеристикой рабочего быта (история Нарвского района, Невской заставы, Выборгской стороны). Кроме того имеется в виду показать литературный Петербург эпохи Пушкина как центр духовной жизни страны.

В разделе третьем намечены статьи по истории революционно-народнического периода 60—80-х годов (петрашевцы, Чернышевский, забастовки 70-х годов, демонстрация на Казанской площади 1 марта 1881 г., Виктор Обнорский, Александр Ульянов).

Раздел четвертый даст историю пролетарского Петербурга со времени появления Ленина и до революции 1905 г. (Петербург конца XIX—начала XX вв., стачки 90-х годов. Ленин и «Петербургский союз борьбы», обуховская оборона, петербургская организация в период II съезда и после него, гапоновщина, революция 1905 г. и Ленин, и ряд других статей).

Раздел пятый—Петербург между двумя революциями (экономическая и политическая характеристика, рабочее движение, петербургская организация в годы реакции и подъема, товарищ Сталин в Петербурге, баррикады 1914 г., Петербург в годы войны, военнопромышленные комитеты, борьба большевиков с «оборончеством» и др.).

Раздел шестой—пролетарский Петербург в борьбе за диктатуру пролетариата (петроградская организация в Февральской революции, приезд Ленина в апреле 1917 г., совет рабочих депутатов, профсоюзы и фабзавкомы, Красная гвардия, петроградский пролетариат в вооруженном восстании, Ленин и большевики в борьбе за Октябрь, петроградская организация в годы гражданской войны, товарищ Сталин и оборона Петрограда, Северная коммуна и др.).

Раздел седьмой—город Ленина в борьбе за победу социализма (смерть Ленина и петроградский пролетариат, борьба ленинградского пролетариата с зиновьевской и объединенной оппозициями, борьба за первую пятилетку, Киров — вождь ленинградских рабочих, Ленинград—пионер в освоении новых производств, строительство Ленинграда, из истории ленинградских промышленных гигантов: завод им. Кирова, завод им. К. Маркса, Октябрьская дорога и др., Ленинград — город мировой культуры: университет, Академия наук, театры, библиотеки, музей, памятники Ленинграда и т. п.).

Конкретный план номера сейчас разрабатывается. Номер выходит в значительно увеличенном против обычного размере и вследствие этого, возможно, будет вдвоен.

К 30-летней годовщине революции 1905 г.

ТЕМЫ ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ 1905 Г.

1. 9 января.
2. Армяно-татарская резня в Баку.
3. Бакинская декабрьская стачка в 1904 г.
4. Разгром армии Куропаткина.
5. С какими партиями большевики боролись в 1905 г.
6. Порт-Артур.
7. Цусима.
8. Баррикадная борьба в Лодзи.
9. Иванововознесенская стачка.

10. Восстание «Потемкина».
11. Крестьянское движение в 1905—1907 гг.
12. Белостокская резня.
13. Портсмутский договор.
14. Партия кадетов (очерк истории, программы и тактики).
15. Сентябрьские стачки в Москве.
16. Манифест 17 октября.
17. Союз русского народа.
18. Самодержавие в 1905 г.
19. Всеобщая октябрьская стачка.
20. Петербургский совет рабочих депутатов.
21. Восстание в Ростовском полку.
22. Московские большевики и подготовка вооруженного восстания.
23. Революция 1905 г. в национальных районах.
24. Пролетариат Татарии и события 9 января.
25. Буржуазно-националистические концепции революции 1905 г.
26. Борьба мирового империализма против революции 1905 г.

ТЕМЫ ПО ИСТОРИИ ПАРТИИ В 1905 Г.

1. 30-летие первого номера «Вперед».
2. Ленин о начале революции в России.
3. Ленин о 1905 г. (о Ленинских сборниках).
4. Пораженческая тактика большевиков в русско-японской войне.
5. Бюро комитетов большинства (БКБ) в борьбе за III съезд.
6. 30-летие статьи товарища Сталина «Вскользь о партийных разногласиях».
7. III съезд партии.
8. Большевистский III съезд и меньшевистская конференция.
9. III съезд и II интернационал.
10. 30-летие «Двух тактик» Ленина.
11. Партийное строительство в 1905 г.
12. Национальные социал-демократические организации в 1905 г.
13. Большевистская тактика бойкота булыгинской думы.
14. Большевики и манифест 17 октября.
15. Большевистский «Пролетарий» и большевистская «Новая жизнь».
16. Таммерфорская большевистская конференция (24—30 декабря 1905 г.).
17. Ленин о московском вооруженном восстании.
18. Приезд Ленина в Россию в 1905 г.
19. Сталин о революции 1905 г.
20. Революция 1905 г. и международный пролетариат.
21. Ряд статей о местных партийных организациях в 1905 г.

К 40-летию со дня смерти Фр. Энгельса.

1. Энгельс (биография).
2. Энгельс и Маркс.
3. Энгельс после смерти Маркса.
4. Энгельс как историк.
5. Энгельс и германское рабочее движение (в период исключительных законов).
6. Энгельс и английское рабочее движение.
7. Энгельс и основание II интернационала.
8. Энгельс о России.
9. Энгельс и русские революционеры (Плеханов, Бакунин, Николай-он, Благоев).

ПРОЕКТ ТЕМАТИКИ ПО ОТДЕЛАМ

1. История древнего Востока

1. Возникновение и конец нового царства.
2. Вавилон в царствование Хаммураби.
3. Древний Израиль.
4. Хетты и хеттская культура.
5. Ассирийская военная держава.
6. Нововавилонское (Халдейское) царство при Навуходоносоре.
7. Персидское царство.
8. Рабство в Древней Индии.
9. Восстания «красных бровей» и «желтых тюрбанов».

2. История древней Греции

1. Гомеровская Греция.
2. Пелопоннесский союз и гегемония Спарты.
3. Солон и его реформы.
4. Греко-персидские войны.
5. Александр Македонский и образование мировой монархии.
6. Восстания рабов в Греции в IV и III вв.

3. История древнего Рима

1. Ранняя римская республика.
2. Рим после Пунических войн.
3. Восстание рабов в Сицилии.
4. Братья Гракхи.
5. Восстание Спартака.
6. Юлий Цезарь.
7. Август.
8. Христианство в Римской империи.

4. История средних веков

1. Византия и Западная Европа.
2. Происхождение Ислама.
3. Багдадский и Кордовский халифаты.
4. Франкское государство при Карле Великом.
5. Возникновение Священной Римской империи.
6. Крестовые походы.
7. Гогенштауфены.
8. Возникновение английского парламента.
9. Столетняя война.
10. Жакерия и революционные движения в городах.
11. Людовик XI и политическое объединение Франции.
12. Империя Рудольфа Габсбургского.
13. Великая Ганза.
14. Гусситское движение.
15. Венеция и Генуя.
16. Восстание чомпи (из истории Флоренции).
17. Макиавелли и попытки объединения Италии.

18. Завоевание Константинополя турками.
19. Инквизиция в Испании.
20. Кальвинисты.
21. Контрреформация и иезуитские ордена.
22. Остиндская компания.
23. Гугенотские войны.
24. Вестфальский мир 1648 г. и раздробление Германии.
25. Возникновение торгового дома Фуггеров.
26. Левеллеры в Великой английской революции.
27. Франция Людовика XIV.
28. Колониальные захваты Голландии.

5. История нового времени

1. Восстание силезских ткачей.
2. Воссоединение Германии.
3. Воссоединение Италии.
4. Испанская революция 1868—1874 гг.
5. Революция Мейджи в Японии.
6. Тайпинская революция.
7. Раздел Африки в конце XIX в.
8. Разрыв русско-германского союза.
9. Англо-бурская война.
10. Завоевание Кореи.
11. Из истории японской экспансии на азиатский материк.
12. Борьба предвоенной Германии за колонии.
13. Крестьянские восстания в Румынии в 1907 г.
14. Турецкая революция 1908 г.
15. Китайская революция 1911 г.
16. Персидская революция.
17. Ирландское восстание 1916 г.
18. Эволюция французского радикализма.
19. Из истории конфедерации труда во Франции.
20. Германская социал-демократия в годы перед войной 1914 г.
21. Из истории Франции (1871—1890 гг.).
22. Из истории Франции (1890—1914 гг.).
23. Из истории фашизма в Германии.
24. Из истории фашизма в Италии.

6. История международного революционного движения и история Коминтерна

1. 20-летие Циммервальдской конференции.
2. Восстание в Катарро в 1917 г. (Австрия).
3. Владайское восстание 1918 г. (Болгария).
4. Английский комитет действия «Руки прочь от Советской России».
5. Французский пролетариат на защите СССР.
6. Стачки железнодорожников Чехословакии и Австрии против интервенции (1919—1920 гг.).
7. Борьба пролетариата Данцига в 1920 г. против интервенции.
8. История оккупации Манчжурии и борьба манчжурских партизан.
9. Корейские трудящиеся массы в борьбе с японским империализмом.
10. Пацификация Западной Украины.
11. Галицийский ревком.
12. Греко-турецкая война 1921 г.
13. Восстание риффов.
14. Борьба за советы в Чили.

15. Советы в Польше.
16. Захват фабрик и заводов в Италии в 1920 г.
17. Возникновение китайской красной армии.
18. Статьи из истории компартий: Германии, Франции, Англии, Чехословакии, Китая, Польши.
19. Второй конгресс Коммунистического интернационала.
20. Третий конгресс Коммунистического интернационала.

7. История СССР

ДООКТЯБРЬСКАЯ ИСТОРИЯ СССР

1. Первые письменные документы по истории древней Руси.
2. Греческие и римские колонии на Черноморском побережье.
3. О рабстве в древней Руси.
4. Сарматы.
5. Скифы.
6. Хозарское царство.
7. Народные восстания Киевской Руси.
8. Южная граница славянской колонизации на Дону и Волге в XI—XIII вв.
9. О так называемом втором закрепощении крестьянства в России.
10. Казанское и астраханское царство.
11. Генуэзские поселения в Крыму и их влияние на древнюю Русь.
12. Как жили крестьяне XVII в. в Московской Руси.
13. Б. Хмельницкий (Хмельничина).
14. Восстание Наливайко.
15. Колиивщина.
16. Крестьянское восстание в Астрахани в начале XVIII в.
17. Ермак и покорение Сибири.
18. Покорение Кавказа.
19. Покорение Средней Азии.
20. Из истории Таджикистана.
21. Крепостная Россия в борьбе с революционной Францией.
22. Внешняя политика Николая I (Россия—жандарм европейской реакции).
23. Международное положение России между Крымской и франко-прусской войнами.
24. Первые железные дороги в России.
25. Из истории капиталистической индустрии (Донбасс—Урал).
26. Морозовская стачка (к 50-летию).
27. Колониальная политика царизма в 60—90-х гг. XIX столетия.
28. История земства.
29. Польская буржуазия и царское правительство.
30. Царское правительство и Финляндия.

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

1. Бегство немецких оккупантов с Украины.
2. Разгром Деникина на Кубани.
3. Конец деникинщины.
4. Национальная политика Деникина.
5. Врангелевщина.
6. Борьба за Царицын.
7. Перекоп.
8. Волочаевские и Спасские бси.
9. Борьба с уральской контрреволюцией.

10. Колчаковщина.
11. К 15-летию освобождения Архангельска.
12. Из истории Дальневосточной республики.
13. Партизанская борьба с японской интервенцией.
14. Разгром наступления белополяков на Украину.
15. Петлюровщина на службе польских панов.
16. Бой на Березине.
17. Ликвидация меньшевистской власти в Грузии.
18. К 15-летию конной армии.

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

1. Из истории социалистического Донбасса.
2. Кузбасс.
3. Магнитогорск.
4. История колхозной стройки (несколько колхозов).
5. История реконструкции отдельных заводов.

8. История партии

1. Совещание расширенной редакции «Пролетарий» (июнь 1909 г.).
2. Пражская конференция.
3. К 20-летию ленинского учения о победе социализма в одной стране.
4. IX съезд партии.
5. IX всероссийская конференция ВКП(б) в сентябре 1920 г.
6. Партийное строительство в годы гражданской войны.
7. Трудовые армии.
8. Профсоюзная дискуссия.
9. 4-е совещание ЦК с работниками национальных республик и областей (июнь 1923 г.).
10. XIV съезд партии.
11. Организационное строительство партии в реконструктивный период.
12. Борьба за единство партии в реконструктивный период.
13. Развитие внутрипартийной и рабочей демократии в реконструктивный период.
14. Ленин на съездах советов.
15. О подонках бывшей зиновьевской антипартийной группы и их вдохновителях.

9. Биографии исторических деятелей

ДРЕВНИЙ МИР

1. Рамзес II.	5. Геродот.
2. Ассурбанипал.	6. Марк Антоний.
3. Солон.	7. Тацит.
4. Пизистрат.	8. Сократ.

СРЕДНИЕ ВЕКА

1. Гарун-Аль-Рашид.	6. Кампанелла.
2. Фридрих Барбаросса.	7. Игнатий Лайолла.
3. Данте.	8. Джордано Бруно.
4. Джованно Медичи.	9. Томас Мюнцер.
5. Савонаролла.	10. Леонардо да Винчи.

НОВАЯ ИСТОРИЯ

1. Кромвель.
2. Робеспьер.
3. Варлен.
4. Франкель.
5. Луиза Мишель.
6. Бисмарк.
7. Мария Терезия.
8. Сун Ят-Сен.

ИСТОРИЯ СССР

Цари и царские деятели:

Иоанн Грозный, Петр I, Екатерина II, Победоносцев, Витте, Столыпин, Катв, Леонтьев.

Русская буржуазия и ее идеологи:

Савва Морозов, Рябушинский, Гучков, Милюков, Струве, Путилов.

Буржуазно-помещичьи и мелкобуржуазные историки России:

Карамзин, Соловьев, Костомаров, Ключевский, Грушевский, Платонов, Рожков

Русские социалисты-утописты:

Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Ткачев, Лавров, Михайловский.

Деятели национально-освободительного движения:

Шевченко, Шамиль, Костюшко, Домбровский.

Вожди рабочего класса и борцы революции:

1. Свердлов.
2. Фрунзе.
3. С. М. Киров.
4. Мархлевский.
5. Бабушкин.
6. Иннокентий (Дубровский).
7. Шаумян.
8. Инесса Арманд.
9. Ольминский.
10. Сен Катаяма.
11. Благоев.
12. Хейвуд.
13. Кингиссеп.
14. Тибор Самуэли.
15. Самойлова.
16. Шеер.
17. Кдара Цеткин.

План по отделу библиографии будет дан дополнительно.

СОДЕРЖАНИЕ

НОМЕРОВ ЖУРНАЛА „БОРЬБА КЛАССОВ“ за 1934 Г.

1

Обращение ЦК к партии, ко всем трудящимся (22 января 1924 г.).

Речь товарища Сталина на II съезде советов 26 января 1924 г.

С. ГОПНЕР. Под знаменем Ленина—Сталина вперед к победе мирового Октября.

Б. ВОЛИН. От одиннадцатого к семнадцатому.

Л. ФРУГ. За ленинское единство партии.

И. СОЛЫЦ. Крепить союз рабочего класса с крестьянством.

Ф. ФРУМКИНА. Борьба Ленина с оппортунизмом во II интернационале.

И. ВОЛКОВИЧЕР. Ленин и подготовка Пражской конференции 1912 г.

А. ПАНКРАТОВА. Ленин и советы в первый период диктатуры пролетариата.

С. ПИОНТКОВСКИЙ. Ленин в Совнарком (от II до III съезда советов).

О. ВЕЙЛАНД. На краковской квартире Ильича.

В. ЯКОВЛЕВА. Ленин — образец конкретного руководства.

С. ПЕСТКОВСКИЙ. Ленин в период 1917—1920 гг.

О. ЧААДАЕВА. Рабочие «Трехгорки» о Ленине.

А. ПОСЕЛЯНИНА. Ленинский призыв (московский завод «Серп и молот»).

Н. ДОБРОТВОР. Тульские рабочие о Ленине.

ДУРАСОВ. В. И. Ленин в нижегородской парторганизации.

О. ЖЕМЧУЖИНА. Обзор воспоминаний о Ленине (библиотечка ИМЭЛ).

И. ВОЛКОВИЧЕР. Сборник Ленина XXIV.

ПОЛКА КНИЖНЫХ НОВИНОК.

2

А. ПАНКРАТОВА. Борьба за победу социализма и историческая наука в СССР.

Б. НОДЕЛЬМАН. Ленин и германская революция 1918 г.

С. СИЛЕСТО. Ленин и сунятсенизм.

Л. ЗУБОК. Ленин об американском рабочем движении.

Б. ПОЛЯКОВ. Ленинское оперативное руководство в гражданской войне.

Е. ИОСЕЛИАНИ. Московские рабочие о Ленине.

Г. РЕЙХБЕРГ. Как начиналась японская интервенция.

А. ЕМЕЛЬЯНОВ. Вооруженное восстание в Ростове на Дону в 1905 г.

И. РАТЬКОВ. В борьбе за большевистские лозунги (1905—1914 гг. Воспоминания подпольщика).

З. ШИРИНСКИЙ. Центральный архив Красной армии.

Н. ДЕРЖАВИН. Институт славяноведения Академии наук СССР (итоги научно-исследовательской работы).

В. ЕРШОВ. Среднеазиатский музей искусства и истории революции.

И. БАХ. «Письма деятелей I интернационала в дни Коммуны 1871 г.». М. 1933. Изд. ИМЭЛ. 63 стр. «Письма рабкоров Парижской коммуны». М. 1933. Изд. ИМЭЛ. 59 стр.

Тематический план «Борьбы классов» на 1934 г.

Письмо в редакцию.

Письмо к читателям.

3

Пятнадцать лет Коммунистического интернационала.

О. СЕНЕКИНА. Первый конгресс Коминтерна (1919—1934 гг.).

П. РАХОМЯГИ. КИМ — опора Коминтерна.

Д. БАЕВСКИЙ. Ленин и циммервальдская левая.

Ф. ВИНТЕР. Пятнадцать лет КПГ.

ЛИ-МИН. Важнейший этап большевизации компартии Китая.

В. ВАТАНАБЭ. Печать большевиков Японии.

Х. КАБАКЧИЕВ. Компартия Болгарии в первый период своего развития и Коминтерн.

П. ГАЙДУ. Советская республика в Венгрии.

С. БАНТКЕ. Стачечные бои французского пролетариата (1919—1920 г.).

А. ШЕНАУ. Революционные бои австрийского пролетариата (1927—1934 гг.)

Е. СОКОЛОВСКАЯ. Жанна Лябурб (из воспоминания о борьбе с интервентами в Одессе в 1918—1919 гг.).

С. ЛИВШИЦ. Германский коммунистический плакат.

Г. БЕРГМАН. Выставка «15 лет КПГ» (1920—1933 гг.).

С. КАН. «Протоколы Парижской коммуны». Партиздат. Т. I. 1933. 464 стр. Письмо к читателям.

4

Историческую науку на высшую ступень.

И. БАС. Сталин — организатор и руководитель большевистской печати в годы подполья.

П. ПАРАДИЗОВ. О создании научной истории промышленности и рабочего класса СССР.

П. БУТЫРИНА. Из национально-освободительной борьбы Южной Осетии.

Н. БУРКИН. Борьба трудящихся горцев за Октябрь.

Л. ПОТАПОВ. Классовые взаимоотношения у алтайцев до Октября.

С. ПЕТРОВ. Борьба с дутовщиной.

И. ПРЕМЫСЛЕР. Документ из истории деникинщины.

Г. ПАНАСИЙ. Первая стачка.

С. ОКУНЬ. Петербургский совет рабочих депутатов и путиловские рабочие в 1905 г.

Б. АМЕНИЦКИЙ. Тагер А. С. Царская Россия и дело Бейлиса.

Ф. ФРУМКИНА. I всегерманский съезд рабочих и солдатских советов. Стенографический отчет. С предисл. Е. Пашуканиса. Институт советского строительства и права Коммунистической академии. Госиздат. Советское законодательство. 311 стр.

История фабрик и заводов.

Институт национальностей.

Трибуна читателя.

5—6

Историческое образование на новом этапе.

Н. ВАНАГ. Поворот к исторической конкретности.

А. МИШУЛИН. Древняя история в средней и высшей школе.

Ц. ФРИДЛЯНД. Об учебнике новой и новейшей истории.

М. НЕЧКИНА. Об учебнике и «чувстве исторической перспективы».

А. УНИК. Программа по истории для средней школы.

И. МЕРЗОН. Первые уроки по истории.

А. ФОХТ. Методика урока истории (опытная школа НКП им. Лепешинского).

Ю. БОЧАРОВ, П. ЕРИК, Д. НИКИФОРОВ. Картина и чертеж на уроке истории (из опыта преподавания истории).

Н. АНДРЕЕВСКАЯ. Документы в деле преподавания истории.

А. ГУКОВСКИЙ. Исторические диапозитивы.

С. КАН. За повышение квалификации преподавателей истории (из опыта проверки их знаний).

А. СТРАЖЕВ. Учебник истории царской России.

А. СОКОЛОВА. О преподавании истории в фашистской Германии.

В. БЕРНАДСКИЙ. О «германоведческом» течении в методике истории.

Ал. ИОАНИСИАНИ. История в школах Франции.

В. НИКОЛЬСКИЙ. Древнейшее человеческое общество в свете новых открытий.

П. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ. Падение древнего Рима.

О. ЖЕМЧУЖИНА. Чикагская трагедия.

Бригада ИКП истории:

С. СЕРГЕЕВ, Е. КОСМИНСКИЙ, И. СУХОВ, О. ЛИПАТОВА. История. Эпоха феодализма. А. Гуковский и О. Трахтенберг.

Бригада ИКП истории:

Ф. КОЗЛОВ, Ф. ФРУМКИНА. Очерки истории революционного движения. Исторический факультет МГУ.

Исторический факультет ЛГУ.

Соцэкгиз. Подготовка литературы по истории.

- А. ПАНКРАТОВА. Великий путь.
 П. СОЛОВЬЕВ. Возникновение и возвышение Москвы.
 А. ГАЙСИНОВИЧ. Москва в XVII—XVIII вв.
 А. БИРЗЕ. К истории Кремля и Красной площади.
 С. ПИОНТКОВСКИЙ. Классовая борьба в Москве на рубеже XVI—XVII вв.
 В. ЛЕБЕДЕВ. Московские восстания 1648 и 1662 гг.
 Ф. ЕВГЕНЬЕВ. «Большой суконный двор» в Москве XVIII в.
 В. ЗЕЛЬЦЕР. Москва XIX—XX вв.
 О. РУСТИК. Старообрядческое Преображенское кладбище (как накапливались капиталы в Москве).
 Н. ДРУЖИНИН. Революционное движение в Москве (от декабристов к народолюбцам).
 О. ЖЕМЧУЖИНА. Софья Бардина (из истории «хождения в народ»).
 П. АНАТОЛЬЕВ. Первые московские рабочие-революционеры (70—80 гг. XIX в.).
 В. НЕВСКИЙ. «Московский рабочий союз».
 С. ЧЕРДАНОВА. Женщина в первых марксистских кружках.
 А. ШЕСТАКОВ. Всеобщая октябрьская стачка 1905 г. в Москве.
 Л. ФРУГ. Николай Бауман.
 М. ВАСИЛЬЕВ-ЮЖИН. Московское вооруженное восстание 1905 г.
 З. ЛИТВИН-СЕДОЙ. Восстание на Красной Пресне (воспоминания).
 О. ИВАНОВА. Московское военно-техническое бюро РСДРП (1906—1907 г.).
 А. ГОЛУБКОВ. Московские большевики в борьбе с ликвидаторством и отзовизмом (1908—1910 гг.).
 С. ЛИВШИЦ. Московская охранка в борьбе с революционным движением.
 О. ПЯТНИЦКИЙ. Московские рабочие в октябрьские дни.
 Вл. БОНЧ-БРУЕВИЧ. Перевод столицы в Москву.
 Г. КОСТРОВ. Московская парторганизация в период Октября — Бреста.
 Г. КОСТОМАРОВ. Ленин и Московский совет.
 Л. БЫЧКОВ. Московский комсомол в гражданской войне.
 Н. ДОБРОТВОР. Московские рабочие в продотрядах.
 А. ПОСЕЛЯНИНА. Восстановление завода «Серп и молот».
 Б. МАРТОВ. Реконструкция завода «Серп и молот».
 Л. ПЕРЧИК. Борьба за социалистическую реконструкцию Москвы.
 Е. ЗВЯГИНЦЕВ. Жилища трудящихся в старой Москве.
 С. ЛАПИЦКАЯ. Жилищное строительство новой Москвы после Октябрьской революции.
 Н. ТАРАСОВ. Транспорт в капиталистической и социалистической Москве.
 Г. ВАЙСМАН. История улицы Горького.
 Т. САЗАЙТИ. История Арбата.
 А. РОДИН. История одного московского дома.
 А. Р. Памятники эпох.
 П. МИЛЛЕР. Сухарева башня.
 Иностранцы о старой и новой Москве.
 В. ОРЛОВ. Из истории Московского университета.
 Е. ВИНОГРАДОВА. Библиотека им. Ленина.
 А. КРАЙНОВ. Государственный исторический музей.
 Л. ВАСИЧ. От Английского клуба к Музею революции.
 А. ЗАМОШКИН. Государственная третьяковская галерея.
 О. ЛИТОВСКИЙ. Московские театры.
 Л. РЕТКОВСКАЯ. Из истории московского села Коломенского.
 Ф. ЗАЛЕССКАЯ. Дореволюционная литература по истории Москвы.

- Д. БАЕВСКИЙ. Борьба большевиков против империалистической войны 1914—1918 гг.
 О. ЧААДАЕВА. Большевики и армия накануне Февральской революции.
 Л. СТАЛЬ. Работа парижской секции большевиков среди французских работниц в 1914—1916 гг.
 К. ЛАНДЕР. Самарская организация большевиков в начале мировой войны.
 Н. ДОБРОТВОР. «Заря Поволжья» (Самара, «Рабочий журнал». 1914 г.).
 А. ПОПОВ и Е. ШТИХ. Дальний Восток накануне империалистической войны.
 М. МИТЕЛЬМАН и ГЛЕБОВ. «Путиловец» в годы империалистической войны.
 Е. ШТОК. Рабочее движение в Германии в 1914—1918 гг.
 Г. ВИЛЛАНД. Германский химический завод Лойна.

- А. МИШУЛИН.** Античная Индия.
В. ОРАНСКИЙ. Пунические войны.
В. СТОКЛИЦКАЯ-ТЕРЕШКОВИЧ. Гамбургское восстание 1483 г.
В. ЗЕЛЬЦЕР. Промышленная революция в России.
А. АНГАРОВ. Грэвс. За дымовой завесой.
Ц. ФРИДЛЯНД. Поджигатели войны.
Ю. КРАСОВСКИЙ. В. Н. Ламздорф. «Дневник 1891—1892 г.». Под ред. и с предисл. Ротштейна.
КОЦЮБИНСКИЙ. Историко-бытовой музей в Алушке.
Е. КОСМИНСКИЙ и **И. СУХОВ.** Ответ читателю Кольченко.

10

- Основные вехи истории I интернационала.
Г. БЫКОВ. К. Маркс, Фр. Энгельс и революционные чартисты.
Ф. КОЗЛОВ. Борьба Маркса с прудонистами в I интернационале.
П. АНАТОЛЬЕВ. I интернационал и царское правительство.
Ф. ФРУМКИНА. К речи В. Либкнехта на Базельском конгрессе I интернационала.
АНСЕЛЬМО ЛОРЕНЦО. Из воспоминаний о Марксе.
А. ЕФИМОВ. Письмо английских рабочих Линкольну.
Н. КОВБАС. Членские взносы в I интернационале.
А. МИШУЛИН. Боги и люди древнего Египта.
В. СЕРГЕЕВ. «Золотой век» Перикла.
Ц. ФРИДЛЯНД. Был ли Лавуазье революционером.
А. ВАСЮТИНСКИЙ. Новые документы по истории «Заговора равных».
Т. ДЖЕКСОН и **И. СНЕГИРЕВ.** Британский империализм и рабство в Кении.
А. Е. Восстание негров-рабов в Северной Америке.
В. СЕМЕНОВ. Галвна Серебрякова. Юность Маркса. Роман. Книга 1-я.
ГИХЛ. П. Виноградская. Женни Маркс. Соцэкгиз.
С. ЛИВШИЦ. Что читать об испанской революции 1931—1934 гг.

11

- М. ЛУРЬЕ.** Ленин и петербургская организация большевиков в Октябрьском вооруженном восстании.
Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ. Московская военная организация в социалистической революции 1917 года.
О. ПЯТНИЦКИЙ. Создание органов советской власти в Москве.
В. БАКИНСКИЙ. Разгром «Правды» в 1917 г.
А. КОРОЛЕВА. Разгон Учредилки.
Н. КОРНАТОВСКИЙ. Партия в обороне Петрограда осенью 1919 г.
Н. ПАЯЛИН. Шлиссельбургский тракт (Невская застава).
Р. МАНДЕЛЬЦВАЙГ. Софья Перовская.
В. СЕРГЕЕВ. Пелопоннесские войны.
В. СЕМЕНОВ. Восстание Уота Тайлера.
К. КАЗИМИРСКИЙ. Первая боевая организация большевиков 1905—1907 гг. Статьи, воспоминания и документы. Состав. С. М. Познер, с предисл. М. Горького. Изд. «Старый большевик», 1934 г. 304 стр.
Ю. КРАСОВСКИЙ. А. Воронский. Желябов. Жизнь замечательных людей. Вып. 3-й и 4-й. Жургазоб'единение. М. 1934. 389 стр.
С. КОСМИНСКИЙ и **М. СМИРИН.** Библиография по истории крестьянских войн.
А. БОЧКОВ. Октябрь — освободитель угнетенных национальностей (Выставка Центрархива к XVII годовщине Октябрьской революции). Историческая комиссия Академии наук СССР (первое полугодие 1934 г.).
В. ЗЕЛЬЦЕР и **В. СТОКЛИЦКАЯ-ТЕРЕШКОВИЧ.** Консультация. План публичных лекций исторического факультета МГУ.

О П Е Ч А Т К И

В № 11 «Борьбы классов» на стр. 100, правая колонка, 2 строка сверху напечатано: тарифа 1833 г., следует читать: тарифа 1822 г.
 11 строка сверху напечатано: от акций, следует читать: от ассигнаций.
 38 стр. сверху напечатано: думах и т. д., следует читать: городских думах и т. д.

- А. МИШУЛИН. Античная Индия.
 В. ОРАНСКИЙ. Пунические войны.
 В. СТОКЛИЦКАЯ-ТЕРЕШКОВИЧ. Гамбургское восстание 1483 г.
 В. ЗЕЛЬЦЕР. Промышленная революция в России.
 А. АНГАРОВ. Грэвс. За дымовой завесой.
 Ц. ФРИДЛЯНД. Поджигатели войны.
 Ю. КРАСОВСКИЙ. В. Н. Ламздорф. «Дневник 1891—1892 г.». Под ред. и с предисл. Ротштейна.
 КОЦЮБИНСКИЙ. Историко-бытовой музей в Алушке.
 Е. КОСМИНСКИЙ и И. СУХОВ. Ответ читателю Кольченко.

10

- Основные вехи истории I интернационала.
 Г. БЫКОВ. К. Маркс, Фр. Энгельс и революционные чартисты.
 Ф. КОЗЛОВ. Борьба Маркса с прудонистами в I интернационале.
 П. АНАТОЛЬЕВ. I интернационал и царское правительство.
 Ф. ФРУМКИНА. К речи В. Либкнехта на Базельском конгрессе I интернационала.
 АНСЕЛЬМО ЛОРЕНЦО. Из воспоминаний о Марксе.
 А. ЕФИМОВ. Письмо английских рабочих Линкольну.
 Н. КОВБАС. Членские взносы в I интернационале.
 А. МИШУЛИН. Боги и люди древнего Египта.
 В. СЕРГЕЕВ. «Золотой век» Перикла.
 Ц. ФРИДЛЯНД. Был ли Лавуазье революционером.
 А. ВАСЮТИНСКИЙ. Новые документы по истории «Заговора равных».
 Т. ДЖЕКСОН и И. СНЕГИРЕВ. Британский империализм и рабство в Кении.
 А. Е. Восстание негров-рабов в Северной Америке.
 В. СЕМЕНОВ. Галвна Серебрякова. Юность Маркса. Роман. Книга 1-я.
 ГИХЛ. П. Виноградская. Женни Маркс. Соцэкгиз.
 С. ЛИВШИЦ. Что читать об испанской революции 1931—1934 гг.

11

- М. ЛУРЬЕ. Ленин и петербургская организация большевиков в Октябрьском вооруженном восстании.
 Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ. Московская военная организация в социалистической революции 1917 года.
 О. ПЯТНИЦКИЙ. Создание органов советской власти в Москве.
 В. БАКИНСКИЙ. Разгром «Правды» в 1917 г.
 А. КОРОЛЕВА. Разгон Учредилки.
 Н. КОРНАТОВСКИЙ. Партия в обороне Петрограда осенью 1919 г.
 Н. ПАЯЛИН. Шлиссельбургский тракт (Невская застава).
 Р. МАНДЕЛЬЦВАЙГ. Софья Перовская.
 В. СЕРГЕЕВ. Пелопоннесские войны.
 В. СЕМЕНОВ. Восстание Уота Тайлера.
 К. КАЗИМИРСКИЙ. Первая боевая организация большевиков 1905—1907 гг. Статьи, воспоминания и документы. Состав. С. М. Познер, с предисл. М. Горького. Изд. «Старый большевик», 1934 г. 304 стр.
 Ю. КРАСОВСКИЙ. А. Воронский. Желябов. Жизнь замечательных людей. Вып. 3-й и 4-й. Жургазоб'единение. М. 1934. 389 стр.
 С. КОСМИНСКИЙ и М. СМИРИН. Библиография по истории крестьянских войн.
 А. БОЧКОВ. Октябрь — освободитель угнетенных национальностей (Выставка Центрархива к XVII годовщине Октябрьской революции). Историческая комиссия Академии наук СССР (первое полугодие 1934 г.).
 В. ЗЕЛЬЦЕР и В. СТОКЛИЦКАЯ-ТЕРЕШКОВИЧ. Консультация. План публичных лекций исторического факультета МГУ.

О П Е Ч А Т К И

В № 11 «Борьбы классов» на стр. 100, правая колонка, 2 строка сверху напечатано: тарифа 1833 г., следует читать: тарифа 1822 г.
 11 строка сверху напечатано: от акций, следует читать: от ассигнаций.
 38 стр. сверху напечатано: думах и т. д., следует читать: городских думах и т. д.